

Денис Рогаткин

МОЛОДЁЖНАЯ

ПОЛИТИКА

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ ТЕХ,
КТО ОТВЕЧАЕТ ЗА МОЛОДЁЖЬ

Денис Рогаткин
Молодёжная политика

Настольная книга для тех, кто отвечает за молодёжь

Оглавление

ОТ АВТОРА	3
ЗАГАДКИ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ.....	4
ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ	4
ПОЛИТИКА, ИЗ КОТОРОЙ СДЕЛАЛИ СФЕРУ	7
МЕЧТАЯ ПОПАСТЬ В СТРУЮ	10
ЗНАКОМЬТЕСЬ: МОЛОДЁЖЬ!	14
НЕ ЗАДУШИШЬ, НЕ УБЬЁШЬ!.....	14
ПАРАДОКСЫ ВЗРОСЛЕНИЯ.....	18
ВОЛОНТЁРСТВО: У НАС И У НИХ	23
ЖАБА ЧАХЛА, ЖАБА СОХЛА, ЖАБА СДОХЛА	23
ВОКРУГ ДА ОКОЛО ВОЛОНТЁРСТВА	26
ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ ДОБРА	30
ТАКИЕ РАЗНЫЕ НКО	35
БЕГИ ЗА МНОЙ, ИЛИ ХРЮШИ ПРОТИВ	35
ПЛЮС СЕЛИГЕРИЗАЦИЯ ВСЕЙ СТРАНЫ	39
ПЛОХАЯ НОВОСТЬ: СТИЛЯГ В АМЕРИКЕ НЕТ!	43
МЖК ПО-ШВЕДСКИ	46
ГДЕ ДЕНЬГИ, ЗИН?	50
МОЛОДЁЖКА: ЗАКАТ ИЛИ РАССВЕТ?	54
КРИЗИС ЖАНРА, ИЛИ НЕ В ДЕНЬГАХ СЧАСТЬЕ.....	54
ЗАЧЕМ ВЫ, ДЕВОЧКИ?	58
И НА КАМНЯХ РАСТУТ ДЕРЕВЬЯ	62
СТУПЕНИ МОЛОДЁЖНОГО УЧАСТИЯ	68
МОЛОДЕЖЬ, ДЕЙСТВУЙ!	73
ВАМ И НЕ СНИЛОСЬ	78
ТЕКСТ И КОНТЕКСТ	82
ПОДПИСЬ БРЕЖНЕВА	86
ПРОЩАЙ, ВАСЯ!.....	92
ПРО БЕЛОГО БЫЧКА	97
В МАЛЕНЬКОМ ГОРОДЕ П.....	102
СИЛА СИСТЕМЫ.....	102
СТАВКИ РЕШАЮТ ВСЁ	108
ОДИН-НОЛЬ В ПОЛЬЗУ НАРКОМПРОСА	112
НЕ РАДИ БУМАЖКИ	116
ДЕСЯТЬ ЛЕТ, КОТОРЫЕ НЕ ПРОШЛИ ДАРОМ	122
ПОДНИМАТЬ ПЛАНКУ	127
КОРИДОРЫ ВЛАСТИ	131
ГРАДУСНИК ДЛЯ МОЛОДЁЖКИ.....	137
НЕ ПРОЩАЛЬНЫЕ СЛОВА	141

От автора

Пару лет назад один мой знакомый, долгое время работавший руководителем НКО и директором учреждения, стал начальником управления по делам молодежи крупного областного центра. На эту должность он попал далеко не случайно: был вполне компетентным, даже можно сказать – продвинутым.

И вот он, человек, знающий о молодежи всё или почти всё, вскоре после начала работы в новой должности поделился следующим соображением: «Как жалко, что нет такой книги, в которой было бы написано, что такое молодежная политика и как ей заниматься. Вот было бы замечательно: открыл, прочитал, понял, – и работаешь в верном направлении!»

Сожаления моего товарища по поводу отсутствия подобной книжки были мне вполне понятны. Десятью годами раньше другой мой товарищ стал начальником отдела молодежи в нашем родном городе – Петрозаводске. Он тоже пришел в молодежку не с улицы: в юности был в Городском пионерском штабе, комиссарил в лагерях актива, работал в школе, возглавил движение поисковиков, стал директором регионального учреждения. Но и он в новой должности действовал скорее по наитию. Желание чем-то помочь другу заставило меня задуматься о том, какой должна быть молодежная политика в отдельно взятом городе. Пока я искал ответ, товарища заметили и забрали из мэрии в правительство. Но на его место снова пришел «наш человек». С теми же вечными вопросами: что делать и с чего начать?

К этому времени у меня уже появились кое-какие идеи. Я начертил их моим друзьям-чиновникам на листочке А4. Эта схема стала скелетом молодежной политики Петрозаводска на ближайшие 10 лет.

Рассказываю я это для того, чтобы поделиться с тобой, читатель, простыми жизненными фактами. Чтобы разработать систему молодежной политики города, мне понадобился год. При этом нужно пояснить, что этому году предшествовало кое-что еще, а именно – 4 года руководства детской организацией и 10 лет предыдущей жизни в коммунальстве. Так что, если считать честно, то получается 15 лет. Следующие десять лет с хвостиком мне понадобились для того, чтобы хорошенько повариться в молодежной политике и набрать материал для этой книжки. Следовательно, её чтение сэкономит тебе минимум 25 лет жизни. А чиновники, как известно, так долго не живут. Тем более в «молодёжке».

Не будем строить иллюзий – в этой книжке нет никаких рецептов выживания в коридорах власти. Наша идиллия с петрозаводской мэрией продолжалась 10 лет, или, – если считать в мэрах, – то два мэра. Третий по счету мэр слил молодежь в спорт, после чего наши друзья из управления по делам молодежи гордо покинули мэрию по сокращению штатов. Мэр, подобно Людмиле Прокофьевне Калугиной из фильма «Служебный роман», удивленно произносил им вслед примерно следующее: «Как ушли? Я не давал такого распоряжения...»

В общем, друг, твоя судьба в молодежке непредсказуема. Возможно, ты будешь работать долго и счастливо, и даже доживешь в этом качестве до пенсии, как это успешно делают молодежные работники в соседней с нами стабильной стране Финляндии. А может быть, твой срок – до нового мэра или до очередной «оптимизации». И, как говорил классик, прожить его нужно так, чтобы не было мучительно больно... В общем, чтоб было что вспомнить и что рассказать внукам на пенсии, которая еще кажется такой далёкой. «Не жаль, что молодость прошла, а жаль, что пенсию не дали!» – этими прощальными

словами запомнился людям председатель ликвидированного в конце 90-х годов Комитета по делам молодежи Карелии.

У финнов, кстати, есть трогательная традиция – за два-три года до пенсии молодежный руководитель уступает своё кресло более молодому коллеге, а сам остается в организации замом или простым специалистом. За эти два-три года он передает сменщику все ключи от сейфов, а потом спокойно уходит с чувством выполненного долга на покой. Получается, что даже финны, у которых с книжками про молодежную политику дела обстоят куда лучше, чем у нас, признают, что новый начальник не в состоянии сразу войти в курс дела, и ему нужно ненавязчиво помочь. Но у нас – свои методы работы с молодежью: взял саблю побольше – и вперед, в атаку!

Я, конечно, написал не такую книжку, о которой мечтал мой знакомый, ставший молодежным чиновником. Он наверняка хотел бы видеть нечто верное в абсолюте: цели и задачи такие-то, направления такие-то, методы такие-то, и будет тебе результат. И ты доволен, и начальство хвалит.

Беда в том, что такая книжка может быть написана только в такой стране, в которой эти позиции четко сформулированы в официальных концепциях и программах. А после этого – проверены на практике в течение нескольких лет. Но это, увы, не наш случай. Ведь мы с тобой, друг, работаем в ситуации концептуальной манной каши, да еще и переживаем регулярные землетрясения в виде смены структур и персоналий, ведающих молодежью.

Поэтому книжка получилась заведомо субъективной, уж не обессудь.

Загадки молодёжной политики

Дело государственной важности

Давно известно: если ты хочешь вызвать ступор у чиновника, поставленного на молодежь, спроси у него, что такое молодёжная политика. Ты, друг, наверняка знаешь это на собственном примере. Чтобы ты не смущался, я немного поговорю о тебе в третьем лице.

Так вот, в большинстве случаев *он*, чиновник, даже не станет пытаться объяснить выражение «молодежная политика» просто и понятно, а станет использовать сложные словесные конструкции из официальных бумаг. Что-то вроде:

- политика, направленная на...
- деятельность органов государственной власти, реализуемая посредством...
- система мер, обеспечивающая... (и дальше длинная вереница фраз, которая напрочь убивает память о том, что было в начале).

Для примера – две официальные формулировки:

Государственная молодёжная политика — система государственных приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодёжи, для развития её потенциала в интересах Российской Федерации и, следовательно, на социально-экономическое и культурное развитие страны, обеспечение её конкурентоспособности и укрепление национальной безопасности. (2006)

Государственная молодежная политика — система приоритетов, решений и действий государства, направленных на расширение возможностей молодежи для эффективной самореализации, успешной социализации и роста человеческого капитала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, конкурентоспособности, национальной безопасности страны. (2013)

Да, такое и вправду непросто пересказать собственными словами! Поэтому для ясности давай-ка мы с тобой будем руководствоваться крайне простым, даже примитивным определением:

Молодежная политика – это политика государства по отношению к молодежи.

«Ну, здравствуйте, приехали! Что за примитив!» – сказала (или подумала) на этом месте добрая половина читателей. – «Вообще-то, если речь идет о политике государства, то её называют не просто молодежной политикой, а *государственной* молодежной политикой!»

О, да! Большинство чиновников от молодежи вместе с должностью получают особое умение с неповторимым шармом произносить это вкусное, заветное слово – *государственная*. Этому, кстати, вполне можно научиться самостоятельно: нужно сделать легкую паузу после буквы «у», а затем подчеркнуть нажимом слог «да». Вот попробуй: *госу-ДАрственная!* Ах, да, кого я учу – ты ведь и сам давно это умеешь!

Продолжим нашу беседу:

– *Друг*, – спрашиваю я, – *ты тоже думаешь, что бывает государственная и негосударственная молодежная политика?*

– Ну да, наверное... А как же корпорации, муниципалы, молодежные организации? Они же не государство... У них молодежная политика не государственная, а просто – молодежная политика...

– Друг, очнись! Никакой молодежной политики у них нет и быть не может! Максимум – программы и проекты, адресованные молодежи!

– А это что, не политика?

– Разумеется, нет!

Объясню, почему. Формулирование и реализация политики в любой сфере – это прерогатива государства. Даже если с участием граждан, общественных организаций, сути это не меняет: принимает окончательное решение и проводит политику в жизнь именно государственная власть. У государства есть много «политик»: образовательная политика, социальная политика, инновационная политика, культурная политика, экономическая политика... Может быть, тебя это огорчит, но молодежная политика абсолютно ничем от них не отличается.

Почему-то никому и в голову не приходит говорить, что есть *государственная* экономическая политика, а есть просто «экономическая политика», которую реализует не государство, а кто-то другой – например, фирмы или союзы предпринимателей. Друг, то, что делают фирмы – это называется не экономической политикой, а бизнесом.

Конечно, можно удариться в исследование разнообразных контекстов употребления слова «политика». Но в нашем случае это совершенно бесполезное занятие. Давай просто запомним, что в переводе с греческого слово «политика» означает «государственная деятельность».

Так вот, ни корпорации, ни уж тем более общественные организации не осуществляют никакой собственной, «негосударственной» молодежной политики. Просто в силу того, что они не обладают никакими инструментами реализации политики: они не могут принимать законы, не имеют собственной полиции и судов, а также полного денег

Центробанка... Наверное, мысль уже ясна? Итак, политика в любой сфере – это прерогатива государства, у которого есть соответствующие инструменты: законы, власть и крепкие бюджетные рубли.

Что касается муниципального уровня власти, то говорить о муниципальной молодежной политике, конечно, можно, но с очень большими кавычками. Муниципальный уровень – это, естественно, тоже уровень власти, который в некоторой степени может регулировать жизнь молодежи. Но только в очень незначительной степени. Поэтому, и выражение «муниципальная молодежная политика» я бы употреблять не советовал.

В общем, с проблемами государственности мы разделились. Теперь можем обратиться ко второй части длинных официальных формулировок – к той самой, после которой забываешь их первую часть. Если перевести все эти «*возможности для успешной социализации*» на человеческий язык, то получается, что молодежная политика – это только те действия государства, которые направлены на прогресс. То бишь, на благо самой молодежи и на благо всей страны. А что, если политика государства не создает для молодежи новых возможностей, а, наоборот, создает для неё препятствия, трудности? Из-за этого такая политика перестает быть молодежной? А тогда какая же она, позвольте полюбопытствовать?

Вне зависимости от того, «на что направлена» политика государства по отношению к молодежи, суть дела не меняется. Со знаком минус или со знаком плюс, она всё равно остается политикой государства по отношению к молодежи, то есть молодежной политикой.

Давай мы с тобой забудем всё, что мы знаем о «мероприятиях молодежной политики», которыми ты занимаешься каждый день. А вместо них вспомним какие-нибудь примеры реальной политики государства по отношению к молодежи. Это нетрудно: все они на слуху.

Например, выпускники школы должны сдавать ЕГЭ.

Отличный пример! Это действительно одно из проявлений политики государства по отношению к молодежи. Эта государственная мера имеет, как известно, и плюсы, и минусы. Плюсы: теперь девушка из глухой сибирской тайги или юноша из заснеженного горного аула могут беспрепятственно получить место в столичном вузе. Отличный карьерный лифт! Замечательный пример выявления и поддержки подающей надежды молодежи! Есть и минусы: уровень общей грамотности поколения снижается, поскольку учителя теперь нацелены на узкую задачу – как бы успеть «натаскать» детей на тесты. Вот уже на самом верху подумывают о том, что пора бы вернуть выпускное сочинение... Видишь, реальная молодежная политика государства меняется на наших глазах!

Еще пример:

Каждый юноша, достигший возраста 18 лет, должен отслужить в армии.

Тоже неплохой пример. И тоже мнения разделятся. Кто-то скажет, что эта политика правильная: юноши за год службы взрослеют, мужают, становятся дисциплинированными и патриотичными. Не зря же теперь уклонистам закрыт путь в чиновники! И это – тоже молодежная политика. Другие возраят: этот год жизни молодого человека – крайне важен. Ему, молодому человеку, нужно делать научные открытия, создавать семью, рожать детей (а что у нас с демографией?), заботиться о родителях, двигать вперед общество, реализовывать свой потенциал на его благо! Вы ведь именно к этому призывали его все школьные и студенческие годы? А почему же теперь вы предлагаете ему вместо полной самоотдачи жизни бессмысленно стаптывать целый год кирзовые

сапоги? «Но ведь родину кто-то должен защищать!» – ответят первые. – «Это даже по Конституции – священный долг», – и тоже будут по-своему правы.

В общем, друг, наш с тобой разговор становится интересным. Ты уже, кажется, готов что-то сказать? Давай, слушаю!

– Я всё время считал, что занимаюсь молодежной политикой. А теперь у меня возникает ощущение, что всё, что я делаю, не имеет к реальной молодежной политике абсолютно никакого отношения...

– В какой-то степени – да. Ты со своими возможностями никогда не перевесишь огромное государство. И соперничать с ним тебе незачем. Но это вовсе не означает того, что ты делаешь ненужную работу. Наоборот: именно твоя работа крайне важна. Если, конечно, делать её грамотно. Но об этом мы еще успеем поговорить. А пока вернемся к словам, которые обозначают ту сферу, в которой мы работаем. Ту самую молодежку...

Политика, из которой сделали сферу

Только люди из молодежки имеют привилегию представляться солидно и таинственно: «Я работаю в сфере молодежной политики».

Было бы очень смешно, если бы так представлялись не только молодежные деятели, но и все остальные. Коллега из Минобраза в ответ представился бы так: «А я работаю в сфере образовательной политики». А коллеге из Рослесхоза, наверное, с трудом удалось бы выговорить следующее: «А я работаю в сфере политики в сфере лесных отношений». Бр-р-р...

– *Ну конечно,* – скажешь ты. – *Им хорошо. У них отрасли называются по-человечески: образование, спорт, соцзащита... лес, в конце концов! А наша отрасль называется – «молодежная политика». Не мы её так назвали, не нам это и менять.*

– А ты считаешь, что говорить «я работаю в сфере политики» – это по-русски? И тебя не коробит? И ты действительно думаешь, что «сфера политики» существует?

– Но я же там работаю – стало быть, существует...

Вообще-то, русский язык не всегда прощает небрежное к себе отношение. В конце 90-х молодежку в Карелии передали региональному министерству образования. Скрестили название Минобраза и Комитета по делам молодежи. Получилось – «Министерство образования и по делам молодежи». Ну, конечно, с чего бы это солидное министерство, которое призвано нести свет в массы, должно было бы комплексовать по поводу грамотности собственного названия! Молодежные лидеры сразу же стали называть новоявленное министерство по-своему: «Министерство образования. И поделом молодежи!»

Ставшее устойчивым выражение «сфера молодежной политики» играет с молодежкой небезобидную шутку. Но *сфера* – это еще цветочки. Гораздо круче, когда молодежную политику называют *отраслью*. Я тебя сейчас спрошу именно об этом:

– Друг, ты сказал, что молодежная политика – это отрасль. Ты в этом уверен?

– А как же! В бумагах так и написано: «Финансирование по отрасли «молодежная политика» в текущем финансовом году составляет...»

– Понятно. Давай разбираться!

Стоны о том, что молодежная политика, как отрасль, не получает необходимой поддержки от государства, непрерывно раздаются со времен распада СССР.

Периодически появляются доклады, аналитические записки, резолюции молодежных форумов о том, что отрасли «молодежная политика» нужны свои заводы, газеты и пароходы, космические корабли и нефтяные вышки... Ну, а раз всего перечисленного вы все-таки нам не дадите... тогда дайте денег, да побольше, побольше!!! И мы застроим всю страну молодежными центрами! Но, разумеется, денег должно хватить еще и на ставки, и на мероприятия. И тогда с молодежью наконец-то будет всё в порядке!

И всё вроде бы верно, и никто вроде не против... но денег почему-то не дают. Вот и вынуждена отрасль «молодежная политика» влачить жалкое существование.

Ты не помнишь забавную сценку десятилетней давности, когда депутаты Госдумы пытались надавить на тогдашнего министра экономики Грефа по поводу согласования программы «Молодежь России»? Он дал весьма остроумный ответ: «Мы несколько раз собирались по поводу этой программы. Ребята, которые её разрабатывали – классные, толковые. Но ничего внятного в программу предложить не могут!» Тебе не кажется, что это диагноз, причем довольно точный?

А вот пример из родной Карелии. Более свежий. Молодежку к тому времени уже забрали из образования и отдали в спорт. И вот Министерство молодежной политики, спорта и туризма разработало программу «Молодежь Карелии» и отправило её на согласование в местный Минэконом. Программу оттуда завернули со словами: «Всё, что вы написали, уже делают другие ведомства. Это относится к их полномочиям. Вы напишите что-то такое, чего не делает никто». Спортсмены спорить с экономистами не стали и сделали программу из трёх разделов:

- вовлечение молодежи в общественные организации, органы самоуправления, молодежные программы и проекты;
- досуг, творчество и молодежные инициативы;
- развитие инфраструктуры молодежной политики.

Странно, почему у экономистов не вызвал возражений последний пункт? Зачем, исходя из их логики, развивать инфраструктуру того, чего они не понимают?

Амбициозные заявления о сверхзадачах программы в тексте остались – видимо, не стали вычеркивать то, что было в изначальном проекте, до его входа в Минэконом. *«Принятие Программы позволит проводить единую региональную политику и укрепить взаимодействие органов исполнительной власти и органов местного самоуправления в сфере реализации государственной молодежной политики, скоординировать работу государственных и общественных структур в молодежной сфере и придать этой работе системный характер».*

Понятно, что если остались только досуг и молодежные инициативы, то «системный характер» честнее было бы вычеркнуть.

Ты потерял нить повествования? Не понимаешь, к чему это лирическое отступление? Да всё к тому же: мы ведь сами добивались того, чтобы молодежная политика перестала быть политикой, а стала *политикой в кавычках*, а на самом деле – отраслью или на худой конец сферой.

Наше бесконечное повторение мантр «в сфере молодежной политики», «по отрасли молодежная политика» привело к тому, что все вокруг уверены: молодежная политика – это какие-то непонятные мероприятия, которые проводит молодежное ведомство. Детский сад, песочница.

Ты хочешь сказать, что мы ни при чем? Это придумали до нас, это уже легло на бумагу, а значит – так будет всегда? Но, дружище, это ведь мы с тобой специалисты по молодежи, а не наши коллеги из Минфина или Минэконома. И если мы не будем

создавать правильные представления о том, чем мы занимаемся, то мы не вырвемся из этого замкнутого круга никогда.

Давай-ка вспомним наше рабочее определение:

Молодежная политика – это политика государства по отношению к молодежи.

Эта политика будет сколь-нибудь заметной только в том случае, если её реализацией будут заниматься все отраслевые ведомства. Если и появятся исключения из списка причастных, то очень и очень редкие.

Поэтому молодежная политика не может быть ни отраслью, ни сферой. Это именно политика, которая имеет межведомственный характер по определению. И только в таком виде она будет приводить к заметным результатам.

Казалось бы, это совершенно очевидные, прописные истины. Но почему же мы тогда упорно стремимся сделать слова «молодежная политика» названием той отрасли, в которой мы трудимся? Всё просто – не знаем других слов. «Языками не владею», – как говорил незадачливый режиссёр Дякин из фильма «Иван Васильевич меняет профессию».

Так вот, во всем мире эта отрасль или сфера называется *молодежной работой* – youth work. По-русски, очевидно, более грамотно было бы сказать «работа с молодежью». Или можно использовать солидный вариант: «система работы с молодежью».

В трактовке ЕС, молодежная работа – это широкое понятие, охватывающее большое разнообразие видов деятельности социальной, культурной, образовательной или политической направленности, которые осуществляются как для молодых людей и вместе с ними, так и ими самостоятельно.

Попробуем упростить:

Система работа с молодежью – это весь спектр услуг и возможностей самореализации, созданных специально для молодежи.

– Итак, друг, где же ты работаешь?

– Похоже, что в системе молодежной работы.

– «Работаю в системе работы» – это, конечно, тоже корявая фраза, но она гораздо лучше, чем «в сфере молодежной политики»!

– А как же политика? Мне нужно помахать ей ручкой?

– Нет, здесь не всё так просто. Ведь если ты не занимаешься политикой, то политика займется тобой. Вряд ли тебя обрадует такая перспектива!

Не забывай, что ты, молодежный работник, являешься одним из самых лучших экспертов по молодежи. Лучше тебя в этом качестве – только сама молодежь. Поэтому молодежные ведомства должны быть основными разработчиками молодежной политики. Но при этом думать нужно не только о себе любимых, не только о развитии системы молодежной работы, подведомственной родному комитету, а именно о политике всего региона по отношению к молодым людям. Ты не должен строить молодежи жильё вместо жилищников, выдавать субсидии молодым предпринимателям вместо коллег-экономистов, петь и плясать перед молодежью вместо культуры... Но ты должен развернуть всех этих своих коллег лицом к молодежи. Тогда, возможно, и появится в твоём регионе молодежная политика. Но об этом мы еще обязательно поговорим более подробно. А пока – небольшой тест.

В 2013 году коллегия Минобрнауки РФ рассматривала вопрос о молодежной политике. В выступлении докладчика присутствовал слайд с заголовком «Направления

молодежной политики». Эти направления ты сейчас прочитаешь. Итак, ответь на вопрос: это направления молодежной *политики* или молодежной *работы*?

- гражданское и патриотическое воспитание;
- формирование образа жизни (видимо, *здорового*);
- международное сотрудничество;
- развитие студенческих отрядов (видимо, *движения* студенческих отрядов);
- толерантность;
- поддержка талантливой молодежи;
- развитие добровольческого движения;
- развитие студенческого самоуправления.

Я думаю, у тебя не возникло никаких затруднений с ответом. Весь этот перечень тянет максимум на направления молодежной *работы* – то есть деятельности, осуществляемой для молодежи и вместе с ней в её свободное время. Но никак не на направления молодежной политики – политики государства по отношению к молодежи.

Выходит, разницу между молодежной работой и молодежной политикой не всегда видят даже на самом верху. А всё почему? Да потому, что им наверняка тоже нравится представляться важно и слегка таинственно: «Где я работаю? Я работаю в сфере молодежной политики». Ну, а что на это ответить – ты уже знаешь!

Мечтая попасть в струю

Наша молодежка живёт на свете не первый день. Эта дама вообще-то уже находится в сознательном возрасте – как-никак, третий десяток пошел.

Но, кажется, она так и не поняла, зачем же она, бедолага, существует. У неё явно наблюдается устойчивый комплекс, сформированный детской психической травмой. С

ранних лет от нашей молодежи все постоянно отказывались и посылали кормиться в какое-нибудь другое ведомство. Где-то в подсознании у неё крепко засело, что она – незаконнорожденное дитя, подкидыш, и её саму, как таковую, никто и никогда не полюбит. Что ж делать, такая судьба...

Хороший психиатр на жизненном пути нашей молодежи не повстречался. И она решила, что у неё остается один способ выживания – суметь вовремя попасть в струю. Вот об этом мы сегодня и поговорим.

– *Кстати, друг, ты еще помнишь молодежную политику середины 1990-х годов?*

– «Лихие девяностые»? А что, она тогда уже была?

– А как же! Комсомол и пионерию после путча распустили, и вскоре начали создавать комитеты и отделы по делам молодежи. Эти комитеты хватались за всё подряд. В программе «Молодёжь России» было 15 направлений, которые долгое время оставались неизменными. Казалось, они вечны. Взгляни на этот список. Что ты о нём скажешь?

1. *Создание системы информационного обеспечения молодежи.*
2. *Пути решения жилищной проблемы молодежи.*
3. *Поддержка молодой семьи.*
4. *Поддержка молодежного предпринимательства.*
5. *Решение вопросов занятости молодежи.*
6. *Развитие гражданской ответственности и патриотизма российской молодежи.*
7. *Поддержка талантливой молодежи.*
8. *Развитие художественного творчества молодежи.*
9. *Развитие массового спорта среди детей и молодежи.*
10. *Формирование и развитие системы социальных служб для молодежи.*
11. *Развитие системы детского, молодежного и семейного отдыха.*
12. *Международное молодежное сотрудничество.*
13. *Система подготовки и переподготовки государственных служащих и специалистов по работе с молодежью.*
14. *Государственная поддержка деятельности детских и молодежных объединений.*
15. *Система контроля за реализацией Программы.*

– Итак, друг, что ты узнал об ориентирах молодежи 90-х годов?

– Резиновые какие-то ориентиры. Попытка объять необъятное...

– Да, фактически это означает отсутствие приоритетов. Ключевое слово в этих 15 направлениях – «поддержка». Дать молодежи жилье, работу, скрасить её досуг, организовать отдых... Фактически это система соцзащиты, адресованная молодежи. Идея такова: «Молодёжи трудно, она нуждается в поддержке государства».

– А еще говорят, что в девяностые всех обокрали, всё позакрывали, и только олигархи толстели и толстели...

– Ну, во всяком случае, экономическая ситуация была куда хуже, чем в 2000-е годы. Потянуть все 15 направлений для государства было заведомо невыполнимой задачей. На бумаге эти направления существовали, а в реальности просматривались с трудом. Потом наступил дефолт 1998 года, и идея поддержки молодежи обанкротилась. Комитеты по делам молодежи по стране стали закрывать в массовом порядке.

– Получается, молодежка пострадала из-за неправильно выбранных приоритетов?

– Отчасти да, но это вопрос спорный. Всегда легко обвинять жертву в том, что это она сама во всем виновата, а не тот, кто на неё напал. Да, молодежка 90-х расплылась по всем сторонам. Но всё-таки она, как ни странно, была вполне эффективной.

– Интересно, почему же?

– А вот посмотри: комитеты и отделы по делам молодежи массово появились в 1992 году. В 1998 году их начали разгонять. Итого – 6 лет работы. Не такой большой срок. За это время молодежка кое-что успела. Например, при поддержке комитетов встали на ноги первые детские и молодежные организации. А еще, выполняя программу «Молодежь России», комитеты занимались созданием весьма специфического перечня учреждений: «молодежных бирж труда, центров социально-психологической помощи, наркологических служб, приютов для подростков и молодежи, учреждений социальной реабилитации несовершеннолетних правонарушителей». Представь, не было детской беспризорности при советской власти, и вдруг она – тут как тут! Молодежке пришлось всё это разгрести. Только позже подобные учреждения были переданы в другие ведомства.

– Выходит, размытость и всеядность молодежки 90-х – это скорее плюс, чем минус?

– Я думаю, плюс не в этом. Просто система создавалась с нуля, стремилась встать на ноги, нуждалась в союзниках и поэтому была более открытой. Если бы приоритеты были определены точнее, молодежке это пошло бы на пользу.

Не могу не рассказать историю о том, как я пришел в молодежку. Это было в 1994 году. Я заканчивал университет и намеревался создавать свою детскую организацию. По этому поводу меня познакомили с начальницей Отдела по делам молодежи Петрозаводска. Я было приступил к изложению своих намерений, но она тут же выдала ответ на всё то, что я даже не успел сказать: «Отлично, мы как раз сейчас строим новый подростковый клуб. Когда ты закончишь университет, мы его как раз достроим. Вот ты и пойдешь туда работать». Вопрос с моим трудоустройством был решен.

Надо сказать, что в конце 90-х годов городской отдел молодежи так и не разогнали. Почему – не знаю. Республиканский комитет распустили аж за год до дефолта – наверное, первыми в стране.

Вот представь: плохо лечат в больнице – разогнать Минздрав! Плохо учат в школе – разогнать Минобраз! Дефолт – разогнать Центробанк и Минфин! Все понимают, что такое можно представить только в бреду. Так почему, когда начальники именно так поступают с молодежкой, никто не крутит пальцем у виска?

Помню, как в конце 90-х в Петрозаводск приехал молодой и кудрявый вице-премьер российского правительства, тогда еще в статусе потенциального преемника Ельцина. И кто-то на одной из встреч спросил его: что будет с молодежной политикой? Он ответил примерно так: «А зачем она? Я сам молодежь, и мне лично никакая молодежная политика не нужна».

– И что же было дальше?

– А дальше молодежка еще лет десять тихо жила на чужих квартирах. А потом поняла, что пришел её звездный час. Время, когда наконец-то есть шанс попасть в струю. И эта «струя» называлась «борьба с оранжевой угрозой».

– Это я уже помню. Появилось замечательное молодежное движение «Наши».

– За всеми лозунгами, акциями и селигерами стояла простая идея: если в Москве, не дай Бог, начнется оранжевая революция, привезти со всей страны тысяч 50 крепкой молодежи, которая сметет с Красной площади оранжевую заразу.

– А что, неплохой маркетинг. Пришли ушлые ребята с этой туфтой и смогли впарить её на самом верху.

– Но официально, для приличия, это называлось... поддержкой талантливой молодежи! Кто ж еще ездит на Селигер – конечно, самые талантливые! Тексты Росмолодежи тех лет – очаровательны:

«Мы должны четко фиксировать: существует две зоны молодежной политики, которые являются для нас приоритетными. Это работа с двумя противоположными группами – талантливой и трудной молодежью... При этом подходы и методы, которые устанавливает Росмолодежь, являются обязательными для исполнения во всей стране постольку, поскольку в ней существует единая система исполнительной власти... Наша основная задача сегодня состоит в том, чтобы донести до руководства и сотрудников КДМ новые цели, принципы и приоритеты государственной молодежной политики в РФ... Сотрудники региональных КДМ должны понимать, что они решают общенациональные проблемы РФ, а не только защищают интересы своих регионов».

Ну а потом, когда оранжевые фобии улетели из высоких кабинетов, главному молодежному начальнику сказали примерно следующее:

– Вась, тему с оранжевой чумой мы закрываем, теперь у нас на повестке – модернизация. Займись-ка инновациями какими-нибудь, что ли...

А что? Очень удачно совпало! Ведь это тот же самый Селигер! И та же пластинка заиграла снова. Под новым лозунгом: «Инновационный прорыв». Теперь главная гордость Селигера – молодые изобретатели, которые поражают всех и вся своими ноу-хау, обещающими России рыбок в светлое будущее, в котором её уже не догонит никто в мире. Эх, и пожалееет же тогда Билл Гейтс, что он не русский, и не сумел вовремя сделать карьеру в главном инновационном центре планеты – Росмолодежи!

Так, наверное, всё это продолжалось бы и до сих пор. Но случились две неприятности. Первая: не двести-триста человек, как раньше, а десятки тысяч начали выходить на улицы в Москве и требовать открутить плотно закрученные гайки. Казалось бы, настал час икс! Эй, «Наши», спасай Россию! А вокруг и нет никого... ау, ребята, где вы? Ну, а следом – вторая неприятность: мировой финансовый кризис. Но, с другой стороны, это отличная возможность списать в архив любые инновации, а уж молодежные – тем более! Форс-мажор, ничего не попишешь!

– Тем не менее, Селигер продолжается.

– Я бы сказал, с упорством, достойным лучшего применения. Недавние предложения о том, чтобы превратить его в круглогодичный лагерь, потрясают своим милым бесстыдством. Такое впечатление, что для кого-то это уже стало неплохим бизнесом.

– Представляю, что будет в регионах, если на Селигер нужно будет отправлять делегации круглый год. Постоянная головная боль – как выполнить план по набору. Придется вводить всеобщую повинность, как в армии!

– Тем более, что мы присутствуем при второй попытке снова сменить флаг и продолжать крутить всё ту же пластинку. Наша молодежка вновь стремится попасть в очередную струю. Оранжевую чуму проехали, инновационный прорыв тоже. На очереди – «рост человеческого капитала молодежи». Причем термин «человеческий капитал» используется в весьма специфической интерпретации. У авторов теории человеческого капитала, получивших за неё нобелевскую премию по экономике, наверняка случился бы

взрыв мозга. Если коротко, то оценивать эффективность молодежной политики предлагается по способности молодежи «приносить доход». Посчитать, сколько средний молодой человек зарабатывает сейчас, а потом сделать то же самое в 2025 году. Если молодежь станет зарабатывать больше, значит, с молодежной политикой всё в порядке.

– А как же быть с основной массой молодежи, которая еще не работает, а учится? Её человеческий капитал – ноль?

– Дружище, этим «детским вопросом» ты убил такую красивую, серьезную экономическую идею! Попал ты, друг, точно в цель, в самое яблочко. Наши начальники, выходит, не понимают, кто их целевая группа. Не знают, что такое «молодёжь». Давай об этом в следующий раз и поговорим!

А пока – подытожим. Все попытки молодежи «держать нос по ветру» не привели ни к чему хорошему. Стремление попасть в очередную струю позволяет ей лишь некоторое время удержаться на плаву. Но вечно это продолжаться не может. Дальнейшая перспектива ясна: либо молодежная политика обретёт внятную долгосрочную стратегию, либо она снова будет закрыта за ненадобностью. Согласись: первый вариант гораздо лучше!

Знакомьтесь: молодёжь!

Не задушишь, не убьёшь!

Итак, про молодёжь.

Говорят, что молодость – это состояние души. Кто-то молод в свои восемьдесят, а кто-то – стар в свои 18. В этом, конечно, есть своя правда. Но для нас с тобой все эти рассуждения – не более чем лирика. Потому что по документам кто у нас молодёжь?..

– Граждане Российской Федерации в возрасте от 14 до 30 лет!

– Ну что сказать – остроумное определение! Давай представим картинку: пришли поиграть в теннис в местный молодежный центр три приятеля. Васе и Айдару по 17 лет, а Александру 18. Угадай, кто из них молодёжь?

– Конечно, все трое! По возрасту – вполне подходят! Хотя Александр – уже совершеннолетний, но до 30 лет он будет оставаться молодёжью.

– Ну да, верно. Только вот я не всё тебе рассказал про наших друзей-приятелей. Начнём с Айдара. Он недавно переехал к нам из Казахстана, и получение российского гражданства светит ему не скоро. А Александр приехал по студенческому обмену из Германии. Немец он, этот Александр!

– Понятно, к чему ты клонишь! Если руководствоваться определением, то молодёжью у нас считаются исключительно российские граждане. А значит, молодёжь из этой троицы – только Вася. Забавно!

– В этом случае 17-летнего Айдара, ровесника Васи, мы будем вынуждены отнести к детям – в строгом соответствии с Конвенцией о правах ребенка. А 18-летнего Александра – к взрослым. Ну и, согласно этой железной логике, специалист молодежного

центра выдаст теннисную ракетку только Васе, поскольку муниципальное задание у него – на оказание услуг молодежи, а не детям и взрослым. Так что Айдар с Александром пойдут тусоваться в подъезде. Да и Васе придется отправиться за ними следом – перспектива играть в теннис с самим собой вряд ли ему понравится.

Но не будем о парадоксах наших концепций и законов. Поговорим о сути дела. Как же получается, что с 14 до 17 лет ты одновременно относишься и к детям, и молодежи? А с 18 до 30 лет – одновременно к молодежи и взрослым? Спрашивается, кому и зачем это нужно? Не логичнее ли так: 0-13 – дети, 14-30 – молодежь, от 31 года и старше – взрослые?

– Это, кстати, весьма злободневная тема. Приходит один начальник и устанавливает правило: все вопросы по детям до 14-ти – в Минобраз, а с 14-ти – к нам, в молодежку. Потом приходит новый начальник и даёт другую установку: школьниками и студентами не занимайтесь, они и так в образовании, то есть под присмотром. А вот рабочая молодежь брошена на произвол судьбы. Давайте, окупивайте...

– Я думаю, последний вариант объясняется исторически. В нашей культуре традиционно было принято называть молодежью именно тех, кто закончил учебу и начинает свой трудовой путь. Молодежь – это покорители целины и труженики ударных комсомольских строек. У неё, молодёжи, сильные мозолистые руки, горящие глаза, желание свернуть горы или, на худой конец, повернуть реки. С некоторым допущением к молодежи относили и студентов – это «студенческая молодежь». Студенты отрабатывали своё право называться молодежью стройотрядами – тоже полезное для страны начинание. Ну а школьники? Школьники – это никакая не молодежь. Это дети. С них ничего не возьмешь, кроме макулатуры. Во многом такие представления сохраняются и сейчас. Иначе вряд ли возникла бы инновационная идея измерять молодежь по «способности приносить доход».

– Но всё-таки согласись: логика в этом есть. Ведь если государство вкладывает что-то в молодежь, то должно получить от неё какую-то отдачу.

– И желательно немедленно, да? Как ты думаешь, почему ООН определяет возраст молодежи более узко, чем это принято в России и Европе – от 15 до 24 лет? Это просто недоразумение, или в этом все-таки что-то есть?

– Трудно сказать... Во всяком случае, если бы такие возрастные границы были обозначены у нас, ни о какой рабочей молодежи мы бы уже не рассуждали.

– И склонялись бы к точке зрения некоторых наших европейских коллег-практиков о том, что молодежь – это лет до двадцати. А после двадцати человек должен учиться и работать, а не играть в теннис в молодежном клубе. В этом возрасте он уже относится не к молодежи, а к взрослым. Пусть даже и к «молодым взрослым».

– Я думаю, что в такой трактовке английское слово *youth* (молодежь) больше совпадает с нашим словом *юность*. Они, кстати, и звучат похоже.

– Очень точно подметил! Но при этом европейцы-теоретики считают, что молодежь начинает вступать в самостоятельную жизнь всё позже и позже. Четверть века назад они определяли возрастные рамки молодежи примерно как ООНовцы: от 15 до 25 лет. Сейчас – от 14 до 30 лет.

– Выходит, представления о границах молодежного возраста всё время меняются?

– Дело даже не в этом. Я думаю, что эти границы можно определить только условно. Потому что в реальности их нет.

– То есть как?

– Сейчас объясню. Давай сделаем шаг назад и вернемся в детство. Оно у нас, как известно, по закону должно заканчиваться с наступлением совершеннолетия. Накануне своих 18-ти ты еще был веселым, беззаботным ребенком. Но пробили часы, карета превратилась в тыкву, и ты уже – солидный дядя с усами. Понятно, что так может быть только на бумаге. Ребенок не превращается во взрослого в одночасье, а проходит долгий период взросления. И как правило, в 18 лет этот период еще не заканчивается. С точки зрения закона ты уже обладаешь всеми гражданскими правами, но пользоваться ими на полную катушку вряд ли станешь. Ведь в реальности ты еще не стал до конца самостоятельным человеком.

– К тому же социальный возраст человека не всегда соответствует его биологическому возрасту. Один в 25 лет находится на уровне 12-летнего, а другой совершает вполне взрослые поступки в свои 15.

– Поэтому с разной скоростью и с разной степенью успешности у людей происходит переход от детства к взрослой жизни. Собственно, те, кто в этом переходном периоде пребывают – они и есть молодежь. Попробуем это сформулировать.

Молодежь – люди, проживающие переходный период от детства к взрослой жизни.

Детство – это период, в котором ты полностью зависишь от взрослых. Они тебе что-то разрешают или запрещают, балуют сладостями или ставят в угол. Они же несут ответственность за твои поступки. Затем, среднестатистически годам к пятнадцати, родители обнаруживают, что чадо уже не нуждается в столь назойливой опеке и постепенно отпускают поводок. Вчерашний ребенок начинает активно самоутверждаться и доказывать всем вокруг, что он уже взрослый. Вообще-то, сейчас самое время предоставить ему такую возможность – еще 2-3 года, и ему придется принять решение о том, кем он хочет стать и какое образование он должен для этого получить. Вряд ли он сможет это сделать, если ни в чем себя не попробовал.

– Так это ж профориентация!

– Ну да, замечательная идея! Прогнал всех через компьютерный тест и выдал каждому направление – тебе в токари, тебе в пекари, а тебе – в большие начальники. Только после этого не вздумай смотреть, что они с этими твоими направлениями будут делать...

– Слушай, а что плохого в направлениях? Чем тебе профориентация не нравится? Нужно ведь детям о профессиях рассказывать! Вдруг узнают, заинтересуются...

– Знаешь, чтобы чем-то заинтересоваться, им нужно не рассказы о профессиях слушать, а пожить немного. Нормальной, активной жизнью, в свои 14-17 лет. И понять, через собственный опыт – чего они в жизни хотят, к чему они склонны. Они будут исходить из своего опыта, из своих представлений, а никак не из твоих профориентационных рассказов. И тогда они с большей степенью вероятности пойдут туда, куда им на самом деле нужно пойти.

– И что ты предлагаешь вместо профориентации?

– Ничего оригинального – хорошо организованную систему молодежной работы. А, если смотреть с точки зрения подростка – систему новых возможностей. В том числе – поддержку его самостоятельных шагов. Один приходит играть в театр, другой идет в волонтеры, третий – в рок-клуб, а четвертый – в научное общество, пятый – в экстремальный спорт. Не важно, какая деятельность. Куда пойти, подростки как-нибудь разберутся сами. Главное, чтобы система отношений там была другая, чем на этапе детства. Теперь тебя уже не столько чему-то учат, сколько берут в какое-то общее дело. Общая работа на результат превращает ребенка во взрослого быстрее всего.

– К сожалению, детей, которые проходят через такие программы – ничтожно малое количество по сравнению с общей массой. Мы постоянно зовём их в проекты, организации – приходят единицы. Подавляющее большинство сидит дома, в соцсетях и стрелалках. А те, кто пообщительнее – просто тусуются: бродят по торговым центрам, сидят в кино и кафешках, и еще всё время фотографируются...

– Обрати внимание: они хотят быть такими же, как взрослые. И находиться в тех же местах, где находятся взрослые. Мамы и папы уткнулись в планшеты и смартфоны – вот и они туда же. У родителей вечный шопинг? Ну и мы ничем не хуже! Идет нормальное освоение внешних атрибутов взрослой жизни.

– Ну докатились, атрибуты они осваивают! Родители, вообще-то, весь день на работе вкалывают, чтобы они по кафешкам шлялись!

– Друг, ты ведь молодежный работник! Ты-то лучше всех понимаешь, что у ребенка, который честно сидит в школе от звонка до звонка, а потом еще и сам выполняет все домашние задания, рабочий день получается не меньше, чем у взрослого! И нагрузки эти, с учетом возраста, вполне соизмеримы. Вот скажи, много взрослых у нас занимается волонтерством? Или в рок-клубе играет? В том-то и дело, что таких взрослых – единицы! Почему мы ждем от детей чего-то другого?

– И в чем же выход? Мы ведь должны стремиться охватить всех? Увлечь, вовлечь, организовать...

– Ты знаешь, в том, что мы должны стремиться дойти до каждого и «разбудить» его, я совершенно с тобой согласен. Но это увеличит количество активно самореализующейся молодежи максимум вдвое. Остальные так и останутся вне какой-либо организованной деятельности, кроме учебы и досуга. Поэтому выход будет не в том, чтобы всех увлечь и вовлечь. Нужно просто предоставить молодежи возможность участвовать в жизни общества в тех формах и на тех условиях, которые ей подходят. Мне кажется, эпоха, когда молодежь загоняли пинками в рай, уже не вернется.

– А делать-то что?

– На этот вопрос во всем мире теперь отвечают так: нужно внимательно слушать молодежь. И, желательно, при этом её слышать.

– Чего-о?

– Когда я спросил у коллег из Союза молодежных организаций Германии, каких изменений в молодежной политике они хотели бы добиться в следующее десятилетие, они не стали говорить о финансировании, ставках и помещениях, с которыми у них тоже не всё гладко. Они ответили просто: «Мы хотели бы добиться, чтобы голосовать на выборах можно было не с 18, а с 14 лет».

– А при чем здесь это? Ведь молодежь – вне политики!

– Это только у нас молодежь «вне политики». А у них официально работают молодежные отделения политических партий, и никто не заставляет их маскироваться под обычные, неполитические общественные организации. То, что говорят немцы – это последовательное развитие общепринятого взгляда на молодежную политику. Он заключается в том, что молодежь – это категория населения, которая имеет ограниченные возможности влияния на общество. Например, у неё до определенного возраста нет избирательных прав. А своё мнение, свои интересы, желания – уже есть, как и способность более или менее здраво их сформулировать. Поэтому для молодежи нужно создавать дополнительные возможности участия в жизни общества – компенсирующие механизмы. Из этого подхода выросли всевозможные молодежные парламенты,

ученические советы, молодежные группы влияния и другие модели развития диалога с молодежью. Всё это называется «слушать молодежный голос».

– Теперь понятно! Молодежные парламенты имеют смысл только до того момента, пока у молодежи нет реальной возможности избирать органы власти или избираться в них самим. А если предоставить молодежи право голоса непосредственно на выборах, то компенсирующие механизмы будут уже не нужны. Немцы молодцы – четко видят конечную цель.

– Давай мы с тобой будем относиться к этой истории как примеру, без широких обобщений. Я не думаю, что в обозримой перспективе можно рассчитывать на то, что 14-летние или даже 16-летние получают избирательные права. Дискуссия о том, пользу это принесет или вред, если и начнется, то наверняка растянется на многие годы. Пока список стран, в которых голосуют дети, не внушает оптимизма: с 17 лет голосуют в Северной Корее, с 16 лет – на Кубе, в Иране, Никарагуа и Бразилии. В общем, эксперимент не может считаться чистым. В некоторых из этих стран можно было бы голосовать хоть с пеленок, и это никак не повлияло бы на конечный результат. Так что не будем обвинять молодежь в бедах некоторых многострадальных народов.

– Но в 18 лет право голосовать у молодежи уже есть. Однако на выборы её не загнать. Как выборы – так Комитеты по делам молодежи начинают краковьяк отплясывать!

– Друг, тебе не кажется, что теперь уже ты начинаешь обвинять молодежь во всех бедах матушки-России? Я почему-то думаю, что если молодые люди убедятся в том, что от выборов что-то зависит – они придут, пускай и не в большинстве. Но вообще, конечно, мы, взрослые – странные люди. Сначала мы делаем всё, чтобы молодежь ничего не знала о политике. Ни политических организаций, ни правящих, ни тем паче оппозиционных партий – ни-ни! И в таком девственном виде молодежь должна дотянуть до совершеннолетия. Объясни, с чего она в 18 лет ринется толпой на избирательный участок? Во имя чего она оторвется от монитора и пойдет ставить крестики напротив каких-то хмурых мужиков в пиджаках, которых она в глаза не видела и между которыми она не находит ни единого различия?

– И что же делать?

– А я уже ответил: внимательно слушать молодежь. Стараться её слышать. И тогда, возможно, она убедится, что от её мнения и от неё самой в этой жизни что-то зависит.

Парадоксы взросления

О том, где проходит граница между молодостью и детством, мы поговорили. А теперь посмотрим на молодежный возраст с высоты своих лет. Попробуем найти границу между молодежью и взрослыми.

На первый взгляд, всё просто. Человек становится взрослым, когда он начинает самостоятельно управлять своей жизнью. Он становится экономически независимым от родителей и получает право на жизненно важные решения. Захочет – женится, захочет – разведется. Захочет – переедет в другой город, а завтра – в другую страну. А потом вдруг станет... например, славянофилом. Отпустит бороду и уедет в деревню, фермерством промышлять. Все дороги открыты, никто ему не указ. Ведь он взрослый, а значит – сам себе хозяин!

На этом месте среднестатистические взрослые обычно вздыхают и погружаются в горестные раздумья, примерно такие: «Эх, как же так? Что ж у меня жизнь-то такая постылая? Мне уже далеко за тридцать, а я ни шагу в сторону не могу сделать! Все-то

меня контролируют и пилят: на работе – начальство, дома – свекровь, мать, муж и даже дети... Господи, дожить бы до пенсии! Может, хоть тогда вздохну немного свободнее!»

Внутренние монологи взрослых, конечно, не всегда столь горестные, но на своё бесправие и незащищенность в нашем родном государстве сетуют практически все. Выходит, ломается наша стройная конструкция! Казалось бы, это только зеленая молодежь не может по неопытности отстоять свои интересы и добиться того, чтобы власть на неё работала. Но фокус в том, что этого не могут добиться и взрослые, за редкими исключениями. Вот и получается, что взрослыми мы стали, а ощущаем это – с трудом.

– *Выходит, ты становишься взрослым в тот момент, когда ты это почувствовал, ощутил?*

– Я как раз убежден в обратном. Наши ощущения здесь ни при чем. Согласись, сорокалетняя тётенька, ощущающая себя 17-летней девочкой, к молодежи никак не относится.

– А что же тогда считать критерием начала взрослой жизни? Может быть, уровень экономических возможностей?

– Тоже вряд ли. Молодым семьям часто помогают родители, но это не значит, что взрослая жизнь у них начнется лишь после того, как они смогут избавиться от их опеки. Представь, сколько взрослых людей жалуется на то, что они мало получают и ничего не могут себе позволить. Но ведь, в конце концов, их никто не заставляет трудиться на малооплачиваемой работе, никто не мешает им искать лучшей доли. Рамки, из которых они не могут вырваться, они нарисовали себе сами. Это был их личный выбор, их «взрослое» решение.

– Ага, объясни это мужику под пятьдесят, который всю жизнь проработал на единственном в поселке заводе, пока тот не развалился. Что ему остается, кроме как сидеть на пособии и пить?

– Ну, ему остается вспоминать замечательную советскую профориентацию, которая направила его в слесари или токари. Но забыла сказать, что в жизни всегда могут наступить крутые перемены.

– И все-таки вернемся к началу взрослой жизни. Ты говоришь, что его оценивают не по своим субъективным ощущениям и не по уровню экономической независимости...

– Да. Скорее – по фактической способности управлять собственной жизнью. Ты становишься взрослым, когда ты имеешь возможность самостоятельно принимать главные решения по поводу своей жизни. Это не значит, что ты всегда фактически это делаешь. Но возможность эта у тебя уже есть.

– По-моему, это очень размытая грань...

– Безусловно. Это ведь не одномоментный переход, а долгий процесс. И все-таки этот критерий вполне рабочий. Например, всех студентов я заведомо отношу к молодежи просто по факту того, что они ограничены в своем жизненном выборе, поскольку обязаны 4-5 лет проучиться в вузе и получить диплом. На эти 4-5 лет их самостоятельность весьма условна.

– Но при этом многие студенты параллельно работают. Кое-кто – даже по своей специальности.

– Если студент еще во время учебы стал классным специалистом, которому работодатель готов разрешить днём сидеть на лекциях, а работу выполнять по вечерам – это идеальный вариант! Такой студент уже доказал, что он чего-то стоит. После

получения диплома ему остается принять только одно решение – остаться у прежнего работодателя или поискать другого, который готов платить ему в три раза больше. Сказка!

– Фактически ты говоришь о том, что взрослая жизнь наступает, когда человек заканчивает учебу и начинает работать?

– Пожалуй, нет. Самостоятельность его жизненных решений не всегда связана с началом работы. Например, девушка, закончив школу, решает больше не учиться и идет работать. Как правило, на неквалифицированную работу и низкую зарплату. Если сообразительности хватает – будет набираться опыта и постепенно расти. А если нет – будет продолжать жить с родителями, для которых её зарплата будет означать только отсутствие необходимости давать дочери деньги на карманные расходы. От того, что вместо школы она ходит на работу, в её жизни, конечно, кое-что изменилось. Всё-таки появилась более серьезная ответственность. Даже если ты продаешь сим-карты, ты уже, как минимум, должен не потерять выручку. Но все-таки такое рабочее место напоминает процесс освоения элементарных трудовых навыков – это больше похоже на учебную ситуацию, чем на самостоятельную работу.

– В общем, момент, когда ты начинаешь управлять собственной жизнью и становишься независимым от родителей, связан с множеством жизненных обстоятельств. У каждого это – свой индивидуальный набор.

– И при этом еще раз подчеркну: то, что ты не управляешь своей жизнью и продолжаешь сидеть на шее у родителей в свои тридцать лет, не означает, что ты не являешься взрослым. Как только ты завершил образование, либо достиг определенного уровня физической зрелости, твоя взрослая жизнь наступила – хочешь ты этого или нет. Просто у тебя она такая вот... недоделанная.

– Ну хорошо. С тем, что кто-то уходит из категории «молодежь» уже в свои 20 лет, а кто-то – лишь в 30, мы разобрались. Что нам даёт это знание?

– Прежде всего – ответ на вопрос о целях и результатах молодежной политики.

– Ну-ка, ну-ка!

– Друг, ты, как молодежный работник, должен уметь объяснять это лучше всех. Во всяком случае, тебе известно, что написано по этому поводу в официальных стратегиях.

– Конечно! Старая версия говорит, что цель молодежной политики – развитие и реализация потенциала молодежи в интересах России. А в новом проекте целью обозначено формирование конкурентоспособного молодого поколения россиян...

– Получается, что нынешнее молодое поколение россиян неконкурентоспособно? Интересная мысль!

– И поэтому мы, молодежные работники, должны сформировать новое, конкурентоспособное поколение. Видимо, вместо старого, неконкурентоспособного. Так получается.

– Давай подойдем к вопросу с другой стороны. Как бы ты объяснил, что такое «цель»?

– Если своими словами, то цель – это то, к чему ты хочешь прийти.

– Мысль схвачена верно. Мне больше всего нравится такое определение:

Цель – желаемое состояние объекта воздействия.

Итак, объект воздействия молодежной политики – это молодежь. И каким же должно быть желаемое её состояние после того, как мы на неё воздействовали?

– Судя по официальным определениям, молодежь должна стать более подготовленной, грамотной... в общем, конкурентоспособной. С хорошим потенциалом!

– Замечательно! А тебя не смущает, что на этот же результат работает мощная и могучая система образования? С детскими садиками, школами, дворцами творчества, техникумами, вузами и аспирантурами.

– Но у них лекции, сессии и зачеты, а у нас – форумы, тренинги, проекты...

– Так отдайте свои форумы и проекты в образование! Если у вас есть передовые методы, они должны забрать их к себе с превеликой радостью! С их-то ресурсами! Тем более, что новые ФГОСы к этому их и призывают.

– Ты какую-то мрачную перспективу рисуешь... Нас там сожрут так, что косточек не останется!

– Просто нужно правильно формулировать цели своей работы, а не красть их у соседа. Давай восстановим логику нашего разговора. Мы рассуждали о том, что молодежь – это транзитная категория. Её главная характеристика – это процесс перехода от детства к взрослой жизни. Молодые люди постепенно освобождаются от родительской зависимости и встраиваются в общество в качестве самостоятельных действующих лиц. Если говорить о цели молодежной политики, то она не в том, чтобы молодежь стала красивее и лучше. Это лишь частная задача, которую может в некоторой степени решать *система молодежной работы*. Например, с помощью программ неформального образования – тех самых проектов, тренингов и форумов. Но главная цель *молодежной политики* – помочь молодежи успешно встроиться в общество, найти в нём своё место. Сформулируем:

Цель молодежной политики – обеспечить успешное встраивание молодежи в общество.

Под обществом в этой формулировке мы понимаем всё: экономику, социальные институты, семью...

– Получается, главная цель молодежной политики в том, чтобы молодые люди перестали быть молодежью, а стали успешными взрослыми.

– Точно! Молодежная политика – это троллейбус, через который постоянно проходит поток новых пассажиров. Они всё время меняются, но всех их нужно доставить из пункта Д (детство) в пункт В (взрослая жизнь). Троллейбус ездит по этому маршруту всегда, иногда меняя водителей, схему движения, колеса, кресла или стоимость проезда.

– Это, конечно, образно. Но все-таки, в чем разница между «формированием конкурентоспособного поколения» и «успешным встраиванием в общество»? Стоит ли ломать копыя, если это, по сути, один и тот же троллейбус?

– В том-то и дело, что это разные троллейбусы! На маршруте «К» (конкурентоспособность) ты едешь к самому себе, только более совершенному. Тренинги, форумы, разговоры об инновациях, всплеск эмоций... а потом конечная остановка, на которой стоит ларек. Ты сидишь в нём и торгуешь булочками, несмотря на всю свою «конкурентоспособность». Ты уже идеален, тебе нет равных, но почему-то никто вокруг этого не понимает. А как объяснить – ты не знаешь, ведь ты уже разговариваешь совсем на другом языке. Но тебе хорошо – ведь булочки такие вкусные!

– Ну а что же должно происходить на маршруте «В», который про «встраивание в общество»?

– А на маршруте «В» происходит следующее. Водитель этого троллейбуса понимает, что если молодой человек с высшим образованием приедет на конечный пункт,

чтобы торговать булочками, то он, водитель, перепутал маршрут. Не туда свернул. Потому что молодежь – это гораздо более важный для общества ресурс, чем нефть и газ. И этот ресурс нужно ценить. Нельзя относиться к нему расточительно. Если молодежь будет занимать в жизни не те места, на которых от неё будет максимальная отдача, то это не только проблема молодежи – это проблема всего общества. Особенно если учесть то, что наше общество – стареющее. Доля молодежи все время уменьшается. Поэтому в интересах общества встраивать молодежь таким образом, чтобы получать от молодежи максимальную пользу. Дешевле сейчас запустить этот троллейбус, чем потом решать проблемы молодых людей, которые не смогли адаптироваться к взрослой жизни.

– О! По-моему, ты тоже говоришь о пресловутой «способности молодежи приносить доход»!

– Дружище, в том-то и дело, что я ничего не говорю о «способности молодежи». При чем здесь её «способность»? Молодежная политика должна быть направлена не на формирование у молодежи каких-то способностей – это только частный случай, который занимает своё почетное место в системе молодежной *работы*. Молодежная *политика* должна работать на создание *механизмов* встраивания молодежи в общество. Это означает, что нужно изменять не столько молодежь, сколько само общество. Если хочешь – систему взаимодействия общества и молодежи.

– Приведи пример!

– Да молодежка сплошь состоит из таких примеров! Давай возьмем программу обеспечения жильем молодых семей. Погоди хвататься за голову, практику оставим за скобками – поговорим об идее. Когда государство запускает такую программу, оно что – повышает конкурентоспособность молодежи? Развивает её потенциал? Конечно, нет! Государство создает элементарные, базовые условия для того, чтобы молодежь имела возможность жить в этом городе и в этой стране. То есть оно встраивает молодежь в жизнь общества.

– Понятно. То же самое – с программами поддержки молодежного предпринимательства. Главная цель – не развить предпринимательскую жилку юного бизнесмена, а помочь ему начать собственный бизнес. То есть – помочь инициативной молодежи встроиться в систему экономических отношений. Так?

– Конечно. Каждый такой механизм – это новая остановка нашего троллейбуса, идущего по маршруту «В». Двери открываются – и у тебя появляются какие-то новые возможности, связанные с твоей самостоятельной жизнью. Где нравится – там и выходи!

– Какая-то идеальная картинка. А где же трудности, препятствия?

– А тебе их не хватает? По-моему, этого добра достаточно и без наших усилий. Знаешь, как формулируют молодежную стратегию страны Северной Европы? Очень просто: «Сделать Европейский Север лучшим в мире местом для жизни молодежи». А дальше – небольшое пояснение: если мы этого не сделаем, то молодежь будет покидать наш регион и уезжать в более тёплые страны. И тогда мы столкнемся с серьезными проблемами: сначала – демографическими, а затем и экономическими.

– По-моему, вполне универсальный поход. «Сделаем Россию лучшим в мире местом для молодежи!» Неплохой лозунг для нашей молодежной политики.

Жаба чახла, жаба сохла, жаба сдохла

Надо отдать нашим молодежным начальникам должное: превратить Россию в лучшее в мире место для молодежи они пытаются постоянно, не покладая рук. Правда, наблюдая за движением их пальцев, почему-то все время вспоминаешь известную телевизионную рубрику «очумелые ручки». В ней каждую неделю, уже лет двадцать подряд, два веселых самоделкина в белых халатах собирают вечный двигатель из пластиковых бутылок. И, заметьте: не унывают!

Целеустремленность наших самоделкиных от молодежи не перестает восхищать. Каждый раз они изобретают что-то доселе невиданное, не по-детски этому радуются и дружно кричат: «Давайте скорее попробуем!» Что переводится на взрослый бюрократический язык примерно так: «разработать методические рекомендации и внедрить в широкую практику». И вся страна, от Чукотки до Магадана, с головой погружается в новый эксперимент. Ведь у нас, как известно, выстроена вертикаль власти, и тебе, молодежному работнику, приходится шагать в ногу...

– Еще бы! Отчетность никто не отменял! Если у нас выдано 100 книжек волонтера, а у соседей – пять тысяч, то вывод ясен: мы сидим и семечки щелкаем, а соседи пахнут с утра до ночи!

– Ну вот ты и подкинул нам тему для разговора. Поговорим о том, как наши самоделкины развивают волонтерство и что из этого получается.

Пять лет назад молодежные начальники придумали оригинальную идею: обязать молодых волонтеров получать учётные номера на едином сайте. А затем – оценивать регионы по количеству зарегистрированных. Картинка – как на ладони!

Но это – еще не самое интересное. Сайт для регистрации российских добровольцев решили назвать весьма оригинально: «Жаба.ру». Как говорил капитан Врунгель, «как вы яхту назовёте, так она и поплывёт!» И наша Жаба поплыла рассекать бескрайние просторы российского добровольчества! Министерство спустило методические рекомендации в регионы, и все дружно начали регистрироваться у Жабы. Новый сайт, замечу, как нельзя лучше соответствовал своему названию. Вскоре после Явления Жабы наряду я написал о ней ехидную заметку.

Для тех, кого жаба не мучает

Федеральное молодежное ведомство отправляет волонтеров регистрироваться у «жабы».

Интернет-сайт «Жаба.ру» объявлен официальным местом, на котором все молодые волонтеры России будут получать регистрационные номера и скачивать «книжки волонтера».

«Твоя помощь нужна в африканских пустынях и на холодном севере. В дождливой Европе и ветреной Атлантике. Миллионы людей нуждаются именно в тебе, в твоих навыках,» – зазывают молодых людей авторы нового Интернет-проекта.

Разговаривая с молодыми людьми языком лягушки-квакушки, Жаба не скупится на обещания: *«Это сайт, который поможет тебе добиться успеха в жизни! Твой проект посмотрят звезды (МУЗ-тв, ТНТ, СТС), если он хорош,*

то запросто может понравится звезде. Тебе проще будет добиться известности». Без мягкого знака в слове «понравиться» фраза звучит даже более молодежно. А то, что звезда без кавычек – это не эстрадный артист, а небесное светило, уже и вспоминать неловко.

В вопросах волонтерства Интернет-жаба оказалась весьма всеядной. Ей абсолютно всё равно, кого называть волонтерами – тех, кто «помогает людям в африканских пустынях», или хочет научиться танцевать вальс, или желает открыть свой бизнес. С такой широтой взглядов мы не только переплюнем по волонтерам старушку-Европу, но и поставим мировой рекорд – скоро волонтеров среди молодежи станет гораздо больше, чем самой молодежи.

Письмом от 26 августа 2009 года губернаторам поставлена задача: довести долю волонтеров в 2010 году до 11% от общего количества молодежи региона, в 2012 году – до 18%. Показательно, что в Европе, где много лет работают над поощрением волонтерства, только 16% молодежи вовлечено в волонтерскую деятельность, при этом на регулярной основе – только 2%. Но в том, что через 3 года мы догоним и перегоним Европу, нет никаких сомнений: отчитываться о количестве волонтеров будут сами регионы, а какие цифры вписать в отчет – абсолютно ясно из текста упомянутого письма.

Познакомившись с жабой поближе, понимаешь – она не просто крупная зеленая лягушка, а мощное существо с большими понтами. Говорит о себе она без ложной скромности: *«Такого сервиса на данный момент даже и близко нет. Для активной части молодежи это просто золотая жила; для пассивной – возможность быть в теме, завести связи и пробиться».*

Рассказ о себе Жаба завершает оптимистично: *«Проект дает возможность для каждого из пришедших на сайт построить такое будущее, при котором ему найдется хорошее место в нашей стране».* Это не может не вселять оптимизм: выходит, по крайней мере одно хорошее место в нашей стране все-таки есть. Впрочем, какое место для жабы самое лучшее – все мы прекрасно знаем.

– Ну что ж, время подтвердило, что по поводу Жабы ты не ошибся. Всё так и произошло: регионы стали соревноваться в выполнении «плана по волонтерам» и регистрировать на этом сайте всех подряд. Коллеги из одного большого региона рассказывали мне, что когда они стали сверять свой реальный список волонтеров с базой данных Жабы, то выяснилось, что 70% – это мёртвые души! Люди, которых либо не существует вообще, либо те, кого зарегистрировали на сайте без их ведома. Зато какая у региона была красивая цифра – 29 тысяч волонтеров!

– Я недавно наткнулся на замечательный школьный сценарий церемонии посвящения в волонтеры. Тебе понравится:

Ученики 3 класса читают стихи:

Кто очистил двор от сора?
Эти люди – волонтеры.
Всё поправили, убрали,
С малышами поиграли.

Рассказали нам о Мире –
Мир добрее стал и шире!

Это дело – их участие
В торжестве Земного Счастья!

Я расту. 14 мне скоро.
Тоже стану волонтером!

Заместитель директора по воспитательной работе:

– В советское время по сути волонтерской деятельностью могли считаться субботники... Хочется отметить, что в нашей школе все учащиеся, достигшие 14-летнего возраста, зарегистрированы на сайте «Жаба ру» и все являются волонтерами.

– В советские годы, как я помню, тоже принимали в комсомол с 14 лет? А теперь, выходит, по той же схеме посвящают в волонтеры. Ниша заполнена. Свято место пусто не бывает!

– Боюсь, что этот принцип может сработать и в случае с самой Жабой. Как ты знаешь, недавно Жаба... сдохла. Растворилась, утащив в небытие всю бесценную базу данных молодых волонтеров России. Сайт попросту исчез, и восстанавливать его никто не намерен. Правда, поговаривают, что могут создать другой аналогичный сайт и обяжут волонтеров заново зарегистрироваться теперь уже на нём.

– И снова начнется охота за мертвыми душами!

– Да, Гоголь бессмертен! И все-таки: сайт рухнул, но личные книжки волонтера ведь остались! Как ты думаешь, идея с книжками оправдала себя?

– В какой-то степени – да. Во-первых, по количеству выданных книжек мы действительно можем оценить реальную численность волонтеров. А во-вторых, ребятам и самим нравится иметь такую книжку, вносить в неё отметки о своём волонтерском опыте.

– Знаешь, дружище, давай-ка мы немного отложим разговор о содержании волонтерской книжки. Я хочу спросить тебя о другом. Тебе не кажется, что введением этой книжки молодежные чиновники на целых пять лет переключили внимание огромного количества организаций с содержания работы на её формальную сторону?

– Что ты имеешь в виду?

– А вот что. Волонтерство – одна из самых популярных и востребованных тем. Заметь: не из-за книжки! Множество людей, не зная ни о каких «жабах» и книжках, объединяются через социальные сети и идут в свое свободное время решать те проблемы, которые их волнуют. Кто-то играет с детьми в домах ребенка, кто-то разгребает свалки, кто-то защищает памятники архитектуры. При этом социальные учреждения, а зачастую и общественные организации, до сих пор не научились работать с волонтерами. Рабочих мест, которые были бы созданы в организациях специально для волонтеров, практически не существует. Системы поддержки молодых людей, которые хотели бы поработать в организациях в качестве волонтеров, также не существует. А это значит, что волонтерская деятельность сводится к разовым мероприятиям: постой с флагом, сходи на субботник, спой песню на празднике. И вот вместо того, чтобы поддерживать создание системы молодежного волонтерства, мы занимаемся книжкой. Пять лет волонтерские центры и молодежные чиновники до хрипоты спорят об этой книжке – правильная она или не очень. Одни организации её игнорируют. Другие воспринимают книжку как данность и даже становятся уполномоченными организациями по учету и выдаче волонтерских книжек в регионах – за деньги комитетов по делам молодежи. Может быть, эти финансы было бы разумнее использовать на более полезные для волонтерства проекты? Не на то,

чтобы учитывать волонтеров, а на то, чтобы развивать систему молодежного добровольчества?

– А кроме книжки есть еще конкурс «Доброволец года»...

– Это пример из того же смыслового ряда. У нас нет волонтеров, но мы будем проводить для них конкурсы и выявлять среди них лучших.

– То есть как – «нет волонтеров»?

– Очень просто. Мы стали называть словами «волонтер» и «доброволец» всех подряд. Любого молодого человека, который сделал что-то полезное. Как раньше всех хороших ребят мы называли пионерами или тимуровцами. В итоге на конкурсах добровольцев мы видим в основном либо школьных активистов, либо лидеров молодежных организаций, либо участников социальных проектов. Но при чем же здесь волонтерство?

– А разве ни при чем?

– Вот об этом давай подробно поговорим в следующий раз!

Вокруг да около волонтерства

На вопрос «Кто такие волонтеры?» обычно отвечают чем-то высокопарно-возвышенным, с характерной трепетной интонацией. Смысл ответа примерно такой: «Волонтеры – это те, кто несёт людям Добро!» Не станем упражняться в пересказе пафосных фраз, которыми обычно описывают волонтерство. Если принять их всерьез, то выходит, что волонтерство – это как минимум нравственный подвиг. При таком подходе добровольца можно легко отличить от простого смертного – по сияющему вокруг его головы нимбу.

Впрочем, есть и будничное, практическое определение: «Волонтеры – это бесплатная рабочая сила». И ты, молодежный работник, сталкиваешься с этим подходом чаще всех. Начальству понадобилось срочно убрать свалку перед каким-нибудь торжественным мероприятием? «Пришли-ка волонтеров!» Разнести открытки по квартирам пенсионеров в День пожилого человека? «Выдели-ка десяток-другой волонтеров!» Нужно регистрировать гостей и участников на какой-нибудь важной конференции? «А зачем нам кого-то нанимать? У нас ведь есть волонтеры! Вот их и поставим!»

Густой пафос, которым обволакивают волонтеров, не оставляет им самостоятельного выбора. «Умей сказать нет!» – явно не их лозунг. Ведь это именно они – бескорыстные люди, всегда готовые прийти на помощь. А следовательно – безотказные. Согласись, очень удобно всегда иметь под рукой хотя бы два десятка таких незаменимых помощников.

– Это точно. Если бы не было волонтеров, пришлось бы нам самим брать в руки грабли по каждой очередной команде сверху.

– А как ты думаешь, откуда у твоего начальства появилось представление о том, что волонтеры – это мальчики и девочки, которые обязаны бесплатно на него работать?

– Вот уж не знаю! Смотрит, например, начальство телевизор и видит, что волонтерский отряд покрасил в парке скамейки и посадил цветочки. А потом поиграл с детьми. А вечером раздал публике постарше листовки против СПИДа. «Надо взять на заметку, – думает начальство. – Молодцы ребята, будем их использовать!»

– И использует. Очень точное слово. А мы, молодежные работники, с удовольствием ему в этом помогаем.

– Ну да, получается так. Но только я не вижу в этом никакой трагедии. Да, мы привлекаем ребят, чтобы закрыть какие-то свои вопросы. Но ведь они получают от этого удовольствие! Они видят, что нужны, востребованы. Их ценят, благодарят...

– Так и назовите их «Клуб друзей губернатора!» Почему вы называете их волонтерами?

– А как их еще называть? Они делают всё добровольно и бескорыстно! А значит, они – волонтеры. А точнее – добровольцы, как определяет их российский закон.

– То есть ты хочешь сказать, что каждый, кто делает что-то полезное добровольно и бескорыстно, автоматически становится волонтером?

– Ну, в общем-то, да.

– Если упростить, то получается, что добровольцы – это те, кто делает добро. А значит работа по развитию добровольчества состоит в том, чтобы призывать людей делать как можно больше... добра. Теперь я, кажется, понял, в чем смысл широко известной акции под названием «Весенняя неделя добра». И почему по её итогам выясняется, что добровольцы у нас – чуть ли не все вокруг.

– Но ведь это правда! Ребята чистят речки, дают концерты бабушкам, играют с малышами... Что в этом плохого? Разве мы не должны их к этому призывать?

– Конечно, должны! Только не нужно подменять понятия. То, о чём ты рассказываешь – это не что иное, как неспециализированная общественно-полезная деятельность. Некая молодежная группа делает что-то полезное, но без конкретной специализации. Сегодня мы кормим грачей, завтра собираем макулатуру, а через неделю проводим акцию в поддержку дома ребенка. Таких групп – несчетное количество. Элементы подобной деятельности есть в любой детской организации. А для коммунарского движения, которое развивалось в нашей стране с 1950-х годов, такая деятельность вообще была главной, системообразующей. Девиз коммунарских клубов именно об этом и говорил. Звучал он так: «Нести радость людям!»

– Ну а теперь пришли новые времена, и все они стали волонтерами!

– В том-то и дело, что нет! Волонтерство – это самостоятельное явление. Если называть волонтерами всех подряд, то мы будем не развивать волонтерство, а наоборот – размывать его. Трудно что-то развивать, если не понимаешь, что должно получиться в итоге.

– Странно. Нам на семинарах рассказывали, что волонтер – это любой человек, который бескорыстно кому-то помогает.

– Я не говорю, что это полностью неверно. Когда человек сделал для людей что-то бесплатно, то про него можно сказать: «Он выполнил эту работу на волонтерских началах». Или: «Он сделал это как волонтер».

– Ну вот! Волонтер – это тот, кто помогает людям!

– Не совсем. Помощь людям – это естественное проявление человеческой отзывчивости. Увидел бабушку с тяжелой сумкой – помог донести. Учительница попросила помочь поднять стулья на парты – поднял. Это не волонтерство, а просто хорошее воспитание.

– Ну, предположим. А как же быть с нашим волонтерским отрядом, который из губернаторского телевизора? Ребята бесплатно выполнили работу по благоустройству парка. Это волонтерство?

– В мире это называют неформальным волонтерством. Или «неструктурированными формами волонтерства». Это такие случаи, когда люди объединяются и вместе решают какие-то проблемы, которые их волнуют. При этом делают это сами – напрямую, а не в рамках программ каких-либо организаций. Строго говоря, это не само волонтерство, а его лайт-версия.

– В общем, ты хочешь сказать, что вся работа наших волонтерских отрядов – это несистемное волонтерство. И как же должно выглядеть волонтерство системное?

– Очень просто. Организации, которые работают для людей, должны определить: какие работы в организации могут выполняться только штатными сотрудниками, а какие – волонтерами. Затем такие организации публикуют объявление о наборе волонтеров, отбирают тех, кто им подходит и обучают их. После этого у организации появляется постоянный состав волонтеров. С каждым из них заключается Договор добровольца, который определяет взаимные обязательства организации и волонтера. После этого волонтер может приступить к выполнению своих обязанностей. Итак, сформулируем:

Волонтер (доброволец) – человек, выполняющий работу в некоммерческой организации на безвозмездной основе.

– Ты говоришь, что волонтеры работают в организациях. Какие организации ты имеешь в виду?

– Любые! Это могут быть, например, общественные организации: детские, молодежные, экологические, спортивные, правозащитные и многие другие. Или учреждения: молодежные и спортивные центры, учреждения дополнительного образования, приюты, больницы, дома престарелых, центры культуры...

– А волонтерские организации?

– Да пойми: нет и не может быть никаких «волонтерских отрядов» или «волонтерских организаций»! Если ты говоришь о центрах развития добровольчества, то они и должны развивать добровольчество как систему, а не превращаться в официально зарегистрированный «волонтерский отряд».

– Ну хорошо, идем дальше. Допустим, приют опубликовал объявление о том, что ему нужны волонтеры. Мы ведь понимаем, что никто по этому объявлению не придёт.

– А вот это и есть – диагноз развития волонтерства в твоём регионе. Не надо рассказывать про волонтерские отряды, акции и про то, как здорово у нас все друг другу помогают. Вместо всего этого напиши в отчете так: «Молодежь региона на объявления о наборе волонтеров в социальные учреждения не реагирует».

– А что, есть регионы, в которых она реагирует?

– Я знаю такие регионы. Но, извини, они – в соседней Финляндии. Расскажу тебе одну историю. Несколько лет назад в Финляндии открыли службы примирения. Если произошла драка, кража или еще какой-нибудь конфликт между людьми, который грозит уголовным разбирательством, то полиция направляет дело в службу примирения. В этой службе людей сажают за стол переговоров, чтобы они нашли выход из конфликта сами, без уголовного дела и суда. В службе примирения обычно работает 3-4 штатных сотрудника. А еще около 20 человек – это волонтеры. Именно волонтеры выполняют в Службе примирения самую главную работу – они проводят примирительные встречи.

Набирают этих волонтеров очень просто – дают объявление в газету. И недостатка в волонтерах не испытывают.

– Но они ведь, наверное, долго к этому шли? В Европе волонтерство развивается десятилетиями, а у нас об этом узнали лишь недавно!

– Заметь: ты сам сказал, что они к этому шли. А теперь ответь на вопрос: к чему идем мы? К тому, чтобы у нас появилось системное волонтерство или к новым и новым массовым акциям с неизменным словом «добро» в названии? Скажи, сколько у тебя в регионе молодых людей, которые являются постоянными волонтерами общественных организаций или учреждений?

– Я не знаю. Мы их учитываем только по количеству выданных волонтерских книжек.

– То есть можно считать, что ни одного.

– Ну а откуда они у нас появятся? Из Финляндии прилетят? У нас руководителям организаций даже в голову не приходит мысль о том, что они могут набрать волонтеров и поручить им какую-то часть работы. Им проще все делать своими силами, чем возиться с неподготовленными людьми. А тем более – с молодежью. Да и сама молодежь вряд ли захочет идти волонтерами в какую-то организацию. Даже не поймет, о чем речь. С чего вдруг её приглашают на работу, за которую не будут платить денег?

– Дружище, ты понимаешь, что это происходит в том числе из-за того, что мы, молодежные работники, допустили в теме волонтерства серьезную подмену понятий. Мы упорно внушаем обществу, что волонтерство – это любая социальная активность, вместо того, чтобы постоянно и доходчиво рассказывать, что же это такое на самом деле. Если ни организации, ни молодежь не имеют правильного представления о волонтерстве, почему мы надеемся на то, что оно будет развиваться?

– Получается какой-то тупик. Никто ничего не знает, и даже непонятно, с чего начать.

– С чего начать – как раз понятно. Как и в любом новом деле, нужно начинать с создания работающей модели. Взять сильную, известную общественную организацию (или учреждение) и отработать на примере этой организации модель системного добровольчества. Сначала проанализировать, какую работу в организации смогут выполнять волонтеры. Определить, кто из сотрудников организации будет их курировать, каким образом он будет это делать. Подумать о том, какие привлекательные стороны в этой работе увидит для себя молодежь и как эти стороны можно усилить. Ну, а затем – набрать волонтеров, подготовить их и включить в постоянную работу организации. О том, как мотивировать и удерживать волонтеров, хорошо написано в методичках волонтерских центров.

– И что нужно делать с этой моделью дальше?

– Во-первых, нужно обеспечить ей хороший пиар. Ведь модель нужна нам не только для отработки механизмов, но и для рассказа людям о том, что же такие волонтеры на самом деле. А во-вторых – нужно тиражировать этот опыт. Я думаю, что создать такую работающую модель и затем распространять её – это хороший проект для регионального центра добровольчества. Согласись, пользы от такого проекта будет куда больше, чем от очередного конкурса мифических волонтеров.

Листая страницы Добра

Теперь самое время вернуться к содержанию личной книжки волонтера. Задумывали её в качестве клона трудовой книжки. И призывали учитывать в ней «трудовой стаж волонтера».

Зачем молодым людям вести счёт времени, которое они посвятили волонтерству, так и осталось загадкой. Может быть, начальники от молодежи озаботились проблемой отсутствия у юношей и девушек трудового стажа – а из-за этого свежее испеченным специалистам не сильно рады на производстве. А может быть, они просто посчитали, что главное в добровольчестве – это именно количество времени, отданного бескорыстному служению обществу. Что ж, в логике не откажешь: больше времени поволонтерил – больше пользы принес, меньше времени поволонтерил – меньше пользы принес. Поэтому в чём будем вешать? Вешать будем... в часах!

Еще в книжке есть раздел о поощрениях, которых удостоился волонтер. И о пройденных курсах, то есть «повышении квалификации». Казалось бы – волонтер и заполняй, не жалея страниц! А когда придет время – иди к работодателю, доставай свою книжку из широких штанин дубликатом бесценного груза, и ты – вне конкуренции! Рабочее место – твоё!

Судя по дальнейшему развитию событий, всерьез в волшебные возможности волонтерской книжки не поверил никто. Но заполнять книжки стали с большим энтузиазмом. Страницы очень быстро запестрели примерно такими записями:

«Вид трудовой деятельности: проведение акции «Молодость добра!»; место работы: Центр добровольчества; количество часов: 6; дата, подпись, печать».

– Представляю удивление работодателя, который листает такую книжку на собеседовании с молодым соискателем работы. У него, наверное, глаза на лоб полезут. Сначала – от самих записей. А затем от того, что люди считают «трудовой» стаж не в годах, а в часах!

– Но главное-то не в этом. Что нового узнаёт работодатель о молодом человеке из этой книжки? Только то, что он участвовал в многочисленных добрых делах. Это, конечно, неплохо. Но работодателю нужен грамотный специалист, а не просто добрый и отзывчивый человек. А вот главного-то он из книжки и не видит – того, что конкретно сидящий перед ним юноша умеет. Обладает ли он необходимой квалификацией и имеет ли опыт её применения на практике.

– На этом месте обычно всегда кто-то говорит о том, что в конце волонтерской книжки есть страницы о пройденных курсах. Вот в них-то и можно записывать, чему человек обучился.

– Дружище, но если работодатель даже по диплому о высшем образовании не может понять, что на самом деле умеет молодой человек, то записи в книжке о каких-то курсах и семинарах его и подавно ни в чём не убедят. Ведь он видит, что по специальности человек не работал. Даже как волонтер.

– То есть ты считаешь, что в волонтерскую книжку нужно записывать не участие в мероприятиях, а что-то более серьезное? Например, постоянную работу в какой-то организации. И желательно такую, которая требует от молодого волонтера применения своих профессиональных навыков. Если он работал в качестве добровольца системным администратором, то это будет говорить в его пользу, когда он придет устраиваться на такую же должность в фирму.

– Конечно, смысла в подобных записях было бы куда больше. Я, правда, по-прежнему не понимаю, зачем записывать это в часах? Почему не в месяцах или годах?

– У меня есть одна версия. В часах легче подсчитывать экономический эффект. Отталкиваемся от условной стоимости часа работы волонтера – 2 доллара. Умножаем на общее количество часов. И в итоге получаем, какую экономическую выгоду волонтеры принесли стране.

– Если бы стояла эта цель, то за основу взяли бы не трудовую книжку, а таблицу учета рабочего времени. Многие организации видят несовершенство волонтерской книжки, но стараются сделать так, чтобы от неё всё-таки была какая-то польза. Например, учат тех, кто работает с волонтерскими книжками, вносить туда содержательную и осмысленную информацию.

– И как, получается?

– На мой взгляд – не слишком. Всё-таки пять лет – это уже достаточный срок для того, чтобы судить о результатах проекта. Те, кто этот проект запускал, должны были позаботиться о появлении так называемых «историй успеха». Например: девочка волонтерила-волонтерила, потом послала свою волонтерскую книжку в какое-нибудь РОСНАНО, и Главный по молекулам лично её принял, пожал руку и назначил начальником отдела протоплазмы.

– Скажешь тоже! Куда уж нам до протоплазмы!

– Знаешь, я удивляюсь одному. Сейчас, когда все говорят о кадровом голоде, молодежные начальники не смогли донести до менеджеров простую мысль: о том, что волонтерская книжка – это знак продвинутой, социально-активной молодежи. Да, пусть эти ребята чего-то не знают или не умеют. Но они мобильны, обучаемы, открыты. И находятся на уровень выше тех, кто все свои школьные и студенческие годы просидел на удобном стуле. Следовательно, нормальный работодатель заинтересован в них в первую очередь.

– В общем, как это ни печально, но историй успеха нет. Тогда объясни, ради чего ребята всё время приносят свои волонтерские книжки и просят нас записать в них всё то, что они сделали?

– Я думаю, что для них эта книжка стала чем-то вроде девичьей анкеты. Раньше, до появления Интернета, девочки заводили толстые тетрадки с вопросами. Они давали их заполнять своим подружкам. Или мальчикам, к которым они питали нежные чувства. Всё время носили эти тетрадки с собой, листали и перечитывали, даже под подушкой держали.

– Ну, если так рассуждать, то можно найти аналог и у юношей – это дембельский альбом!

– Конечно! Он ведь не имеет никакого практического смысла для жизни после армии. А нужен для того, чтобы вспоминать службу и гордиться собой.

– В общем, ребята коллекционируют записи о своей волонтерской работе просто на память. И ведь это по-своему здорово! Как минимум, это показатель того, что волонтерский труд имеет для них определенную ценность.

– Но книжка, как ты понимаешь, вряд ли задумывалась как коллекция ностальгических воспоминаний. Если не вдаваться в детали, то главная идея любого подобного документа – это признание опыта, который человек накопил за время работы волонтером.

– Только получается, что признавать этот опыт никто не хочет.

– Ты знаешь, какую задачу в сфере развития молодежного волонтерства считают одной из самых важных в Европе? Это именно задача признания навыков, которые молодой человек получил во время волонтерской работы.

– И что же у них получается?

– Они создали единый сертификат для всех участников проектов, которые финансируются программой Евросоюза «Молодежь в действии». Сейчас эта программа стала частью новой, более широкой программы ЕС, которая называется «Эразмус плюс». Одно из направлений программы поддерживает молодежное волонтерство на европейском уровне. Называется это направление – Европейская волонтерская служба.

– Это уже интересно!

– Если кратко, система работает так. Организация, работающая с молодежью, может получить аккредитацию в качестве участника Европейской молодежной службы. После этого она вправе запрашивать финансирование на волонтерский проект.

– Волонтерский проект? Они тоже идут в парк и чинят сломанные скамейки?

– Разумеется нет! Волонтерский проект в их понимании – это отправка одного или нескольких волонтеров на работу в организацию из другой страны. Срок такой поездки – от двух месяцев до одного года. Принимающая организация из одной страны и направляющая организация из другой страны совместно подают заявку на финансирование проекта – то есть, на оплату расходов по отправке и приему волонтеров. После этого направляющая организация подбирает волонтеров и готовит их к отправке. Они приезжают в принимающую организацию и работают там. За счет проекта оплачиваются все расходы по проживанию волонтеров, а также выплачиваются небольшие суммы на карманные расходы – от 100 до 300 евро в месяц.

– У нас некоторые получают такую же зарплату на основной работе!

– А для европейцев это – скорее инвестиции в молодежь. Они исходят из того, что молодежное волонтерство обязательно должно иметь образовательный характер. Это ключевая идея, поэтому мы возьмем её на заметку.

Специфика молодежного волонтерства – его образовательный характер.

Работая волонтером в организации из другой страны, молодой человек не только приносит пользу самой организации и её клиентам, но и приобретает профессиональные навыки. А кроме того, привыкает ощущать себя европейцем. Стимулирование мобильности молодежи, то есть предоставление ей возможности учиться в одной стране, стать участником молодежного проекта в другой, волонтерить в третьей, а работать в четвертой – это один из инструментов молодежной политики Европейского Союза. Он работает на задачу формирования европейской идентичности, и в конечном счете – на идею единой Европы.

– Интересно, откуда у молодежи столько времени, чтобы уезжать работать волонтером в другую страну на несколько месяцев или даже на целый год?

– Со временем у молодежи как раз обычно проблем нет. Молодёжи спешить некуда. В одном из молодежных центров Финляндии я познакомился с волонтером из Германии, который приехал туда на год, только-только закончив школу. Он решил, что пока не хочет ни устраиваться на работу, ни поступать в университет. И стал искать возможность на год стать волонтером. Ему хотелось пожить на севере Европы. Так он оказался в Финляндии. А в Германии я видел волонтеров из Украины и России, которые уже закончили университет и решили, что самое время приобрести новый для себя опыт в

Европе. Пока ты молод, у тебя еще нет семьи, детей и рабочего места, которое ты боишься потерять – ты можешь себе это позволить.

– Эх, рвануть бы обратно, в молодость! Но вернемся к единому европейскому сертификату, который подтверждает достижения волонтеров.

– Этот сертификат называется «Молодежный паспорт» (Youthpass). Чтобы его получить, нужно зарегистрироваться на сайте и внести информацию о своём «проекте» в рамках Европейской молодежной службы. Заполнить нужно несколько разделов. В них – не только фактическая информация о том, где и когда ты работал волонтером, но и описание обязанностей, которые ты выполнял. Но и это еще не всё. Нужно проанализировать, какие компетенции ты приобрел за время своей волонтерской работы. Для удобства все компетенции разбиты на восемь групп.

Компетенции, которые анализирует европейский волонтер

1. Коммуникация на родном языке.
2. Коммуникация на иностранных языках.
3. Математические компетенции и базовые компетенции в сфере науки и технологий.
4. ИКТ-компетенции (компетенции в сфере новых информационных технологий).
5. Умение учиться.
6. Социальные и гражданские компетенции.
7. Инициативность и предпринимательство.
8. Понимание других культур и творческое самовыражение.

Чтобы волонтер понял смысл каждой компетенции, приводятся не только пояснения, но и вопросы, над которыми он должен подумать. Почитаем список вопросов, которые помогают волонтеру оценить развитие своих социальных и межкультурных компетенций.

Вопросы для анализа компетенций в сфере социального и межкультурного взаимодействия

- Как я устанавливал дружеские отношения с новыми людьми? Что получалось хорошо? Что не очень?
- Как я узнавал об особенностях образа жизни местных жителей? Как я с этим справлялся?
- Проявлял ли я инициативу, двигался ли навстречу другим, поддерживал ли их?
- В чем я был наиболее успешным, общаясь здесь с другими людьми?
- Как я представлял здесь особенности культуры, к которой я принадлежу? Как я их выражал?
- В чем заключался процесс моего межкультурного обучения во время проекта ЕВС (Европейской волонтерской службы)?
- Как я справлялся с культурным шоком (если мне пришлось его испытать)?
- Как я справлялся с конфликтами? Каким образом я их разрешал?
- В чем я улучшил свои навыки работы в команде?
- Какие другие социальные компетенции я развил в течение года?

– *Насколько я повысил уровень своей осведомленности в межкультурных вопросах: узнал ли больше о своих собственных культурных ценностях, нормах и стереотипах, об эффектах, возникающих в результате общения с иностранцами?*

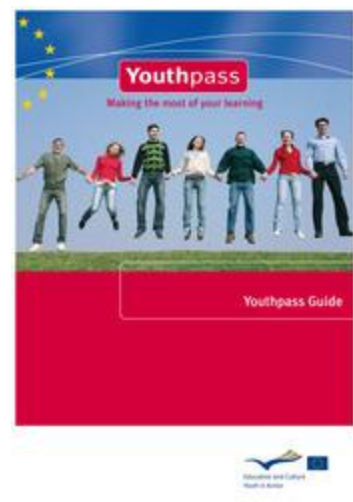
– *Насколько я развил собственную восприимчивость и гибкость в межкультурном взаимодействии и достиг лучшего понимания различий?*

– Да, с такими вопросами по каждой компетенции заполнение сертификата похоже на глубокий самоанализ.

– Весьма точное замечание! Европейцы знакомят волонтеров с системой Молодежного паспорта еще до начала проекта. Они стараются приучить их видеть образовательный результат, который они получают во время участия в молодежных проектах. Это относится не только к волонтерству, но и другим направлениям молодежной программы ЕС. Например, сертификат можно заполнить и по итогам молодежного обмена. Молодежными обмены они называют тематические международные лагеря.

– Предположим, волонтер всё проанализировал и заполнил. А кто проверяет эту информацию?

– Достоверность информации подтверждает наставник волонтера – сотрудник организации, который его непосредственно курировал. Кроме самого волонтера и его наставника, подпись в сертификате ставит и руководитель организации. Сертификат может растянуться на несколько листов. Его скачивают с сайта в виде pdf-файла, распечатывают и ставят подписи. И, конечно, после очередного европейского проекта можно заполнить и получить следующий сертификат.

– Как я понимаю, такой сертификат можно приложить к своему резюме при устройстве на работу или подаче заявления на учебу.

– Конечно. При этом никто не переоценивает значения Молодежного паспорта. Но информации о практических умениях и об опыте, которые приобрел молодой человек во время работы волонтером, в нём более чем достаточно. А это как раз то, что важно для продолжения его профессиональной карьеры или академического роста.

– В общем, получается, что Молодежный паспорт европейцев и нашу Волонтерскую книжку вряд ли можно назвать близкими родственниками.

– Согласен. Хотя замечу, что Молодежный паспорт ненамного старше нашей книжки. Эта система создана в 2007 году. Каждый год оформляется около 50 тысяч сертификатов.

– В сравнении с книжками – не так-то и много. А как дела с историями успеха?

– Недавно европейцы провели исследование о том, какие результаты принесло введение Молодежного паспорта. Они выделили схожие с нашими проблемы – так, сертификат еще недостаточно известен среди работодателей и учебных заведений. Наибольшая польза от сертификата в том, что он помогает волонтерам в анализе опыта, который они приобрели. Повлияло введение Молодежного паспорта и на качество молодежных проектов – сертификат стимулирует организации строить свою работу более грамотно. Ну а теперь – об историях успеха. Они приведены в конце исследования, и некоторые из них мы можем сейчас прочитать.

Истории успеха европейского Молодежного паспорта

Рассказывает Габи, молодежный работник: «Один юноша, с которым я работал, учился на повара. Во время молодежного обмена он готовил еду на 45 человек. Во время этого лагеря он убедился в том, что обладает необходимыми для такой работы математическими компетенциями. Для него, молодого человека с низким образовательным уровнем, не обладающего множеством дипломов, получение Сертификата было очень важным событием. Его мать рассказала мне через год, что этот юноша устроился на работу. Уверенность в себе, которую он приобрел, работая над Сертификатом и своими математическими способностями, а также тот факт, что он показал Молодежный паспорт своему будущему работодателю – всё это привело к тому, что он был принят на эту работу».

Рассказывает Андра, участница проекта: «Я захотела устроиться на работу в стране, в которую я приехала для участия в молодежном проекте. Молодежный паспорт помог мне подтвердить мой опыт. Это стало основой для предоставления мне рабочей визы, и я смогла официально трудоустроиться в этой стране».

Рассказывает молодежный работник: «Юноша из Болгарии подал документы на учебу в университете в Великобритании. Результаты его теста по английскому языку были хуже, чем у других абитуриентов. Но в списке зачисленных он был одним из первых. Это произошло благодаря его Молодежному паспорту, который говорил о его активной гражданской позиции».

Рассказывает Божидар, участник проекта: «Молодежный паспорт помог мне осознать, чему я научился. Заполняя Сертификат, ты полностью анализируешь всю свою деятельность, и это круто! У меня два Сертификата: один – по результатам участия в Европейской волонтерской службе, второй – после участия в тренинговом курсе. Просто хочу сказать спасибо ЕС за то, что думает о молодежи!»

Рассказывает молодежный работник: «Я думаю, что Молодежный паспорт обладает наибольшей ценностью для самих молодых людей. Например, я знаю, что один молодой человек повесил Молодежный паспорт у себя дома в рамочке на стене».

Такие разные НКО

Беги за мной, или хрюши против

Мудрые люди, занимающиеся добровольчеством в Петербурге, вывели практически безупречную формулу взаимоотношений общества и власти. Формулу, при которой эти отношения выглядели бы как идеальные. Звучит она так:

Прерогатива общества – инициатива, прерогатива власти – поддержка

Идея проста: государство не может и не должно, засучив рукава, реализовывать молодежные проекты и инициативы. Это – дело общества, и власть не должна его

подменять. А вот предоставлять инициативам общества поддержку – это уже прямая обязанность власти.

Ситуация в молодежке – обратная. Молодежные начальники словно живут под девизом «Если не мы, то кто же!». Сами придумывают молодежные инициативы, сами ими руководят, и сами же их поддерживают.

Правда, размах крыльев у них за последнее время несколько сузился. Еще пять лет назад, во время российского Года молодежи (2009), они во всеулышание заявляли о намерении совершить «кадровую революцию» и обеспечить стране «инновационный прорыв». Портал Года молодежи, конечно же, давно бесследно растворился – по неумолимому «закону жабы». Но тексты портала чудом сохранились в архивах ценителей. Перечитаем и вспомним, в какие выси начальники от молодежки зазывали наивное юношество.

«Участие в национальном проекте «Россия 2020» сделает вас другими и наш долг – предупредить вас о последствиях. Сменится ваш образ жизни, образ действий, ваше отношение к окружающей действительности и людям. Исчезнет понятие работы. Работы как нудной необходимости, начинающейся со школьной скамьи и заканчивающейся могилой, а вместе с тем – страх ее потерять или не найти. Грандиозное и точное слово «ПРОЕКТ» теперь будет определять ритм вашей жизни. Повысится социальная мобильность. Вы с легкостью будете переходить из проекта в проект, переезжать из города в город, из страны в страну. Вашим связям и контактам будут завидовать. Вы вдруг захотите рисковать. Мысли о дипломе и трудовой книжке уйдут в прошлое, а вместо них появится резонный вопрос – я действительно безумно люблю то, чем я занимаюсь?»

Согласно масштабному замыслу авторов, который раскрывался в тексте, в 2009-2010 годах планировалось сформировать актив молодежного проекта «Россия 2020». В 2010-2015 гг. должен был «измениться образ мышления целого поколения молодых людей», в результате чего по всему миру должны были появиться «инновационные товары и услуги российского происхождения». И наконец, в 2015-2020 гг. ожидался этап под названием «Россия. Перезагрузка», а если без обиняков – кадровая революция. «Вы создадите 50-тысячное ядро будущего правящего российского класса, задача которого – предложить миру новое представление о будущем, а нации – задачи, достойные нашего народа и нашей истории».

Но вскоре мечтатели из Росмолодёжи спустились с небес на землю. Тем не менее, креативить не перестали. Нашли новые, неожиданные каналы для самореализации юных пассионариев. Молодежные начальники перешли к созданию групп прямого действия. Видимо, поизучали на досуге опыт молодёжной политики Мао Цзэдуна. Хотя, конечно, в сравнении с обезбашенными китайскими хунвейбинами наши бойцы – просто пушистые симпатяги. Такие, как участники почти мультяшного движения «Хрюши против». Молодежь из «хрюш» наряжается в костюмы розовых поросят, берет с собой телекамеры и отправляется в какой-нибудь магазин, где, конечно же, находит на полках осетрину второй свежести. Ну, или, на худой конец, – просроченный йогурт. Драки с охранниками, эмоциональные диспуты с продавцами, интенсивная межкультурная коммуникация с гастарбайтерами – всё это гарантирует хрюшам активный выброс адреналина, от пяточка до хвостика. Почти забытое удовольствие, недоступное серой массе сетевых хомячков. Но это – что-то вроде бонуса за активность, а истинные цели у движения – высокие: добиться того, чтобы недобросовестные продавцы не травили народ некачественной едой. Недавно

«Хрюши» получили государственный грант – 5 миллионов рублей. Как видим, поддержка не заставила себя ждать.

И всё бы хорошо. Но только несколько смущает столь стремительное снижение уровня целей. Начинали – инновационным прорывом, а пришли – к борьбе с залежавшимися йогуртами...

– Но всё-таки «Хрюши против» и «Стопхам» – это отдельная песня. Их, к счастью, не спускают сверху напрямую, в отличие от официальной десятки так называемых «проектов Росмолодежи». Таких, как «Беги за мной», «Арт-квадрат» или «Технология добра». Подписаться на них регионам настоятельно рекомендуют.

– Это наглядный пример того, что молодежные начальники не понимают, где проходит граница между государством и обществом. Если вы, чиновники, хотите поддерживать добровольчество, то вы не должны создавать и продавливать пиджаками свой собственный добровольческий проект. Вы должны выделить приоритеты и оказать поддержку организациям, которые на эти приоритеты работают. Например, в форме конкурса на финансирование проектов.

– Похоже, что перспектива раздать деньги каким-то чужим организациям их не очень впечатляет.

– Именно так. Это напоминает старую советскую модель, по которой работал комсомол. Никаких других организаций не было, и практически вся молодежь поголовно состояла в ВЛКСМ. Вопрос о поддержке других организаций не стоял из-за их отсутствия, зато стояла задача коммунистического воспитания молодежи. Этим комсомольские вожаки в меру своих способностей и занимались. Похоже, вожаки нынешние представляют себе свою работу так же – как работу с молодежью напрямую: а возьмём-ка мы молодежь и вытянем её за уши из болота! Осталось только засучить рукава и взяться за дело.

– Ага, тут никаких рук не хватит. Тот же проект «Технология добра» на порядок слабее, чем существующие в стране центры добровольчества. То ли они пытаются заменить эти центры своим проектом, то ли вписать их в собственную схему? Почему бы не опереться на те организации, которые уже давно и успешно развивают добровольчество и доказали свое право на существование?

– Я думаю, работает четкая логика: «наши – не наши». Кто не в «Наших», тот против нас – так получается. А может быть, некоторые начальники просто не доиграли – не удалось им, увы, побыть в роли руководителей молодежных организаций и проектов, и они доигрывают в эту игру, сидя в креслах чиновников. Но только задача у чиновников – совершенно другая! Не руководить молодежью и не запускать проекты собственного сочинения, а развивать систему работы с молодежью. Запишем это в виде таблички, которую можно повесить над столом в рабочем кабинете:

Ты – не молодежный вожак, а управленец. Руководить молодежью – не твоя задача. Ты отвечаешь за развитие <i>системы</i> молодежной работы.
--

– Сразу встанет вопрос о том, из чего должна состоять эта система.

– Замечательный вопрос для самоанализа! Я вижу, что во многих регионах молодежные чиновники понимают систему работы с молодежью как серию ежегодных мероприятий: местечковых «селигеров», форумов добровольцев и строителей собственной карьеры, конкурсов лидеров, семинаров молодежных работников, фестивалей певцов, танцоров, экстремалов... Мероприятиями очень легко отчитываться. Закладываешь в показатели цифры охвата участников и затем докладываешь: «Выполнил, охватил». А тебе отвечают: «Молодец, эффективно управляешь реализацией программы».

А результат? Вопрос о результате оставим для философских бесед, на которые у нас совершенно нет времени – с такой-то кучей дел!

– Ну, предположим, мы окинули взором то, что мы делаем и поняли, что занимаемся, в основном, мероприятиями. Но разве это не система работы?

– Это система вашей собственной работы. Но не система работы с молодежью. Если у вас главное – это цикл мероприятий, то вы и есть – наследники комсомольских вожаков, которых мы только что вспоминали.

– Многие, кстати, ностальгируют по старым временам.

– Да, есть у нас такая народная забава – идти вперед с головой, повернутой назад. А давайте-ка вернем школьную форму, пионерию, нормы ГТО, дружинников, стройотряды... По-детски наивная мечта вернуться в ту страну, которая давно ушла в историю и поэтому вспоминается чуть ли не как идеальная.

– Ну хорошо. Предположим, мы не смотрим назад и действительно хотим идти вперед. Какими шагами?

– Первый шаг – это осознать и запомнить, что мы находимся не на необитаемом острове. И что с молодежью уже сейчас много кто работает. Это школы, колледжи, вузы, молодежные центры, общественные организации, а местами и бизнес. Их нужно научиться воспринимать как партнеров. Для меня ключевым показателем развития системы является наличие в регионе сильных общественных организаций, которые специализируются на работе с детьми и молодежью.

– Как будем оценивать, сильная организация или нет?

– В первую очередь – по её бюджету. Посмотрите, сколько денег организация привлекает на молодежные программы и проекты. Сопоставьте с бюджетом молодежной политики региона. И сделайте выводы. В тех регионах, которые финансируют молодежку скупко, уже можно найти общественные организации, бюджет которых больше, чем у Комитета по делам молодежи. И это здорово!

– Что ж хорошего в том, что государство дает мало денег на молодежь?

– Ничего хорошего в этом, конечно, нет. Но если мы говорим о создании системы, то в первую очередь нас интересует её устойчивость. Если завтра вдруг придёт новый губернатор и закроет всю молодежку, то в идеале система должна продолжать работать. Иначе это не система.

Показатель развития системы работы с молодежью – её устойчивость
--

– Это реально только в том случае, если система будет состоять из организаций, которые не подчинены органам власти напрямую.

– Вот поэтому мне более интересны небогатые регионы с активными молодежными организациями, чем «зажиточные» регионы, в которых вся молодежка управляется сверху по принципу обкома комсомола. Как только закроют обком – все разбегутся. А независимым общественным организациям эта «молодёжная вертикаль» просто не дала возможности вырасти и встать на ноги.

– Получается, главное – это поддержка молодежных организаций. А что делать, если их нет?

– Вот здесь и начинается твоя работа как управленца. Ведь ты же хочешь развивать систему молодежной работы, а не просто руководить мероприятиями и подведомственными учреждениями? Так проанализируй, почему на твоей территории до сих пор не появилось сильных молодежных организаций! И составь план действий,

который приведет к созданию условий для их появления. Но только не вздумай создавать организации сам! Это самое худшее, что ты можешь предпринять.

– Кстати, есть такое мнение, что власть вообще не должна развивать гражданское общество, поскольку общественные организации должны быть независимыми. Они должны создаваться по инициативе самих людей, и власть не вправе в это вмешиваться. Что ответишь?

– Давай вернемся к началу нашего разговора. Мы говорили о том, что общество – это главный носитель инициативы, а власть отвечает за предоставление поддержки. Согласись, наличие или отсутствие общественных организаций – это результат той или иной политики власти. Если государство создает для организаций барьеры – организации расти не будут. И наоборот, если для организаций создан благоприятный климат, то они будут появляться и набирать силу.

– Получается, что наличие или отсутствие детских и молодежных организаций – это результат той или иной молодежной политики. А значит, по уровню развития детских и молодежных организаций можно оценивать её успешность.

– И хорошо бы, чтобы этот показатель стал для оценки молодежной политики главным.

Плюс селигеризация всей страны

Когда-то Ленин, увлеченный идеей обеспечить страну электричеством, сформулировал авангардный тезис: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны». Увы, «лампочка Ильича» и до сих пор не дошла до некоторых медвежьих уголков России. А вдобавок еще и советскую власть отменили! В общем, с мечтой о коммунизме пришлось расстаться.

Если для Ленина «фишкой» была электрификация, то для наших молодежных чиновников подобной фишкой стала селигеризация. Сначала у больших начальников был один большой Селигер. Затем им стали подражать начальники рангом поменьше и обзавелись собственными, маленькими селигерами. Поначалу большие начальники отнеслись к этому с нескрываемой ревностью. Но потом их будто осенило: «Эврика! Это ведь система!» И вот уже появились официальные – считай, обязательные – молодежные форумы не только в регионах, но и на уровне федеральных округов. Теперь процесс селигеризации молодежной политики можно считать завершенным, оформившимся.

– А лозунг современности будет таким: молодежная политика – это волонтерская книжка плюс селигеризация всей страны!

– Да, это и есть те два инструмента, которые были заданы сверху и пока еще худо-бедно работают. Всё остальное – не инструменты, а разговоры и пожелания. Так что суть современной молодежной линии ты схватил верно.

– Тогда вопрос в лоб: эта линия ошибочная?

– Если ты требуешь однозначного ответа, то я отвечу: да!

– Твоя главная претензия к селигерам – в том, что они съедают львиную долю денег, выделяемых на молодежку?

– И при этом никто до сих пор внятно не продемонстрировал результат этих вложений. На такую неслыханную щедрость не может рассчитывать ни одна общественная организация. – Представляю удивление руководителя организации,

которому бы сказали: вот тебе большой чемодан денег, проведи-ка ты какой-нибудь форум! Отчитываться будешь человеко-днями, других результатов не требуется.

– А это как раз то, что происходит с нашими селигерами. Государство само себе придумало эту карму, само себе выделяет на это деньги и само с себя спрашивает за результат. А точнее, – не спрашивает.

– Это тот самый случай, когда государство вместо поддержки инициатив общества берется реализовывать собственные инициативы. Верно?

– Да, так и есть. И получается это у него заведомо хуже. Ну или уж во всяком случае – дороже. Приведу один пример. В 2007 году скауты провели в Карелии межрегиональный скаутский слет «Джамбори». Собрали больше 1,5 тысяч человек. Обеспечили представительство 20 регионов и 6 зарубежных стран. Пригласили министра образования России. На этот слет, который шел 10 дней, бюджет карельской молодежи потратил... 200 тысяч рублей. Остальные деньги скауты собирали сами. Некоторые делегации получили финансы от молодежных комитетов из своих регионов, некоторые приехали за свой счет. Прошло два года, и в Карелии решили обзавестись собственным маленьким селигером. Обошелся он в 6 миллионов бюджетных рублей. Организаторы говорят, что это самый дешевый вариант, если сравнивать с другими аналогичными форумами у соседей.

– Сколько народу на этом вашем селигере?

– Ну, это смотря как посчитать. Организаторы говорят, «их тьма». Я при всем своём желании не смог увидеть там больше 300 участников.

– Шесть миллионов рублей делим на 300 человек – итого по двадцать тысяч на каждого.

– А теперь умножим эти двадцать тысяч на 1,5 тысячи скаутов. Получается, что если бы они работали с такой же себестоимостью, то на скаутский слёт потребовалось бы 30 миллионов рублей. А они провели его за двести тысяч.

– Подумай сам, кому нужен такой демпинг!

– Получается, что никому. Иначе вместо официальных селигеров финансировали бы подобные слеты. Но вернёмся к претензиям. Моя главная претензия всё-таки не в том, что эти форумы слишком затратные.

– А в чем же? В идеологической начинке?

– Не смейся! Молодежь привыкла пропускать любые словесные потоки мимо ушей, так что прямая пропаганда на неё практически не влияет. Я еще не видел ни одного молодого человека, который приехал бы с большого Селигера зомбированным фанатиком. Так что не будем переоценивать возможности массовых политинформаций, пусть даже очень зрелищных.

– Итак, твоя главная претензия к селигеризации всей страны?

– Ошибочна главная идея. Селигеры – это наиболее яркое воплощение обкомовской линии. Идеи о том, что вместо развития системы работы с молодежью нужно самим работать с молодежью напрямую. На мой взгляд, это политика откровенного игнорирования общественных организаций.

– А вот здесь с тобой можно поспорить. Общественных организаций у нас мало, и многие из них работают только со своими членами. Получается, что та молодежь, которая не состоит в организациях, лишена возможности реализовать свои инициативы. Это ведь несправедливо, не так ли? А на форум может заявиться любой желающий и защитить там свой проект.

– Вот о проектах ты заговорил крайне опрометчиво! Когда я наблюдаю за так называемым «всероссийским конкурсом молодежных проектов» Росмолодежи, я начинаю сомневаться в том, что земля круглая. Такое чувство, будто она плоская и стоит на трёх слонах. Конкурс проходит так. В декабре, под новый год, молодой человек может быстренько написать какой-нибудь проект и подать его на конкурс через сайт. Обязательный пункт в анкете – на каком из селигеров ты этот проект защищал. Потом с невиданной скоростью, за несколько дней, проекты, прилетевшие со всей матушки-России, проходят оценку экспертов. Тем, кто победил, в итоге выдают... премии. Именно премии, а не гранты! Получается, это такое необычное поощрение: молодец, мальчик, хорошо излагаешь, вот тебе за это подарок под ёлочку – сто тысяч рублей. Или даже триста, если заслужил. Такое впечатление, что мы живем в каменном веке, когда еще никто не знал, что такое «социальное проектирование». И уж тем более никто не догадывался, что произойдет с посудной лавкой, если в ней похозяйничают три слона.

– Ну а какая разница, в какой форме выделять деньги? Наверняка схему грантов им зарубили, и они решили пойти по пути премий. Это разве меняет суть дела?

– Еще как! Премия ни к чему не обязывает! Ты можешь делать с ней всё, что угодно. Например, купить себе новую шубу. И спросить с тебя за невыполненный проект будет нельзя. Полученную премию ты вправе расходовать по своему усмотрению.

– Я бы всё-таки сказал, что это отдельные недостатки. Но сама-то идея верная! Ведь мы должны развивать молодежные инициативы!

– Дружище, вы, управленцы, должны развивать не молодежные инициативы, а *систему поддержки* молодежных инициатив. Вы должны поддерживать и развивать структуры, которые работают с молодежью. А уже они, в свою очередь, будут предоставлять молодым людям возможность реализовать свои проекты и инициативы. А у вас один селигер в голове свищет! Ты понимаешь, что те же самые деньги, которые Росмолодежь направляет на эти пресловутые премии, дали бы гораздо больший эффект, если бы они были направлены в детские и молодежные организации? Я, конечно, понимаю, что 120 миллионов рублей не выглядят сумасшедшей суммой в масштабах России, но их можно было бы превратить в 120 проектов общественных организаций, по миллиону рублей каждый. Я уверяю тебя, это могли бы быть действительно хорошие проекты, а не инвестиции в новые шубы.

– Согласен, общественная организация может сделать за миллион вполне приличный региональный проект. Но только он опять будет направлен на членов организаций. Скауты будут делать проект для скаутов, поисковики – для поисковиков, КВНщики – для КВНщиков. А обычный молодой человек с хорошей идеей снова будет никому не нужен.

– И из этого ты делаешь вывод о том, что правильный путь – это раздавать деньги из бюджета молодежи в качестве премий на шубы. Ты мыслишь по-государственному, просто Столыпин!

– А ты явно хочешь перетянуть всё одеяло на общественников!

– Конечно! Мы, общественники, всё время хотим урвать кусок казенного пирога! А вы, государственники наши, стоите на его страже. Только почему-то у нас в результате получаются вполне приличные проекты, а у вас – шубы для активистов!

– Да-а-а, теперь мне эти шубы кровавые будут ночами сниться! Но ты все-таки ответь: что делать молодежи, которая не состоит в организациях? Кто поддержит её инициативы?

– Дружище, а что мешает детским и молодежным организациям поддерживать инициативы всех молодых людей? Я не понимаю, какие ты видишь для этого препятствия?

– Я вижу препятствия в них самих. Те детские и молодежные организации, которые я наблюдал – это очень немногочисленные группы, которые работают прежде всего для самих себя. Некоторые ходят в походы, некоторые катаются на велосипедах, некоторые песни поют. И, как правило, кроме своей узкой темы их ничего не интересует. И если молодой человек придет к тем же скаутам за поддержкой своей инициативы, то ему, скорее всего, предложат для начала научиться вязать узлы и пройти традиционное скаутское испытание: день молчать, день не есть и день не спать. Я думаю, после этого он развернется и уйдет.

– Друг, ты нарисовал картину, которая недалека от реальности. Но это – картина состояния организаций, которым не дают вырасти. Если организации не востребованы, если у них нет возможностей для развития, то они так и останутся на уровне локальных клубов по интересам. Снова приведу тебе пример из жизни карельских скаутов, раз уж они сегодня попались нам под руку. Наши скауты уже несколько лет занимаются проектами для трудных подростков. Выживают с начинающими правонарушителями на необитаемых островах, таскают детдомовцев в горные походы. Заметь, эти подростки – не скауты, но это организацию несколько не смущает.

– Знаешь, одна организация – это не показатель. То, что ты рассказываешь, выглядит исключением, которое только подтверждает правило.

– Хочешь еще примеры? Пожалуйста! Расскажу о своей собственной организации. Сначала мы хотели просто создать детскую группу, у которой будет интересная, активная жизнь. Мы её создали. После этого нам показалось, что этого мало. И мы начали проводить городские акции – вовлекать в социально-значимые проекты школьников города. Это у нас тоже получилось. Однажды я пришел на планёрку заместителей директоров школ по воспитательной работе – зазывать их в нашу очередную акцию. И случайно произнес слово «самоуправление». Дама из мэрии, которая вела планерку, тут же отреагировала: «Вот Вы-то и займетесь у нас поддержкой школьного самоуправления!» К такому повороту событий я не был готов, но, тем не менее, через некоторое время мы вместе с коллегами уже разрабатывали проект создания Городского школьного совета. Года на три мы плотно погрузились в тему самоуправления, и я даже написал об этом две книжки. Мы начали создавать в школах детские правозащитные приёмные – это был первый грантовый проект нашей организации. Затем под руководством наших коллег из Москвы запускали первые в стране школьные службы примирения. Параллельно начали заниматься молодежкой в Петрозаводске. Всё это происходило в первые 7 лет жизни организации. Дальше пока рассказывать не буду: в течение следующих 12 лет водоворот событий только нарастал. И заметь: все эти годы я никогда не разделял тех, с кем мы работаем, на членов организации и «остальных детей».

– Но, кажется, многие общественники разделяют молодежь на «свою» и «чужую», причем явно и напоказ.

– Да, иногда приходится это наблюдать. Но только я думаю, что это – наследие прошлого. Причина этого разделения на своих и чужих – наше неправильное представление о том, как должна выглядеть общественная организация. Мы всё пытаемся воспроизвести подобие пионерии или комсомола, а в мире уже давно строят организации иначе. Если бы я знал об этом, когда создавал свою – многое сделал бы по-другому. Давай-ка в следующий раз мы об этом и поговорим!

Плохая новость: стилиг в Америке нет!

«Какую партию ни строй – всё равно получается КПСС!» – когда-то метко подметил многолетний премьер-министр России Виктор Степанович Черномырдин. Если продолжить эту мысль, то из попыток построить новые молодежные организации должны были бы получаться пионерия или комсомол. «Какую организацию ни создавай – всё равно получится ВЛКСМ!»

Многие, вспомнив свои любимые организации, тут же скажут, что это – точно не про них. Абсолютно ничего общего! В комсомоле и пионерии все состояли, потому что так было надо, а у нас – всё добровольно: приходят и записываются сами! В комсомоле и пионерии большинство молодых людей находились формально: носили красный галстук или комсомольский значок, но ничего не делали. А у нас – все активно работают! Так что то, что их было так много, а нас теперь так мало – это несущественно. Если посчитать тех, кто на самом деле активен, то у нас получится ничуть не меньше, а может и больше!

Похоже, мы с вами, друзья, неисправимые идеалисты. В годы горбачевской перестройки мы стремились к тому, чтобы вернуть пионерскую организацию к «светлым ленинским временам». Мы искренне верили, что называть себя пионером может только тот, кто на самом деле готов «жить, учиться и бороться, как завещал Великий Ленин». В конце 1980-х жизнь в нашей правофланговой пионерской дружине имени Сергея Мироновича Кирова закипела так... что пришлось официально распустить дружину еще до августовского путча и распада СССР. Большинство детей активно не желали быть настоящими ленинцами и жить так, как написано в торжественном обещании пионера. Они не были негативистами – они были обычными, «пассивными» школьниками и воспринимали членство в пионерской организации просто как обязательный атрибут. Решиться официально снять красный галстук им было страшновато: характеристики из школы для поступления в вуз к тому времени еще никто не отменял.

Потом СССР рухнул, и к нам пришло новое словосочетание – «гражданское общество». Мы же сами-то, как вы помните, языками не владеем. И тут нас спасли – подкинули нужные слова! Ура, мы теперь строить гражданское общество будем! Уже больше 20 лет прошло с тех времен, но что такое это самое «гражданское общество» – мы осознаём столь же смутно. Зато старательно его строим!

Мы замечательно научились наполнять любое понятие, которое приходит к нам из-за кордона, своими собственными представлениями. А корни этих представлений – всё там же, откуда «всё время получается КПСС».

Гражданское общество многие поняли как «общество активных граждан». У нас все апатичные, пассивные, потому что нас 70 лет больно били по макушке и заставляли быть одинаковыми. А у них, в царстве частной инициативы, всё наоборот – граждане активные, потому что свободные. И дальше рассказы о том, что в мире – 38 миллионов скаутов, а волонтер – почти каждый второй. Давайте-ка быстрее всё это к нам!

И вот, получив в новой России свободу действий, мы начали строить гражданское общество. Стали создавать организации, в которых социальная активность была бы мощной, искренней, не в пример формальной пионерии... Это было интересное время. Только вот масштабы новых организаций почему-то не поражали воображение. Свобода пришла, а активности вслед за ней мы так и не дождались.

Прервём хронологию этого рассуждения и перенесемся в наше время. Недавно во время поездки в Америку одна из моих коллег задала вопрос местному начальнику управления образования округа, в котором живет около 3 миллионов человек. Вопрос простой: «С какими НКО Вы сотрудничаете?» Этот вопрос ввёл чиновника от образования практически в ступор. Сначала он пытался понять, что мы имеем в виду – какие-такие НКО? Потом, поняв, попытался что-нибудь вспомнить. Но, кажется, так и не смог. До этого, кстати, он показывал нам собственный образовательный телеканал, который вещает в местных кабельных сетях. В соседней студии на наших глазах две учительницы снимались в обучающем ролике о том, как правильно пользоваться огнетушителями. На канале в это время шла передача собственного производства «Математика для всех». Информационные технологии управленцев американского образования явно интересуют больше, чем НКО и гражданское общество. Сталкиваясь с такими примерами сплошь и рядом, во время этой поездки мы вспомнили известную сцену из фильма «Стиляги» и всё время её цитировали: «Ребята, стилиг в Америке нет!»

Наши попытки строить гражданское общество на основе мифов о том, каким оно является в мире – это то же самое, что движение советских стилигов в 1960-е годы, которые искренне думали, что они – такие же, как их неведомые американские собратья. Которых на самом деле – не существовало.

– погоди! Ты хочешь сказать, что у них нет НКО? Но ведь нам каждый день рассказывают, что их десятки тысяч, и мы даже знаем названия некоторых организаций!

– НКО у них, конечно, есть. Только они не такие, как нам представляется. Мы смотрим на них будто бы через увеличительное стекло, в котором они выглядят просто гигантами!

– Преувеличены масштабы их деятельности?

– Скорее, степень вовлеченности молодежи в реальную практическую работу. Давай-ка для начала я расскажу тебе свой любимый анекдот. Он из жизни. Эта история произошла 10 лет назад, когда мы начинали активно знакомиться с финскими молодежными организациями. Мы установили контакты с организацией «Молодые орлы» – известной молодежной организацией социал-демократической ориентации. «Орлы» пригласили нас на свой 60-летний юбилей. Мы, естественно, подготовились как следует – набили полный автобус детьми, а в багажное отделение закинули несколько чемоданов декораций для нашей театральной группы. И вот мы заходим в здание. Первое, что мы видим в зале – это большие черно-белые портреты деятелей финского рабочего движения. Сразу, естественно, вспомнились портреты нашего политбюро. Ну, думаем, веселый антураж для юбилея детской организации!

– Они что, не могли найти для своего мероприятия более подходящий зал?

– А он и был самым подходящим! Дело в том, что детей собралось – три человека! Не считая, конечно, наших пятидесяти!

– То есть как? Не смогли собрать детей на юбилей?

– А они и не собирались этого делать! Весь зал был заполнен бабушками и дедушками – видимо, теми самими, которые были молодыми орлами 60 лет назад!

– Да, неожиданный ход! И что же было дальше?

– А дальше те самые три ребенка вышли на трибуну и по бумажке зачитали доклад об истории «Молодых орлов». Затем, кажется, выступил кто-то из взрослых, а потом слово передали нам. Наши дети показали спектакль «Мальчиш-кибальчиш»: не отдадим родную землю проклятым буржуинам и всё такое. Я думаю, они порадовались. Говорят, что название организации – «Молодые орлы» – навеяно творчеством Максима Горького, который писал что-то про гордых птиц. Может быть, это была «Песня о Соколе», в которой провозглашается, что рожденный ползать летать не может. Или «Песня о Буревестнике», про гагар, которым недоступно наслаждение битвой жизни...

– В общем, со спектаклем вы угадали. «Орлам» он должен был показаться социально близким.

– Ну хоть в этом совпало! А в целом для меня это был замечательный урок. Мы-то считали само собой разумеющимся, что юбилей детской организации – это прежде всего праздник самих детей. Ситуация, когда мы оказались гостями на собрании ветеранов, нам не могла бы представиться даже в страшном сне! А они не понимают, чему мы удивляемся. Собрание закончилось, бабушки и дедушки пошли на фуршет. Мы спрашиваем: «Это всё? Еще что-нибудь будет?» – «Всё! Пейте кофе, ешьте пирожные!». Дело в том, что они – другие. Нужно перестать думать, что у них всё так же, как было у нас в комсомоле, только лучше, неформально, по-настоящему...

– Тебе не кажется, что ты делаешь слишком широкие обобщения из одного казуса? Возможно, у этой организации всё уже в прошлом, но ведь есть и другие?

– Знаешь, дружище, я активно знакомлюсь с молодежной работой в Европе уже десять лет. Могу сказать тебе прямо: ни одной активной – в нашем понимании – молодежной организации я там не увидел. Нет ни-че-го!

– Но ведь есть цифры! Что, 38 миллионов скаутов – это пыль в глаза?

– Хороший вопрос! Угадай, сколько в Финляндии членов организации «Молодые орлы»? Чтобы ты понимал масштабы, Финляндия – это примерно как Петербург. В ней тоже живет чуть больше 5 миллионов человек. Вот сколько «Молодых орлов» ты бы мог представить себе в Петербурге?

– Не более 300 человек!

– А на самом деле в «Молодых орлах» состоит 13 тысяч человек!

– Сколько? Попробовал бы кто-нибудь в Питере создать молодежную организацию из 13 тысяч человек! И чего ж они не вывели эти 13 тысяч на площадь в свой юбилей?

– Сейчас ты начнешь догадываться. Сколько, по-твоему, человек состоит в Финляндии в скаутской организации?

– Думаю, не меньше, чем у Орлов! Наверное, тысяч двадцать-тридцать.

– Уже тепло. 65 тысяч!

– Знаешь, это что-то из области фантастики! Обычно в школе – около 600 детей. Если представить, что в Питере – 65 тысяч скаутов, то только для них потребовалось бы больше ста школ! А еще и Орлы! Там нормальные дети-то есть, в Финляндии? Вот давай погуглим, сколько в Питере школьников.

– Давай. 340 тысяч.

– Так, 340 делим на 65... Получается, что каждый пятый – скаут! 20 процентов охвата! Как они этого добились?

– Друг, ты, кажется, начинаешь входить в административный раж. На вашего брата-чиновника плохо влияют такие проценты! Давай, возвращай свой разум на место. Я тебя немного остужу: попробуй как-нибудь зайти в любую финскую школу и попроси поднять руки скаутов. Я уверяю тебя, что если вдруг и поднимется несколько рук, то это можно считать удачей.

– Они что, дают дутую статистику?

– Нет, конечно. Просто у них совершенно другое представление о членстве в организациях. Вспомни девиз скаутов: «Скаут однажды – скаут навсегда!»

– Ты хочешь сказать, что они вырастают и продолжают числиться в организации? Но зачем?

– Член организации у них – это тот, кто поддерживает цели организации. При этом он может в организации ничего не делать. Это только мы рассматриваем члена организации как добровольца или активиста. Прекратил реальную деятельность – уходи из организации! А у них никакая реальная деятельность для членства в организации не нужна. Хочешь вступить в организацию – вступай, спасибо тебе большое. Мы ведь хороший комсомол строим всё время, а они – гражданское общество. Спокойное и даже скучное, без героического строительства Байкало-Амурской магистрали.

– Объясни, какой в этом смысл? Для чего нужно быть в организации и ничего в ней не делать?

– Для того, чтобы власть видела, какие идеи поддерживают граждане. За что они выступают. И кому они поручили вести диалог по поводу своих интересов – я имею в виду руководителей организации. Цифра в 65 тысяч членов скаутской организации означает ровным счетом то, что 65 тысяч граждан Финляндии поддерживают развитие скаутского движения в своей стране. И государство не может с этим не считаться – оно должно так или иначе поддерживать скаутинг. Это и есть – гражданское общество.

– Да, похоже, стилинг нет не только в Америке, но и в твоей любимой Финляндии!

– Точно! Зато там есть множество организаций, которые не имеют ни малейшего сходства с нашим комсомолом! В следующий раз я расскажу тебе пару историй на эту тему из Швеции.

МЖК по-шведски

Когда о проблемах молодежи начинают разговаривать взрослые, то их чаще всего почему-то волнует моральный облик подрастающего поколения. Патриотизма – маловато, культуры – ни на грош, уважение к старшим – осталось в прошлом. Даже и не знаем, кто подаст нам стакан воды на старости лет.

Сама молодежь, как правило, озабочена другими проблемами. Лидируют три: работа, жилье и досуг. Если про досуг и работу молодежка еще может кое-чем отчитаться, то по поводу жилья вынуждена разводить руками. Увы, жилищные субсидии для молодых семей выглядят лишь каплей в бездомном молодежном море.

Правда, в советские времена дела с жильем для молодых тоже были не ахти. Квартира была куда большим дефицитом, чем колбаса и сгущенка. Стоять за ней в очереди простые смертные могли десятилетиями. В распределительной системе работала

строгая иерархия: сначала дадим квартиру тому, кто проработал больше и простоял дольше. Исключением, пожалуй, были особо ценные кадры. Ну, а рядовой молодой специалист вполне мог пожить и в общежитии. Своя квартира – это награда, которую еще нужно заслужить!

Нашлась, правда, и такая молодежь, которой ждать не хотелось. В недрах СССР зародилось движение МЖК – молодежных жилых комплексов. Особый размах оно приобрело в годы горбачевской перестройки. У предприятий были средства на объекты соцкультбыта, которые они не успевали осваивать. У молодежи имелись рабочие руки. А у комсомола было желание всем этим поруководить. Предприятия направляли деньги на строительство дома или целого городка для молодых работников, комсомол отбирал самых достойных, и они после основной работы, в выходные и отпуска строили своё будущее жилище сами. Тем, кто успел завершить стройку до распада СССР, безусловно, повезло.

Сейчас нам уже трудно представить, чтобы учителя или менеджеры в конце рабочего дня надевали каски и шли на стройплощадку. А иностранцев это просто сводит с ума. Когда рассказываешь об МЖК за границей, тебе отказываются верить: «Обычные люди работали вместо строителей? Но зачем!?!»

Тот факт, что «в Америке нет МЖК», вовсе не означает, что жилищная проблема – это только наша, отечественная беда. Даже в благополучной Швеции, где, как нам кажется, уже давно построили социализм, молодежь всё еще борется за право иметь свой собственный угол. Молодые шведы создали организацию, которая так и называется: «Я хочу иметь жильё».

– Я думаю, если бы такая организация появилась в России, в ней давно бы уже состояло полстраны!

– Казалось бы, да. Вот только странно: почему же такая организация до сих пор не появилась?

– Просто мы не в Швеции. У нас все понимают, что от твоего хотения ничего не зависит. Это только в русских сказках можно было построить дом «по щучьему велению, по моему хотению». А жизнь учит выкручиваться самим. Что толку создавать организацию? Хочешь жильё – влезай в ипотеку и паши, как трактор! Реальность такова, что за тебя никто жильё не построит!

– Я думаю, что шведы рассуждают примерно так же. Но пользу от организации всё-таки видят. Иначе в ней не состояло бы 12 тысяч человек. В Швеции, конечно, людей побольше, чем в Финляндии – не 5, а 9 миллионов. Что-то среднее между Питером и Москвой.

– Для нас 12 тысяч человек в организации – это космическая цифра. Но всё-таки эта цифра несколько меньше, чем у орлов и скаутов. В чем причина?

– Орлам – 70 лет, а скаутам и подавно – более ста. В отличие от них, «Я хочу иметь жильё» – относительно новая организация. Она была создана в 2001 году. Молодые люди решили бороться за то, чтобы у них появилась возможность арендовать квартиры по доступным ценам.

– Получается, «хочу иметь жильё» по-шведски – это мечта не о собственной квартире, а о съемной, но только по доступной цене?

– Верно. Дело в том, что до недавнего времени в Швеции было практически невозможно иметь квартиру в собственности. Многоквартирными домами владеют жилищные компании, которые, в свою очередь, сдают квартиры в аренду жильцам. И у них, в Швеции, тоже есть очередь – на право арендовать квартиру.

– Но ведь пока ты стоишь в очереди, тебе тоже нужно где-то жить?

– В этом случае тебе уготована участь субарендатора. Тебе может сдать квартиру кто-то из арендаторов на период своего временного отсутствия. Например, жилец уезжает учиться в другой город, и на время учебы имеет право сдавать свою квартиру в субаренду. Причем потолок платы за субаренду также регулируется шведским законом.

– Да, и вправду социализм!

– Я думаю, цены этого «социализма» тебя вряд ли обрадуют. Ты готов платить за съемную квартиру больше 1000 евро в месяц?

– Сколько? 1000 евро?! Если бы они у меня были, то был бы готов, вне всякого сомнения! Что может быть лучше съемной квартиры в Швеции! Правда, еще нужно, как минимум, чем-то питаться... Сдаётся мне, что у этого шведского социализма – звериный капиталистический оскал!

– Ну вот поэтому молодежь и решила создать организацию для тех, кто «устал от дефицита жилья и хочет с этим что-то сделать». Так они описывают свою цель.

– И что же они с этим сделали?

– Они стали обсуждать проблему жилья для молодежи с властями и жилищными компаниями. Убеждали их, что нужно строить специальные дешевые дома, ориентированные на скромные потребности молодежи от 18 до 35 лет. К ним прислушались, и первый «молодёжный дом» был построен. В нём молодежь может арендовать квартиру площадью 35 квадратных метров за 400 евро.

– Для нас это тоже не три копейки!

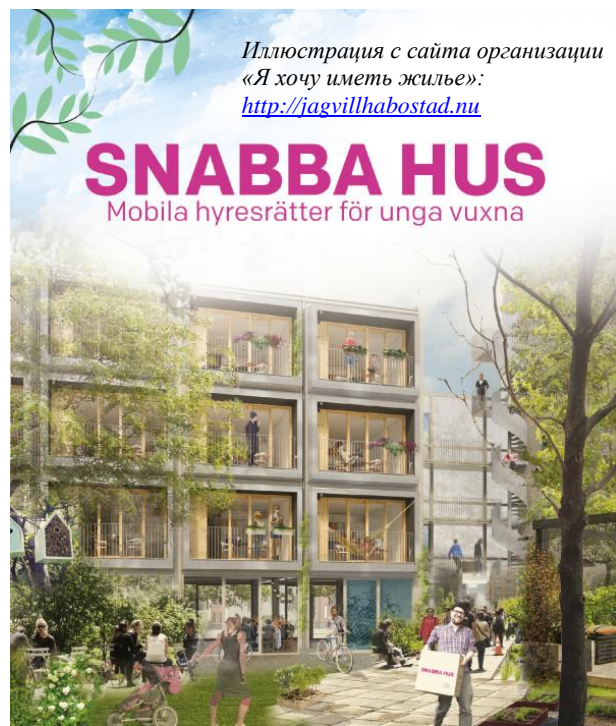
– «Для нас» в данном случае – не показатель. 400 евро за квартиру – это у шведов считается совсем недорогим. За проживание в студенческом общежитии порою приходится платить даже больше.

– Ну хорошо. Объясни, что изменилось после строительства этого одного дома? Ведь в один дом нельзя поселить всю молодежь Швеции?

– Пока изменилось не многое. Но такие «молодежные дома» уже постепенно стали появляться в разных городах. Организация «Я хочу иметь жильё» методично объясняет жилищным компаниям, что строить простые и дешевые дома – это выгодно. При невысоких затратах спрос на аренду квартир в таких домах со стороны молодежи обеспечен. Поэтому для фирм это становится выгодным бизнесом. Организация фактически помогает им его наладить – за счет того, что хорошо знает, что именно нужно молодежи.

– А кто даст гарантию, что такое жильё достанется именно молодым?

– Запуская проекты «молодёжных домов» вместе с жилищными компаниями, организация изначально ставит условие – заключать договоры аренды в этих домах могут

молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет. Но выезжать из квартиры по достижении верхней возрастной планки они не должны – если хотят, могут жить там сколько угодно.

– Судя по всему, организации уже удалось сдвинуть проблему с мертвой точки.

– Более того. Год назад правительство Швеции выпустило постановление о поддержке инновационного строительства жилья для молодежи. Фирмы, которые строят дешевые молодежные дома, теперь могут претендовать на субсидии из бюджета. На них выделено 50 миллионов шведских крон – это около 270 миллионов рублей. Сумма, по шведским меркам, не велика...

– Да и по российским тоже! В этом году на программу субсидирования жилья для молодых семей в России выделено 3,5 миллиарда рублей! В 13 раз больше!

– Только учти, что население нашей страны – в 16 раз больше, чем в Швеции.

– Зато цены на строительство у нас наверняка ниже!

– Согласен. В первом приближении мы можем считать, что объемы выделяемых средств на жилье для молодежи в Швеции и России различаются не сильно. Но только используются эти деньги по-разному. У нас они направлены на то, чтобы компенсировать часть расходов семьи на строительство собственного жилья, а у шведов – чтобы стимулировать строительство «молодёжных домов», дешевого арендного жилья. При этом принцип у обеих программ – одинаковый: государство компенсирует только часть расходов. У нас вторая часть затрат ложится на плечи самой молодежи, а у шведов – на жилищные фирмы, то есть на бизнес.

– Как это ни смешно, но то, что делают шведы, очень похоже на наши МЖК. А то, что делается по нашей собственной программе «Обеспечение жильем молодых семей», не имеет с опытом МЖК ничего общего. Ведь молодые семьи попадают не в дом, построенный специально для молодежи, а покупают квартиру в одном из обычных домов.

– Дружище, твоё наблюдение – это хорошая иллюстрация одной из наших главных проблем. Мы не умеем увидеть в собственном опыте самое ценное и красиво это упаковать. У нас много потрясающих практик, но нет системы их доводки до уровня тиражируемых технологий. Поэтому то, что мы знаем и делаем десятилетиями, в один прекрасный день неожиданно приходит к нам с запада. Почти то же самое, но в хорошо упакованном виде: всё алгоритмизировано, разложено по полочкам, расписано, как в поваренной книге. Делай по рецепту – и получишь отличный результат!

– А почему же мы не делаем этого сами?

– Да потому что не умеем! Для этого умения нужно сначала избавиться от каши в голове. Если мы и делаем что-то интересное, то рассказываем об этом так, будто специально хотим запутать вероятного противника. Вот смотри: несколько лет назад в Россию пришла теория позитивного развития молодежи. Авторы – американцы. Мы читаем и узнаем там многое из того, чем мы занимались всю свою сознательную жизнь. Можно было бы сказать: друзья, да это на 60 процентов заимствовано из коммунарской методики, это же Игорь Петрович Иванов! На что они (если бы и вправду знали о коммунарском движении) резонно возразили бы: «В текстах вашего Иванова речь идет о странных для нас понятиях. Какая-то «коллективная творческая деятельность», «педагогика общей заботы»... Мы даже не понимаем, как это перевести! А вот вашего психолога Выготского мы внимательно читали, и его идея о зоне ближайшего развития действительно использована в нашей теории».

– Очень любопытно. Но тебе не кажется, что ты несколько отвлекся от МЖК?

– Ни на сантиметр! МЖК – это ведь не только строительство домов собственными руками за счет лишних денег предприятий. Как построено жилье – это не самое главное.

Это – форма. Помимо формы, есть содержание. Содержанием МЖК как проекта было строительство жилья, отвечающего специфическим потребностям молодых людей. Не случайно в комплексах предусматривалась такая инфраструктура, как детские садики, игровые площадки, комнаты для досуговых мероприятий. Всё для того, чтобы молодежь жила весело, задорно, большим и дружным коллективом.

– Да, такого не встретишь нигде в мире!

– Ага, как бы не так! В той же Швеции нам показали дом, в цокольном этаже которого оборудована общая столовая, кухня и комнаты отдыха. Те, кто арендует жилье в этом доме, подписывают обязательство участвовать в приготовлении общих обедов. С некоторой периодичностью, например по выходным, весь дом собирается на общий обед. Его готовят для всех одна или две семьи. В следующий раз дежурство переходит к следующей квартире. Во время обеда люди общаются, веселятся, обсуждают новости. В результате соседи хорошо знают друг друга, приветливы, готовы друг другу помогать. По моему, неплохая идея!

– Да, получается, что те остатки социализма, от которых мы поспешили избавиться, благополучно прижились в других странах.

– Скоро эти «остатки» красиво упакуют и начнут экспортировать к нам как передовые технологии. Но вернемся к содержанию проекта «МЖК». Если отбросить все черты, связанные со спецификой времени, то главная идея наших МЖК совпадает с идеей шведских «молодежных домов» – строить доступное жилье, которые учитывают специфические потребности молодежи. Если бы эта идея была внятно обозначена, то история МЖК с успехом бы продолжалась и по сей день. Но это был бы уже совсем другой МЖК.

– В общем, пора создавать организацию «Я хочу иметь жилье» в России. И лоббировать идею «молодежных домов» с дешевыми съемными квартирами.

– Во всяком случае, я не вижу никаких непреодолимых препятствий для того, чтобы применить эту модель в нашей стране.

– Ну хорошо. Считай, что МЖК мы возродили. Теперь вернемся к теме общественных организаций. Организация «Я хочу иметь жилье» действительно не похожа на комсомол. Но хотя бы членские взносы в ней есть?

– И членских взносов в ней тоже нет.

– Они что, ведут работу на голом энтузиазме?

– Дружище, на голом энтузиазме не умеем работать даже мы. Давай-ка в следующий раз поговорим о том, откуда у организаций появляются деньги.

Где деньги, Зин?

Жаловаться на безденежье нашим НКО не привыкать. Правда, разжалобить вашего брата-чиновника своими финансовыми мольбами им становится всё труднее. Дело в том, что чиновники – люди продвинутые, и они тоже научились выговаривать без ошибок волшебное слово «фандрайзинг». Теперь диалоги в кабинетах выглядят примерно так:

Чокнутый энтузиаст: Вы здесь сидите в своём мягком кресле и не знаете, что молодежь погибает! Срочно дайте деньги на акцию «СПИД не спит»!

Чиновник: Так вы говорите, у Вас нет денег на акцию «СПИД не спит»? Значит, Вы плохо занимаетесь фандрайзингом! Идите, уважаемый, и занимайтесь!

Фраза «займитесь фандрайзингом» имеет такую же мощную силу, как магическое заклинание «Авара Кедавра» из «Гарри Поттера»: тот, кого Вы послали в этом направлении, уже вряд ли вернется к Вам снова.

Но есть среди нашего брата НКОшника и те, кто искренне верит, что «займись фандрайзингом» – это не официальный аналог выражения «иди на три весёлых буквы», а на самом деле – верный путь, в конце которого наступает гармония и просветление.

Если бы таких наивных энтузиастов не рождала русская земля, то кто бы обучался во всевозможных «академиях фандрайзинга», участвовал бы в конкурсах «фандрайзинговых планов» и доказывал бы, что быть фандрайзером – это особое счастье.

Фандрайзер – это супер-фокусник, который в результате упорного обучения на семинарах и тренингах получил тайное знание: как делать деньги из воздуха.

Он умеет практически всё. Может написать письмо-предложение к спонсорам так, что, прочитав его, они зарыдают и отдадут все свои деньги на трудоустройство юных правонарушителей. Фандрайзер способен зайти в кабинет олигарха и выйти оттуда с круглой суммой, которая так нужна его организации. Ну, а если он проводит фандрайзинговую кампанию, то все жители города в едином порыве отдают ему кто сколько может – а в результате из этой мелочи получается миллион! Эх, этот бы дар да нашей налоговой службе! Вот кого бы обучить фандрайзинговому волшебству!

Еще одно направление фандрайзинга – гранты. У Вас нет денег? Привлекайте гранты! Данное выражение является менее экспрессивным синонимом фразы «займитесь фандрайзингом», но посылает просителя примерно в том же направлении.

– погоди-погоди! Ты что, хочешь сказать, что НКО не должны вытаскивать гранты? По-моему, они в основном за счет этого и живут!

– Да пусть они пишут проекты и получают на них гранты! На здоровье! И путь собирают деньги у сердобольных граждан! Но только это не должно быть основным источником их существования.

– Да? И откуда же они будут брать деньги? Где этот самый «основной источник»?

– Дружище, ты к этому источнику находишься весьма близко. Называется этот источник – госбюджет.

– Отлично! Сходи в Минфин и сообщи им эту радостную весть! Они тебе быстро объяснят, что НКО – независимые организации, и государство им ничего не обязано. Независим – значит свободен. Так что закройте дверь с другой стороны, вы свободны! И да: обязательно займитесь фандрайзингом!

– Но согласись: ситуация, когда финансисты позволяли себе говорить о том, что выделение бюджетных средств для НКО – это чуть ли не разбазаривание государственных денег, уходит в прошлое. Появились президентские гранты, заработала программа поддержки социально-ориентированных НКО. И это правильный путь! Только не надо забывать, что предыдущие лет двадцать мы занимались исключительно магическими заклинаниями на тему фандрайзинга. И многие до сих пор считают, что НКО должны добывать деньги неким волшебным образом, или с помощью потусторонних сил.

– Ну да! А потом из-за этих «потусторонних сил» их подозревают в том, что они – зловредные агенты.

– Ага, слуги Волан-де-Морта, с помощью которых он правит миром.

– Так почему же, по-твоему, нужно финансировать НКО из бюджета?

– Да потому, что это делается во всём мире. Другой модели существования НКО просто нет в природе!

– То есть как? Ведь мы знаем, что во всем мире НКО получают гранты от неправительственных фондов. А еще нам часто рассказывают, что главная статья доходов НКО – это частные пожертвования. Разве не так?

– Конечно, нет! Снимаем с ушей лапшу и смотрим статистику! А она говорит о том, что в развитых странах 50% средств НКО получают от государства. А знаешь, сколько в России? Максимум пять процентов.

– Да, маловато.

– Ну, несколько лет назад эта цифра вообще была чуть больше одного процента. И вот представь: в нашу среду, в которой государство практически не поддерживает НКО, пытаются перенести фандрайзинговые технологии из совершенно другой среды, в которой государство дает НКО 50% средств от их фактической потребности. Перенимайте передовой фандрайзинговый опыт, и будете жить так же хорошо, как НКО Америки и Европы! Наверное, всё-таки для начала нужно было бы объяснить, что суп и перловка везде – государственная, а если захотелось кофе и десерта, то можно насобирать и по углам. Через тот самый фандрайзинг.

– Ну, хорошо. Что же нам нужно делать? Выделять больше денег на государственные гранты и субсидии?

– Нужно начать с понимания простой истины: проектное финансирование не должно быть источником существования организации. Организация должна иметь возможность жить и без всяких проектов.

– То есть как? Знаешь, сколько вокруг моего кабинета ходит «организаций»? Устав показывают, щёки надувают и печатями щёлкают. Я называю таких людей «человек-организация». Приходит некий деятель и представляется президентом какого-нибудь очередного союза по спасению молодежи. Сидит на всех заседаниях, говорит во всех телекамерах и регулярно пишет президенту Путину. В общем, требует к себе серьезного внимания. Но ни одного человека в этой организации, кроме этого самого деятеля, никто и никогда в глаза не видел! По-твоему, я должен выделить ему зарплату?

– Да Боже упаси!

– Тогда что ты имел в виду, когда говорил о том, что у организации должна быть возможность жить и без проектов?

– Давай я расскажу тебе об этом на примере всё той же шведской организации «Я хочу иметь жильё». Как ты помнишь, в ней 12 тысяч членов, и взносы они не платят.

– Кстати, как у них принимают в организацию?

– Очень просто. Все, кто хочет вступить в организацию, заполняют форму на сайте и нажимают кнопку «вступить». Всё, ты принят.

– Ничего себе демократия! А как же кандидатский стаж? Как можно узнать, принесет ли этот человек организации пользу?

– А он уже принёс пользу – тем, что увеличил численность организации.

– Это – явно не наш подход. Мы привыкли, что в организацию нужно принимать только проверенных людей, которым можно доверять.

– Ну да, это наше тяжелое наследие социализма. Мы воспринимаем организацию как коллектив. А коллектив, по нашим представлениям, должен нести ответственность за своих членов. «Вася Пупкин из вашей организации? Сделайте так, чтобы он исправил

свои двойки! А если не исправит – запретите ему ходить в организацию!» Если бы шведская учительница позвонила с подобным призывом в офис организации «Я хочу иметь жилье», они бы, наверное, вызвали ей психиатра. У них организация – это не коллектив, который отвечает за воспитание своих членов, а структура, которая помогает гражданам продвигать свои интересы. Поэтому моральный облик членов организации не имеет никакого значения.

– Итак, Вася Пупкин увеличил численность организации до 12 тысяч. И что же дальше?

– А дальше всё просто. По количеству членов организации правительство видит, чего хотят граждане. Оно заинтересовано в том, чтобы у больших организаций появились штатные бюрократы, с которыми можно по этому поводу вести диалог. И государство выделяет организациям административные гранты – то есть деньги не на проекты, а на существование самой организации.

– Стало быть, «человек-организация» в этой схеме заведомо оказался бы за бортом?

– Безусловно! Обязательным для получения господдержки является соответствие целому ряду критериев. Таких как количество членов организации, срок её существования, а также соблюдение демократических стандартов: прозрачность, подотчетность, и, конечно же, гендерное равенство, которому уделяется особенно пристальное внимание.

– То есть, организация может оплачивать из денег, полученных от государства, свой офис, штатных сотрудников...

– А иногда и содержать местные офисы. Когда такая основа для существования есть, можно заниматься и проектами. Здесь государство тоже является главным донором. Деньги для НКО распределяют не только через государственные структуры, такие как профильные министерства, но и через зонтичные организации.

– Зонтичные организации?

– Это организации, которые объединяют НКО определенной тематики. Например, Национальный Совет шведских молодежных организаций объединяет 80 организаций национального уровня.

– Да, неплохо они растут на государственных хлебах!

– А в Финляндии НКО кормятся от игровых автоматов.

– Что??? Они занимаются игорным бизнесом?

– Нет, всё проще. Давным-давно, еще в 1938 году, финны создали Ассоциацию игровых автоматов, которая находится под полным контролем государства и обладает монополией в сфере игорного бизнеса. Прибыль, которую получает Ассоциация, распределяется на проекты НКО в сфере социального благополучия и здравоохранения. Делается это в рамках грантового конкурса, который проводится ежегодно. Решение о выделении грантов утверждается финским министерством здравоохранения и социального развития. Хочешь узнать цифры?

– Еще бы! погоди, только схвачусь покрепче за стул!

– Итак, в этом году из средств, полученных Ассоциацией игровых автоматов, профинансировано проектов на 308 миллионов евро.

– Так, умножаем на 50... получается примерно 15 миллиардов рублей! А у нас на ежегодные гранты Президента для НКО выделяется 2,5 миллиарда, в шесть раз меньше! И это при том, что вся Финляндия – как один наш Питер!

– Ну, если продолжить эти подсчеты, то голова у нас совсем закружится. Население в России – в 28 раз больше, чем в Финляндии. Чтобы конкурс грантов президента достиг уровня финских игровых автоматов, то его фонд должен составить... умножаем 15 миллиардов на 28 – итого 420 миллиардов рублей! Это в 168 раз больше, чем сейчас!

– Мда... А финансируются ли из средств Ассоциации игровых автоматов молодежные проекты?

– Конечно! На проекты в сфере работы с молодежью в этом году распределено 20,5 миллионов евро.

– Умножаем на 50... получается, чуть больше миллиарда рублей.

– А теперь умножаем на масштабы России и выводим цифру: чтобы нам достичь финского уровня поддержки молодежных НКО, нам требуется ежегодно распределять по конкурсу 28 миллиардов рублей.

– А у нас в этом году на молодежные проекты по конкурсу президентских грантов выделяется 340 миллионов рублей. Считаем... получается, в 82 раза меньше.

– А самое смешное знаешь что? То, как сформулирована цель, ради которой была создана финская Ассоциация игровых автоматов. Так вот эта цель – не что иное, как... фандрайзинг! Ассоциация создана для привлечения средств на нужды НКО, то есть для того, чтобы заниматься фандрайзингом!

– Теперь я понял, как выглядит самый крутой фандрайзер в мире! Это скромный наладчик финского игрового автомата, который наверняка мало что понимает в НКО, но зато регулярно их кормит!

– Честно говоря, я – именно за такой фандрайзинг!

Молодёжка: закат или рассвет?

Кризис жанра, или не в деньгах счастье

Теперь настало время рассказать всю правду. Заключается она в том, что Ассоциация игровых автоматов – это далеко не единственный источник финансирования финских НКО. С игровыми автоматами успешно конкурирует компания «Вейккаус» – национальный оператор лотерей. Львиная доля прибыли этой компании поступает в Министерство образования и культуры Финляндии, которое распределяет доходы от лотереи на поддержку искусства, науки, спорта и работы с молодежью. Каждый год «Вейккаус» переводит Министерству более 500 миллионов евро. Из них 50 миллионов идут на работу с молодежью. Что эквивалентно 2,5 миллиардам рублей.

Наверное, ты уже представил, насколько насыщенной и интересной должна быть жизнь финского юношества. Лидерские лагеря, социальные проекты, ни минуты свободного времени и безграничные возможности для поиска своего места в жизни!

Увы, ничего этого нет. Грустные начальники финских отделов молодежи жалуются на финансовый кризис. Бюджеты местной молодёжки сокращают до такой степени, что приходится распродавать муниципальные загородные базы, которыми раньше молодежные организации могли пользоваться бесплатно. Ну, а если нет денег – значит, нет и работы.

Однако финансовый кризис – это еще не самое страшное. За ним отчетливо проступают черты куда более серьезного кризиса – кризиса молодежной работы в целом. Похоже, еще немного – и от неё придется отказаться совсем. Тогда уже можно будет распродавать не только загородные базы, но и молодежные центры.

– *И что же случилось? Какая моль разъедает финскую молодёжку?*

– Это даже не моль, а скорее чума. Молодежь словно выкосило.

– То есть?

– Вот представь. Стоит огромный молодежный центр. В этом центре – три отдельных комнаты для репетиций рок-групп. Звукоизоляция, усилители, барабанные установки... Огромный спортзал со скалодромом. По этому поводу все работники центра – мужики с инструкторской подготовкой по альпинизму. Ну, а бильярд и теннис – это само собой. И всё это стоит, будто на дворе и вправду – чума. Молодежи там нет. Ей всё это не нужно.

– А у нас начинающие рок-группы снимают студии для репетиций за собственные деньги! Скалодром – платное удовольствие априори. Если всё это бесплатно, то почему же они туда не ходят? Что у них случилось с молодежью?

– Я очень сильно подозреваю, что то, что случилось у них, очень скоро придет и к нам. И первые признаки этого уже есть.

– Например, какие?

– И их, и наша молодежь проводит своё свободное время в одних и тех же местах. А именно – в крупных торговых центрах.

– Но с нашими-то понятно: не пойдут же они в подростковый клуб, в котором нечего делать, кроме как в теннис играть. Вот они и шатаются по городу! На улице холодно, а в торговом центре – в самый раз!

– Похоже, они там не потому, что им некуда идти. Просто им там нравится. Я уже как-то говорил: им больше не хочется быть в тех местах, которые созданы специально для молодежи. Они хотят быть там, где находятся взрослые. И это происходит везде: и у европейцев, и у нас. В этом суть кризиса: инфраструктура молодежи становится невостребованной.

– Получается, если мы сейчас начнем строить современные молодежные центры, то они уже будут никому не нужны?

– Если там не будет взрослых, которые создают вокруг себя интересную жизнь, то они очень скоро будут стоять пустыми.

– Мрачноватое предсказание. А финны что-то делают для того, чтобы выйти из этого тупика?

– Один пример я видел. Но это, скорее, казус. Когда-то в небольшом городе Йёнсуу существовал дом молодежи «Скрим» – что переводится как «крик». Финский дом молодежи – это аналог нашего подросткового клуба. Название «Скрим» клубу дали из-за того, что он специализировался на молодежной субкультуре. Там репетировали молодежные группы и проходили рок-концерты. Так случилось, что здание, в котором

находился «Скрим», власти решили снести. Через какое-то время выделили новое помещение. И молодежный дом, пришедший на смену «Крику», решили назвать... «Шёпот». Поставили много мощных компьютеров, игровых приставок – и молодежи в клубе хоть отбавляй! Все сидят у мониторов и режутся в онлайн игры. И тишина...

– Да, неожиданно! По-моему, они растят клиентов для ассоциации игровых автоматов, чтобы она лучше кормила финские НКО!

– Остроумное предположение! Но на самом деле всё гораздо проще. Финны убеждены в том, что нужно делать именно то, чего хочет сама молодежь. А она хочет сидеть и играть в Интернете. Вот они и предоставили ей такую возможность. Клуб заполнен, все счастливы.

– Ну, а какие-нибудь более креативные пути заполнения пустующих клубов ты видел?

– Да, доводилось. Один из молодёжных домов проводит в своём прекрасном зале концерты популярных финских групп. Билеты на концерты стоят экстремально дешево – от 2 до 5 евро.

– Что означает, что они их дотируют.

– Совершенно верно. Естественно, молодежь на эти концерты идёт табуном. А молодежные работники объясняют, что это очень важно – обеспечить доступ молодежи к культуре и возможность слушать любимые группы вне зависимости от толщины кошелька.

– У нас «культура» – это музей, театр, филармония...

– А у них молодежная культура имеет те же права, что и взрослая, академическая культура. И с этим не поспоришь.

– Ну, а еще какие-нибудь примеры заполнения стен?

– Остались только банальные. Я был, например, очень удивлен, когда в одном из домов молодежи увидел... продлёнку. В неё приводят малышей из соседней школы. Я считал, что до этого могут додуматься только в России. Оказывается, нет. А в другом молодежном доме в первой половине дня занимается коррекционный класс – дети, которым не очень комфортно в школе и требуется индивидуальная поддержка.

– В общем, надежды на то, что удастся такими средствами победить чуму, выкосившую финскую молодежь, маловато.

– Складывается впечатление, что финские молодежные работники воспринимают новую реальность как нечто неизбежное – то, что бесполезно пытаться изменить. Но при этом они придумали обходной манёвр: если молодежь не идёт к нам, то мы сами должны пойти к ней.

– Это уже интересно! И как они это делают?

– Ну, например, работают с молодежью на заправках.

– Где???

– На самых обычных финских бензозаправках. Финская бензозаправка – это не только бензин, но и вполне приличное кафе впридачу. Да еще и с небольшим магазинчиком. В клубы молодежь не идет, а вот на заправки – с большим удовольствием. Сидят там, пьют кофе, общаются... Им там гораздо интереснее, чем в доме молодежи, который построили специально для них!

– И чем же занимаются молодежные работники на заправках?

– Они хотят сделать так, чтобы и молодежи было хорошо, и всем остальным тоже. Дело в том, что как только молодежь начала тусоваться на заправках, появились проблемы. Представь, приходит толпа подростков, сидит, орёт на всё кафе, да еще и ничего не покупает. Бедные взрослые начинают уносить ноги – платёжеспособная клиентура утекает. Сотрудники заправки, заметив такую картину, начали просто выгонять все подростковые компании. Заходит кучка молодежи и слышит с порога: «Давай, до свиданья!» И всё вернулось на круги своя – бедным финским детям осталось лишь сидеть по подъездам.

– Но тут появились молодежные работники и...

– И объяснили сотрудникам заправки, что молодежь – это их будущие клиенты, а может и будущие работники. Поэтому в их интересах найти с подростками общий язык.

– Ого! И сотрудники заправки не послали их... заниматься фандрайзингом?

– Ну, ты же в курсе, что финнов фандрайзингом не проймёшь! Проект по работе с молодежью на заправках профинансировала та самая Ассоциация игровых автоматов. А общественная организация «Молодежная служба», получившая этот грант, договорилась с руководством сети заправок о совместной работе. И проекту дали зеленый свет.

– И в чем же суть проекта?

– Сотрудников заправок учили, как правильно общаться с молодежью. Как без крика и ругани приучить её уважать правила заведения. И сотрудники заправок поняли, что подростки – это такие же клиенты, как и взрослые. Только к ним нужен особый подход. Всем стало хорошо, а в результате проекта в курс подготовки персонала заправок включили блок по работе с молодыми клиентами.

– И что же дальше?

– А дальше «Молодежная служба» собирается делать аналогичный проект в торговых центрах. Шансы на успех у них очень хорошие. Недавно Ассоциация игровых автоматов вручила этому проекту специальную премию – как одному из лучших проектов в Финляндии.

– Видимо, теперь о финансировании можно не беспокоиться. А можно ли сказать, что главная идея появления молодежных работников в местах молодежных тусовок – это сглаживание конфликтов? Обеспечение мирного сосуществования молодежи и взрослых в местах общего пользования?

– Да-да, примерно так. Это развитие идеи хорошо известных нам стритвёркеров – уличных социальных работников, которые общаются с проблемной молодежью и пытаются оказать ей поддержку в кризисных ситуациях. Теперь та же методика распространяется на всю молодежь, пусть и в несколько измененном виде.

– Похоже, что у финнов возобладал клиентоориентированный подход. Молодежь – это клиент, которому нужно представлять услуги. И молодежные работники их предоставляют. А есть ли шанс хоть в каком-то виде наблюдать активность самой молодежи?

– Её, увы, становится всё меньше. От одного финского молодежного работника я услышал весьма внятную позицию по этому вопросу. Он сказал: «Если мы будем заниматься развитием активности молодежи, то нам придется всё время её подталкивать. А если так, то выходит, что это нужно не им, а нам. Поэтому мы предпочитаем не подталкивать молодежь, а слушать её. И стараться делать то, что она говорит».

– То есть молодежь говорит, а взрослые это делают?

– Не удивляйся, это уже считается нормой. У нас молодежь может запросто пойти в парк, чтобы чинить и красить скамейки. А финны полагают, что молодежь необходимо учить таким алгоритмам, которые являются стандартными для взрослого общества. Ну, например, если в парке сломаны скамейки, то нужно обратиться по этому поводу к местным властям. Граждане платят налоги, и поэтому власть обязана решить эту проблему. А если мы вместо этого даем молодежи деньги на новые доски и краску, чтобы они починили скамеечки сами, то мы учим их неправильному способу действий.

– Поначалу это звучит непривычно, но ведь в этом есть своя логика! И с ней вполне можно согласиться!

– А еще у финнов есть опыт создания молодежных групп влияния. Выглядит это примерно так: дети из соседних школ, которых отправили в такую группу, два раза в месяц собираются в доме молодежи. И думают: что нужно улучшить в нашем районе? Что бы такого сделать для молодежи? А что, если вместо пустыря разбить лужайку со скамеечками? Молодежь будет там собираться и проводить свободное время.

– И как же они реализуют свою идею?

– Очень просто! Они открывают сайт мэрии и отправляют через него петицию о том, что нужно сделать эту лужайку. Указывают свои имена-фамилии и расходятся. Через две недели собираются снова и придумывают что-то еще.

– За эти две недели лужайка, наверное, уже разбита, скамеечки вкопаны?

– Они говорят, что иногда из мэрии приходит ответ в том духе, что «мы учтем ваше предложение». Иногда ответ приходит не сразу, а иногда не приходит совсем. Так или иначе, быстрой реакции со стороны власти они не видят. Для финнов, видимо, реальные изменения не столь важны – они в первую очередь хотят, чтобы голос молодежи был слышен. Петиция отправлена – значит, теперь власти услышали голос молодежи.

– Да, загадочна ты, финская душа!

– Иногда финские молодежные работники признаются в том, что они нам немного завидуют. Когда они наблюдают за нашими молодежными организациями, то говорят: «Как это здорово, что вы умеете делать что-то вместе и получаете от этого удовольствие! У нас это уже практически невозможно!»

– Вот хорошо бы, перенимая опыт соседей, нам этого не потерять.

Зачем вы, девочки?

Финская система работы с молодежью сильна своим умением оперативно тиражировать передовой опыт. Еще вчера некая модель была в новинку, а сегодня ты натыкаешься на неё везде, куда бы ты ни приехал. Это совершенно не совпадает с нашим стереотипным представлением о финнах как о неспешном народе.

Сегодня на гребне популярности – дома девочек. 15 лет назад они только-только начали появляться, а сейчас стали массовым явлением.

Вспомним, сколько было сломано копий в отечественной педагогике по поводу раздельного обучения! Некоторые с пеной у рта доказывали, что мальчики и девочки, в силу непреодолимой психологической пропасти между ними, должны учиться в разных школах. А посему нужно возрождать дореволюционный опыт: мальчиков отправлять в мужскую гимназию, а девочек – в женскую. Ну или, в крайнем случае, пусть школа будет устроена по принципу бани: с общим входом и раздельными отделениями, женским и мужским.

О том, что можно внедрять идею отдельного образования во внешкольной педагогике, российские энтузиасты почему-то не додумались. Если в какие-то кружки приходили только мальчики или только девочки, то это получалось естественным образом: вышивание больше привлекало девочек, а конструирование самолётов – мальчиков. Но встречались и исключения: были юноши, вышивающие крестиком, и девушки, умело орудующие лобзиком. Чтобы двери в какой-то кружок были для кого-то закрыты по половому признаку – такого припомнить трудно.

Что же мы наблюдаем у наших соседей-финнов? Дома девочек, которые повсеместно растут, как грибы – это подростковые клубы, вход в которые мальчикам строго воспрещен. В одном небольшом поселке под дом девочек отделили подвал и чердак молодежного клуба. А в Йозенсуу дом девочек открыли в самом центре города, в двух шагах от уже известного нам молодежного дома «Шепот», в котором подростки любят проводить время за компьютерными играми.

В отличие от обычного клуба, дом девочек города Йозенсуу не может похвастаться большими площадями. Но с самого порога привлекает своим уютом. На входе девочки снимают обувь и надевают тёплые шерстяные носочки. Затем удобно устраиваются на мягких диванчиках, укутавшись пледом и усадив себе на колени любимую мягкую игрушку. Комфорт, чай с печеньем, и никаких мальчиков – вот и все, что нужно для того, чтобы почувствовать себя девочкой!

– Они что, борются с женской эмансипацией? Хотят напомнить девушкам, что они должны оставаться слабым полом?

– Увы, они борются с совсем другой бедой. С массовой стеснительностью, которая, похоже, прочно вошла в моду.

– В чём же она проявляется?

– Эта подростковая стеснительность нередко наблюдается даже у взрослых. Например, некоторые молодежные работники при виде видеокамеры или фотоаппарата делают испуганные лица, начинают махать руками и говорить: «Нет-нет-нет, не снимайте меня!» Такой вот массовый комплекс – а вдруг я буду плохо выглядеть на фото?

– По идее, у молодежных работников таких комплексов не должно быть в принципе. Это уже первый признак профнепригодности.

– А у финнов это – законное право. Если ты против того, чтобы тебя фотографировали, то никто не может этого делать. А тем более – публиковать твоё фото в Интернете.

– В общем, к праву на неприкосновенность частной жизни они относятся ревностно.

– К сожалению, слишком ревностно. При этом столь трепетное отношение к себе любимому становится механизмом трансляции подросткам странных комплексов, которые по сути высосаны из пальца. Однажды мы пришли на экскурсию в дом молодежи. К нашему удивлению, двери клуба открыла начальница городского отдела молодежи. Она объяснила, что девушка, которая здесь работает, побоялась прийти на встречу, поскольку она... стесняется. В данном случае, она стеснялась своего английского языка.

– Похоже, что эта стеснительность – действительно глубокая социальная язва!

– Поводы для стеснительности могут найтись самые неожиданные. Например, можно стесняться своего участия в молодежном проекте.

– Неужели?

– Недавно мы проводили совместный лагерь, в котором наши и финские старшеклассники снимали игровые ролики. И возник вопрос: можем ли мы разместить их в Интернете? Наши дети сказали: «Конечно, да!» Финские дети столь же единодушно ответили «нет».

– Неужели стесняются?

– Они объяснили, что если их увидят одноклассники, то над ними могут начать подшучивать. В общем, буллинг начнется.

– Финские дети боятся, что над ними будут издеваться в школе?

– Думаю, вряд ли они реально этого боятся. За минуту до дискуссии о публикации в Интернете мы как раз просматривали видеоролик о жестокости в молодежной среде, который они же и снимали. И все дружно сказали, что проблемы молодежной жестокости в Финляндии нет. Так что я думаю, что разговоры о буллинге – это проявление всё тех же комплексов. Просто они так изысканно и оригинально стесняются.

– Понятно. Все всего стесняются. Девочки, видимо, стесняются мальчиков?

– Примерно так. Идея домов девочек от этого и отталкивается: для того, чтобы раскрыться, стать общительнее, преодолеть свои проблемы, девочкам нужно проводить время в своём кругу. Без мальчиков.

– Ага, как в бане!

– Да, есть некое сходство с этим заведением. Но в данном случае я поддерживаю позицию классика неформальной педагогики, известного барда Владимира Ланцберга, который как-то сказал: «Даже самый плохой клуб лучше, чем отсутствие клуба». Клубом Ланцберг называл неформальную группу – то есть людей, которые собрались вместе без принуждения, по собственной воле.

– Итак, девочки собрались по собственной воле. И чем же они занимаются?

– Дома девочек используют универсальный метод, который известен всем детским организациям еще со времен основания скаутинга. Этот метод называется «работа в малых группах». Девочки объединяются в небольшие группы, примерно по 5 человек. С группой, как правило, работает девушка-волонтер, которая находится в роли старшей сестры. Обычно старшие сестры – это студентки, будущие молодежные работники. Они проходят в доме девочек практику. Что касается того, чем конкретно девочки занимаются – это уже не столь важно. Главное – что они общаются в группе.

– И всё???

– В принципе, да. Для легкой психологической коррекции этого вполне достаточно. Поэтому занимаются они всем подряд: иногда лепят фигурки из теста, иногда вяжут, иногда готовят. Учатся делать маникюр-педикюр. И конечно же, делятся друг с другом своими девичьими тайнами. Мотают на ус советы старших сестёр по поводу секретов взросления. А еще устраивают праздники, ездят в поездки, проводят лагеря. В общем, всё идёт так, как в любой обычной молодёжной группе.

– Думаю, что когда мода на стеснительность докатится до России, то нам тоже придется открывать дома девочек.

– Боюсь, что нам это не потянуть.

– В каком смысле?

– Фандрайзинг у нас не тот. Хочешь узнать, сколько стоит дом девочек города Йёнсуу?

– Конечно! Но для начала расскажи, каков масштаб бедствия. Ты говорил, что помещения там небольшие?

– Да, небольшая комната и кухня в цокольном этаже, плюс мастерская в подвале. Охват детей – две постоянных группы по 12 человек и группа студенток-волонтеров. Еще есть часы для свободного посещения, а также мероприятия и лагеря.

– В наших условиях это не потянуло бы даже на одну ставку педагога дома творчества.

– Ну, а в финских условиях это – гигантское предприятие. Проект дома девочек города Йоэнсуу финансирует крутой финский фандрайзер – Ассоциация игровых автоматов. На два года этому проекту выделено почти 200 тысяч евро.

– Что??? Сто тысяч евро в год? Почти пять миллионов рублей на тридцать девочек???

– Вот и я о том же. Вряд ли кто-то у нас профинансирует проект, стоимость которого составляет 160 тысяч рублей на человека.

– А кто они, эти девочки? Может быть, это малолетние преступницы, недавно вышедшие из финской тюрьмы? Или хотя бы участницы антисоциальных группировок?

– Да нет, самые обычные девочки. Никто их специально не отбирает, справок от социального педагога принести тоже не просят. Захотели – пришли. Я думаю, организация сумела обосновать в своём проекте, что проблема с девочками стоит серьезно, и дома девочек дают возможность её решить.

– Ну хорошо. Если проблема существует, то она касается не только тех девочек, которые пришли в этот клуб. Самые проблемные наверняка остались сидеть дома. И, судя по всему, таких девочек не десятки, а сотни. Какой смысл вкладывать огромные средства в небольшое количество первых попавшихся детей?

– Да никакого смысла! С нашей точки зрения – это крайне неэффективное вложение. Но с точки зрения финнов, возможность прийти в дом девочек есть у всех. Они предоставляют такую услугу – значит, задача выполнена. А если родители или дети не хотят ей пользоваться, то это их право.

– С этой логикой, конечно, трудно спорить. Но зато теперь я понимаю, почему при таких огромных вложениях в молодежные проекты жизнь финской молодежи никак не закипит.

– Когда я вижу такие примеры, то всегда с улыбкой вспоминаю рассуждения о том, что производительность труда в Европе гораздо выше, чем в России. Если говорить о системе работы с молодежью, то производительность труда на порядок выше у нас. А если проще – нагрузка на нашего молодежного работника не идет ни в какое сравнение с нагрузкой на его финского коллегу.

– Я думаю, ради счастья девочек мы будем готовы на любую нагрузку!

– Дело здесь, конечно, вовсе не в девочках. Логичным продолжением этой истории стало то, что финны начали создавать... дома мальчиков.

– Теперь уже мальчики стесняются девочек? Да, мода на стеснительность – это неисчерпаемый источник новых идей для молодежной работы!

– Я вижу в проекте домов девочек отражение двух тенденций, о которых мы с тобой уже говорили. Первая – это расширение сферы применения профилактических методов. Если раньше такие методы фокусировались на группе риска, то теперь распространяются на всю молодежь. Фактически это означает признание очевидного

факта, что в поддержке нуждаются не только отдельные уязвимые группы, но и вся молодежь в целом. При этом проекты такого типа остаются столь же дорогостоящими, и поэтому даже при неплохом финском финансировании они могут охватить лишь небольшое количество участников. А значит, эффективность этих вливаний – заведомо низкая. Профилактика – удовольствие дорогое, и строить на ней систему работы с молодежью нереально даже в условиях финансового благополучия. А в наших условиях – это заведомо тупиковый путь.

– Ну а вторая тенденция?

– Вторая – делать то, что хочет сама молодежь. Отношение к молодым людям как к клиентам, которые нуждаются в определенных услугах. Девочкам нравится общаться в кругу подруг – значит, нужно предоставить им такую возможность. Захотелось того же и мальчикам? Прекрасно! Нужно предоставить такую услугу и им!

– Чем-то мне это напоминает нашу молодежку эпохи 90-х годов, которая тоже была построена на идее социальной поддержки молодежи. Правда, финансовый кризис конца 90-х всё это похоронил. Ты же говорил, что финны сейчас тоже жалуются на кризис?

– Да, они говорят, что денег нет ни у кого, кроме проектов, направленных на поддержку уязвимых групп. Волна кризиса словно бы смыла весь позитив, оставив после себя только профилактику. Как сказала директор одной из финских школ, «Финляндия – это маленькая страна, и для нас важен каждый. Поэтому мы так много делаем для поддержки проблемных детей».

– Можно ли говорить о том, что профилактика стала основной линией финской молодежной политики?

– На практике мы видим именно это. Хотя во всём мире профилактический подход признан устаревшим двадцать лет назад. Все современные концепции исходят из того, что молодежь – это не проблема, которую нужно решать, а ресурс, который нужно развивать и использовать. Но об этом разрыве между теорией и практикой мы поговорим в следующий раз.

И на камнях растут деревья

Любой стратегический документ, задающий рамки молодежной политики, прежде всего должен быть понятным. Стратегии для того и пишутся, чтобы обозначить систему координат. Без неё путь молодежного работника похож на попытку выйти из тёмного леса заплутавшего грибника. Не имея с собой компаса, он будет неизбежно ходить кругами.

С доходчивостью наших концепций дела обстоят неважно. Принятая в 2006 году и до сих пор официально не отменённая Стратегия молодежной политики России вместо внятных ориентиров предложила игру-угадайку – серию названий «проектов», которые предполагалось реализовать в течение 10 лет. Ученые мужи и молодежные начальники наверняка провели не одну бессонную ночь, подбирая удачные названия, с помощью которых изменится жизнь молодежи России. Именно этого и ждали от них молодежные работники Урала, Поволжья и Северного Кавказа!

За прошедшие восемь лет никто так и не выучил, чем отличается проект «Команда» от проекта «Успех в твоих руках», а проект «Успех в твоих руках» – от проекта «Доброволец России». Еще были проекты «Карьера», «Новый взгляд», «Шаг навстречу», «Молодая семья России»... Ну что ж, спасибо, хоть не «Хрюши против»!

Выбраться из молодежного бурелома Стратегия-2006 нам явно не помогла. А порою и вовсе – заводила в еще более непролазные дебри. Теперь, когда мы подробно

поговорили о добровольчестве, можем со знанием дела оценить то, как стратегия описывает проект «Доброволец России».

На вопрос о том, что нужно делать в рамках этого проекта, стратегия даёт три ответа: поддерживать молодежные организации, вести банки данных волонтерских вакансий и привлекать молодежь к добровольческому труду «в сферах массового молодежного спорта, туризма и досуга молодежи». А ожидаемым результатом проекта «Доброволец России» авторы Стратегии-2006 назвали формирование системы поддержки инициатив молодежи, направленных на решение задач улучшения качества жизни в России.

– Получается, что авторы Стратегии не понимали, в чем разница между добровольчеством и молодежными инициативами?

– Именно так! Тема поддержки молодежных организаций и инициатив – самостоятельное направление работы, которое не относится к развитию добровольчества. В тексте стратегии эти две темы – волонтерство и поддержка НКО – смешаны в одну кучу.

– А давай попробуем оставить в проекте «Доброволец России» только то, что имеет отношение к волонтерству. Что будет в сухом остатке?

– В сухом остатке вот что: ведём банки данных и используем молодежь в качестве волонтеров на молодежных мероприятиях – спортивных, туристических и досуговых. Чтоб молодежное добровольчество приносило пользу не молодежи, а другим людям – ни-ни! А результата проекта у нас и вовсе не будет. Ведь тот результат, который прописан в стратегии – не про добровольчество, а про молодежные инициативы.

– Можно сказать, что проект «Доброволец России» успешно выполняется: банки вакансий худо-бедно ведутся, а уж волонтеров на мероприятиях – хоть отбавляй!

– В общем, с отчетностью проблем не возникнет. Проблемы останутся только с волонтерством и с НКО.

– А что в Европе? У них-то в бумагах порядок?

– В этом даже не приходится сомневаться. Поддержка молодежных организаций и инициатив у них относится к направлению, которое называется «молодечное участие». А направление по развитию волонтерства у них так и называется – «волонтерство».

– То есть молодежные инициативы и волонтерство они в одну кучу не смешивают.

– Да, они понимают, что это – разные ветви. Пять лет назад Европейский союз принял первую в своей истории молодежную стратегию. Она рассчитана до 2018 года. Вскоре после принятия самого документа стали появляться разные «фишки», которые помогают понять содержание новой стратегии. Попробуй догадаться, в виде чего европейцы её изобразили?

– Ну, наверное, в виде блок-схемы...

– Не усложняй! Они изобразили её в виде дерева. Обычного дерева. С корнями, стволом и ветвями. А направления работы подписали на листьях.

– Прямо скажем, не оригинально: чего только в виде дерева не изображали!

– Зато вполне наглядно. Они даже изготовили это дерево в настольном варианте: картонные детали из набора можно соединить друг с другом и установить этот символ молодежной стратегии ЕС в своём кабинете.

– Ну вот давай и почитаем, что у них там, на листиках.

– На восьми листиках – восемь направлений работы: образование и подготовка, занятость и предпринимательство, социальная включенность, здоровье и благополучие, участие, культура и творчество, волонтерство, молодежь и мир.

– Ты думаешь, оттого, что молодежные боссы европейских стран будут каждый день разглядывать дерево и читать эти слова, у них наступит просветление? Как у Андрея Болконского после встречи с дубом?

– Примерно так. Думать они, конечно, будут не о самих словах, а о том, что за ними стоит. Еврокомиссия запустила формально добровольный, но по сути – обязательный механизм работы стран в русле молодежной стратегии ЕС. Так что поливать это дерево молодежным начальникам придется еще много лет.

– И как же это работает?

– Во-первых, в самом тексте Стратегии есть рекомендации: каких действий ЕС ожидает от государств-членов по каждому из восьми направлений. Во-вторых, разработаны индикаторы, по которым оценивается состояние дел по каждому из них. В-третьих, запущен трёхлетний цикл мониторинга: каждая страна составляет отчет за три года, а Еврокомиссия издает сводный доклад о молодежи. Первый такой доклад – за 2010-2012 годы – уже можно почитать.

– А давай попробуем проследить всю цепочку! Скажем, на примере волонтерства.

– Давай! Начнём с цели.

Цель молодежной стратегии ЕС в сфере волонтерства

Молодежное добровольчество должно получить поддержку и более широкое признание своего значения в качестве важного элемента неформального образования. Необходимо устранить препятствия для молодежного волонтерства и повысить трансграничную мобильность молодых людей.

Что ты можешь сказать об этой формулировке?

– Она подтверждает то, о чём ты уже рассказывал. А именно то, что для европейцев главное в молодежном волонтерстве – это его образовательный характер. И второе – что волонтерство должно стать средством повышения мобильности юных европейцев, помогать им выходить за пределы национальных границ и чувствовать себя гражданами единой Европы.

– Совершенно верно! Теперь перейдем к рекомендациям. Почитаем, какие действия в сфере волонтерства стратегия советует предпринять странам-членам ЕС.

Инициативы государств-членов ЕС и Еврокомиссии согласно их компетенции:

Способствовать признанию навыков, приобретенных в результате волонтерской работы, с помощью таких инструментов, как Европейский паспорт (Europass), Молодежный паспорт (Youthpass) и инструментов, финансируемых на уровне стран-членов;

Следовать Рекомендации Совета ЕС о мобильности молодых волонтеров в Европе;

Повышать осведомленность о значимости волонтерства, в том числе методом равный-равному;

Обеспечивать защищенность молодых волонтеров и высокий уровень качества организации волонтерской деятельности;

Твои комментарии?

– Я вижу, что эти рекомендации вполне соответствуют общей цели. ЕС призывает страны признавать приобретенные волонтерами компетенции, создавать условия для их мобильности, стимулировать повышение качества работы с волонтерами и пропагандировать идеи добровольчества в обществе. Но не слишком ли общий характер носят эти рекомендации? Мы не видим ни процентов охвата, которых нужно достигнуть, ни конкретных форм работы, которые следует внедрить.

– Если ты внимательно посмотришь на дерево молодежной стратегии, то обнаружишь там надпись «взаимное обучение». Стратегия исходит из того, что необходимо задать только общие рамки молодежной политики – единое направление движения. А дальше наблюдать за теми успехами, которых добиваются страны. Взаимное обучение – это и есть процесс выявления и распространения лучшего опыта, накопленного государствами-членами ЕС.

– То есть речь идет о мягкой координации?

– Официально это называется «Открытым методом координации». Этот метод европейцы сравнивают с ботинком, который ЕС держит в дверях национальных молодежных политик. Официально они не вмешиваются в работу с молодежью внутри стран, поскольку молодежная политика не делегирована странами на уровень Евросоюза – она относится к полномочиям самих государств. Но в то же время этот «ботинок» обеспечивает, чтобы дверь в молодежную политику каждой страны была слегка приоткрыта, и можно было увидеть, что за ней происходит.

– А для этого нужны индикаторы. Какие параметры они измеряют в сфере волонтерства?

– Что касается индикаторов, то их всего четыре. Первый – вовлеченность молодежи в волонтерскую деятельность. Оценивается процент молодежи в возрасте 15-30 лет, участвовавшей в волонтерской деятельности в течение года.

– И откуда же они берут эту информацию?

– В данном случае – заказывают у социологов. Индикаторы развития волонтерства были включены в молодежное исследование, которое было проведено по заказу Еврокомиссии в 2011 году.

– Понятно. Национальным властям нарисовать красивые цифры не удастся.

– Второй индикатор – доля молодых людей, выполняющих волонтерскую работу в интересах местного сообщества. Здесь отслеживается процент молодых людей, которые в течение года участвовали в волонтерской деятельности, направленной на позитивные изменения в своём городе или посёлке.

– Как я понимаю, второй индикатор – более специфический в сравнении с первым. Если сначала оценили, сколько волонтеров всего, то теперь начали разбивать их по подгруппам.

– Верно. Логично, что третий индикатор связан с количеством молодых людей, которые работали волонтерами за границей. Этот показатель важен для оценки уровня мобильности волонтеров.

– И, наконец, четвертый индикатор?

– Это официальное признание волонтерства. Здесь оценивается доля волонтеров, которые получили сертификат, диплом или другой документ, который удостоверяет их участие в волонтерской деятельности.

– Порадовали ли европейцев результаты этого исследования?

– Они получили картинку, напоминающую обложку глянцевого журнала. В волонтерскую деятельность оказался вовлечен каждый четвертый молодой европеец.

– Ого! 25 процентов!

– Но не нужно забывать, что речь идет не только о регулярном и системном волонтерстве. Учитывается и эпизодическое, и даже разовое участие в течение года – перечитай формулировку индикатора. Так что говорить о том, что «каждый четвертый молодой европеец – волонтер», я бы не стал. В сравнении с 2007 годом, уровень молодежного волонтерства в европейских странах вырос, за исключением пяти стран. Среди этой пятёрки отстающих, кстати, есть и Финляндия: в ней волонтеров стало несколько меньше.

– Надо подтягиваться!

– Примерно половина молодых добровольцев говорит о том, что их работа была направлена на улучшение окружающей жизни в том месте, где они проживают. Что касается мобильности, то ездили работать волонтерами за границу 2 процента молодых людей.

– Честно говоря, эта цифра тоже выглядит завышенной. Два процента молодежи – это не так мало. Сомневаюсь, что даже все вместе взятые программы поддержки мобильности волонтеров способны обеспечить такой охват. Похоже, европейцам еще предстоит много работы для того, чтобы прийти к более или менее объективной системе оценки.

– Согласен! Но социологией мониторинг не ограничивается. В отчетах государств о выполнении европейской молодежной стратегии содержится и информация об их политике в сфере молодежного волонтерства. Страны отвечают на конкретные вопросы о том, какие изменения у них произошли.

– Например?

– Давай прочитаем некоторые из этих вопросов:

Предприняло ли правительство вашей страны какие-либо действия для увеличения мобильности молодых волонтеров?

Занимается ли ваше правительство повышением осведомленности молодежи о возможностях волонтерской деятельности за границей?

Предприняло ли правительство вашей страны какие-либо действия для признания навыков, приобретенных молодыми волонтерами и отраженных в таких инструментах, как Европейский паспорт, Молодежный паспорт и инструменты самой страны?

Предприняло ли правительство вашей страны какие-либо действия для укрепления солидарности между поколениями через волонтерство?

– В общем, отчет нужно держать серьезный!

– Все отчеты государств публикуются и доступны для ознакомления. А наиболее интересные моменты из отчетов включаются в сводный доклад ЕС о молодежи. Например, изучая информацию доклада о системе признания достижений волонтеров в странах ЕС, можно узнать, что в Португалии введен собственный сертификат для

молодых волонтеров, а в Люксембурге разработано молодежное портфолио. Словения, между прочим, отчиталась конкурсом «Волонтер года».

– Да, забавно! Похоже, диалог с европейским деревом вошёл в жизнь молодежных боссов всерьез и надолго.

– При этом мы поговорили только об одном из восьми его листочков. Я думаю, что европейское молодёжное дерево заслуживает более внимательного изучения. Этим мы в следующий раз и займёмся: поговорим о листике, который отвечает за развитие молодежного участия.

Ступени молодёжного участия

40 лет назад в словаре молодежных работников некоторых стран появилось выражение «молодежное участие». Постепенно оно распространялось всё шире, и в итоге около двадцати лет назад концепция молодежного участия стала общепризнанной.

Можно сказать, что принцип молодежного участия вошел в число аксиом молодежной политики. Последние 15 лет без него не обходится ни одна мало-мальски значимая молодёжная стратегия. Правда, не у нас. В российских стратегиях термин «молодежное участие» не употребляется ни разу!

Концепция молодёжного участия появилась под влиянием широко распространённой идеи общественного участия. Термин «общественное участие» в нашей стране, к счастью, известен. В противовес демократии голосования, при которой участие граждан в управлении ограничивается явкой на избирательные участки, демократия участия выступает за постоянную вовлеченность людей в процесс принятия решений. Согласно этому подходу, власть должна сделать свою работу прозрачной – постоянно консультироваться с гражданами, учитывать их мнение по всем вопросам и быть открытой для предложений с их стороны.

Молодежное участие выдвигает на первый план необходимость диалога с молодежью. Одна из его главных идей выражена в лаконичной формуле:

Никаких решений о молодежи без самой молодежи!

Сторонники молодёжного участия исходят из того, что «лучший эксперт по молодёжи – это сама молодёжь». Что нужно молодежи, лучше всего знают сами молодые люди. Поэтому во всём, что делается для них или вместе с ними, следует учитывать их мнение. То есть консультироваться с молодежью и принимать решения вместе с ней.

Однако концепция молодежного участия не сводится лишь к необходимости внимательно слушать молодежь. Участие – это более широкое понятие. Оно нацеливает на вовлеченность молодежи во все стороны жизни общества. Принцип молодёжного участия рассматривается как универсальный, то есть применяемый везде: и в школе, и дома, и в молодежном клубе, и даже в глобальном масштабе. Молодёжное участие – это призыв к преодолению изолированности молодежи, установка на сотрудничество с ней.

– *Сотрудничество? Было и у нас что-то подобное, припоминаю. Так и называлось – педагогика сотрудничества. Соловейчик, Амонашвили, Никитины... Это направление заявило о себе в 1980-х годах, тридцать лет назад. Не так-то сильно мы отстали от остального мира!*

– Отстали?! У нас было такое молодёжное участие, которое в мире никому и не снилось! Только мы не знали, что оно так называется. Что касается педагогики сотрудничества, то в этом ты совершенно прав. В 1980-х годах педагогика сотрудничества объединила под своим флагом практически всех педагогов-новаторов тех лет. Они были очень разными людьми: кто-то замечательно преподавал математику, как Шаталов, а кто-то занимался семейным воспитанием, как супруги Никитины. Но все они верили в возможности ребенка: они – огромны, нужно только помочь их раскрыть. Идеи педагогики сотрудничества и молодёжного участия во многом созвучны. И оба этих понятия настолько объёмны, что им трудно дать простое определение. Но без определения молодёжного участия нам всё-таки не обойтись.

<p>Молодежное участие – вовлеченность молодых людей в окружающую жизнь на всех уровнях. Такая вовлеченность должна быть активной, информированной и добровольной.</p>
--

– Получается, что если молодые люди участвуют в чем-то не активно или не добровольно, то это – ненастоящее участие?

– Именно так! Чтобы отличить настоящее участие от фальшивого, молодежные работники используют универсальный инструмент – лестницу.

– Что-что? Лестницу? По принципу «сверху лучше видно»?

– Ага! С помощью лестницы Харта видно практически всё. В 1992 году американский социолог, профессор Роджер Харт разработал «лестницу молодёжного участия». Состоит лестница из восьми ступеней. Три нижних ступени лестницы – это не настоящее участие, а его подмена.

– Начнём с первой скользкой ступеньки?

– Первая ступень называется *манипуляция*. Пример манипуляции может быть таким: взрослые сами придумывают какой-то проект, но выставляют вместо себя молодежь, чтобы преподнести его как молодёжную инициативу. Ради победы в каком-нибудь городском конкурсе или для получения гранта.

– Это нам очень хорошо знакомо! Сидит тётенька, крыльями машет и приговаривает: «Это всё они сами придумали!» А потом поворачивается к одному из учеников, которых она привела с собой, и спрашивает у него: «Правда, Пе-е-стя?» И Петя трясёт головой сверху вниз, как кролик перед удавом.

– Я думаю, вторая ступень лестницы Харта тоже будет хорошо узнаваемой. Она называется *декорация*. На этой ступеньке молодые люди выполняют какие-то действия, но не понимают, зачем. Например, по команде учителя надевают футболки с логотипами и идут на какую-нибудь акцию, о которой они имеют весьма смутное представление. Зато потом можно будет указать в отчетах, что класс принимал в ней участие.

– Такое впечатление, будто американский профессор Харт побывал у нас на стажировке!

– Не беспокойся, у них этого добра – тоже хоть отбавляй! Третья ступень лестницы называется *имитация*. В отличие от предыдущих двух ступеней, взрослые уже просят молодых людей высказать своё мнение. Но при этом ребята точно знают, какого ответа от них ожидают. Они не имеют реальной возможности сказать то, что думают на самом деле. Формально взрослые спрашивают их мнение, а фактически – имитируют этот процесс.

– Как говорил дедушка Ленин, «по форме – всё правильно, а по сути – издевательство»!

– Точно! Но мы уже приблизились к ступенькам, которые описывают подлинное, а не ложное участие. Начинается настоящее участие молодежи со ступени номер четыре – *информирование*. Проект по-прежнему находится в руках взрослых, но они адекватно проинформировали о нём молодежь и предложили ей взять на себя какие-то обязанности. И молодые люди согласились.

– То есть взрослые предоставляют молодым людям возможность участия в чем-либо и оставляют за ними право выбора.

– Следующая ступень лестницы – номер пять – называется *информирование и консультации*. Здесь молодежь уже не только информируют, но и советуются с ней. Решения принимают взрослые, но перед этим они консультируются с молодежью и прислушиваются к её мнению.

– Мне кажется, что на этой ступени находятся наши молодёжные парламенты. Власти выслушивают мнение молодых парламентариев, а решения оставляют за собой.

– Если они действительно прислушиваются – то это пятая ступень. А если молодёжный парламент существует только ради видимости, то это ступень номер один – манипуляция. Молодежь думает, что её пригласили, потому что власть хочет услышать её мнение, а власть на самом деле жаждет другого – красоваться на фоне молодёжи в телевизоре. В этом случае начальство использует молодежь в своих целях.

– Кстати, интересы тех и других часто совпадают: власти нравится похлопывать молодежь по плечу, а молодежи очень нравится фотографироваться, сидя в креслах взрослых депутатов. Интерес к конечному результату не прослеживается ни у тех, ни у других.

– Перейдём к шестой ступени лестницы Харта. Она называется так: *инициатива взрослых, совместные решения*. Взрослые придумывают какой-то проект, а затем вовлекают в него молодежь в качестве равноправных партнеров. После этого они ведут работу совместно, в том числе вместе принимают решения.

– Это можно довольно часто увидеть в хороших молодёжных организациях и центрах. Там, где работа поставлена профессионально.

– А как насчет седьмой ступени? Она называется *молодежь делает всё сама*.

– О, это мечта многих взрослых! Сидят на семинарах и мучаются: «Как же мне добиться того, чтобы они делали всё сами?» Для многих это – недостижимый идеал.

– Но в лестнице Харта – это не высшая, а предпоследняя ступень. Это можно интерпретировать примерно так: «Конечно, замечательно, что молодежь придумала и сделала что-то сама, без взрослых. Но только где же сотрудничество?»

– Интересная мысль! Получается, что молодёжные проекты, в которых нет сотрудничества с взрослыми, имеют и слабые стороны?

– Конечно. В этом варианте молодые люди успешно набивают собственные шишки, что, конечно, очень полезно. Но они лишены возможности учиться у взрослых, перенимать их опыт. Если бы взрослые присутствовали в проекте хотя бы в качестве консультантов, то выиграли бы все. Вот представь: молодые люди сами подготовили и провели школьный праздник. Отлично, молодцы! Но если бы они на определенном этапе пригласили в свой проект режиссера школьного театра, то и праздник получился бы интереснее, и сами организаторы пополнили бы свой багаж некоторыми профессиональными приёмами.

– Как я понимаю, именно такая модель нас ожидает на восьмой ступени?

– Верно! Высшая ступень лестницы – *инициатива молодежи, совместные решения*. Молодежь придумывает какой-либо проект, а затем выполняет его вместе с взрослыми.

– Я думаю, что к работе на восьмой ступени не готов пока никто – ни взрослые, ни тем более сама молодёжь.

– Друг, уровни молодежного участия потому и представлены в виде лестницы, чтобы ты понял: невозможно, стоя на земле, сразу шагнуть на верхнюю ступеньку. Чтобы стать равноправными партнерами взрослых, молодежи нужно постепенно осваивать новые роли. Никто не сможет сразу же стать лидером проекта, если никогда до этого не был в роли участника.

– Если исходить из логики лестницы Харта, то молодежный работник должен начать с того, что он привлекает молодых людей в качестве добровольных помощников в каком-то мероприятии или проекте. Постепенно он начинает советоваться с молодыми людьми – учит их думать о том, что происходит. На следующей ступени молодежный работник вовлекает молодежь в принятие решений: они вместе обсуждают и решают, что делать дальше, как поступить в той или иной ситуации. Затем он даёт ребятам возможность придумать и сделать что-то самостоятельно. И уже после этого молодёжный лидер работает с ними по принципу: *ваша инициатива – наше совместное воплощение этой инициативы в жизнь*.

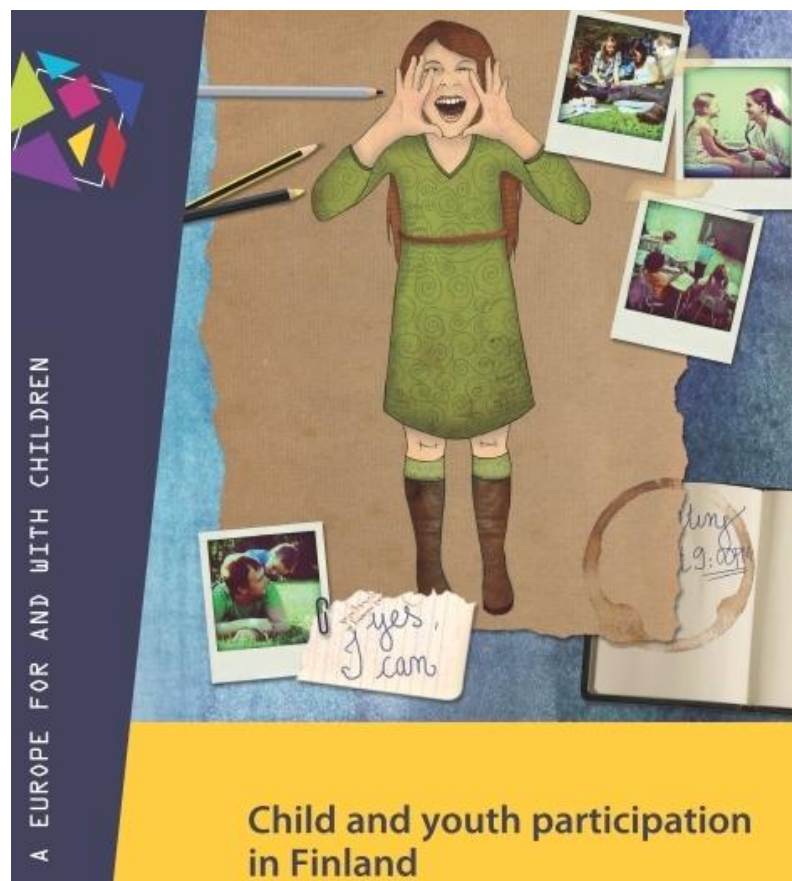
– Ты всё разложил по полочкам очень грамотно. Вот только жаль, что лестницей Харта мало кто пользуется на практике, несмотря на то, что знают о ней чуть ли не во всём мире.

– Интересно, почему?

– Молодежное участие всё больше сводится к выслушиванию мнения молодежи. А вторая часть этого явления – деятельность самой молодежи, которая влияет на окружающую жизнь – встречается реже и реже. Ну, а если речь идет только о том, что нужно сидеть и слушать молодежь, то никакая лестница не нужна. Достаточно стола и стульев.

– Наступил кризис молодёжного участия?

– Во всяком случае, его деятельностной составляющей – точно! Три года назад Совет Европы, который, наряду с Евросоюзом, оказывает большое влияние на развитие молодежной политики, провел исследование молодежного участия в Финляндии. В отчёте сказано много хорошего об опыте финских молодежных советов и детских парламентов. Отмечено и то, как много в Финляндии НКО, работающих в интересах детей и молодежи. А дальше – откровенный вывод: картина выглядит так, что роль молодежи сводится только к членству в организации. Нет никакой информации о том, что молодые люди участвуют в планировании и принятии решений в этих организациях, а также нет сведений о существовании организаций, которыми управляют сами молодые люди. В результате финнам посоветовали развивать демократию в существующих молодежных организациях, поддерживать создание новых организаций и расширить участие молодежи в структурах гражданского общества.

– Судя по тому, что ты рассказывал раньше, рекомендация Совета Европы не возымела действия.

– Я думаю, такая же участь постигнет и молодежную стратегию Евросоюза. Появление дерева с листиком, на котором написано «участие», вряд ли что-то изменит.

– Дерево не всемогуще?

– Просто листики всегда колышутся по ветру. Это только маленькие дети, лишенные стереотипов мышления, могут думать, что ветер возникает из-за того, что деревья начинают шевелиться. Молодежные боссы Евросоюза гораздо более опытны. Они отдают себе отчет в том, где находятся причины, а где – следствия. Поэтому вряд ли они будут пытаться поднимать своими бумагами ветер молодежных инициатив. Зато смогут радоваться тому, что голос молодежи слышен всё сильнее и сильнее.

– Нам порадоваться этому тоже не помешало бы. А если нашим соседям лестница Харта уже не нужна – забираем себе! Хороший инструмент в хозяйстве всегда пригодится!

Молодежь, действуй!

Было бы несправедливо утверждать, что в Европе совсем опустили руки и не делают ничего для развития активности молодежи. Один из инструментов, который был на это нацелен – программа Евросоюза «Молодёжь в действии». Программа успешно работала в течение семи лет. В 2014 году ей на смену пришла более широкая программа ЕС «Эразмус плюс». Она объединила 7 европейских программ в сфере образования, академической мобильности и работы с молодежью. Объединение программ не ставило задачу сэкономить. Наоборот: если сравнивать программу «Эразмус плюс» с прежними программами, то финансирование увеличилось на 40%.

Помимо европейской волонтерской службы, о которой мы уже знаем, программа «Молодёжь в действии» также поддерживала молодежные обмены – тематические лагеря с участием молодёжи как минимум из двух стран. В каждой стране была определена организация, которая выполняла функции национального агентства программы «Молодежь в действии». Агентство рассматривало поступающие проекты и принимало по ним решения. В Финляндии национальным агентством программы «Молодежь в действии» являлся центр международной мобильности ЦИМО. Теперь он координирует реализацию программы «Эразмус плюс».

С точки зрения молодёжного участия, ЦИМО оказался «впереди планеты всей». Одним из главных критериев оценки заявок он сделал участие самой молодежи в планировании и реализации проекта. В заявке должно быть описано, как и почему у молодежи возникла идея провести молодежный обмен, каким образом молодежь связывалась со своими сверстниками из другой страны и планировала проект. В идеале заявка должна быть написана самими молодыми людьми. Лучше это будет простой и безыскусный текст, в котором прослеживается молодежное авторство, чем хорошо проработанный и логичный проект, явно составленный взрослыми. Если роль молодежи в разработке проекта из заявки не ясна, то проект отправляется в корзину. А в письме заявителям ЦИМО указывает примерно следующее: «Проект отклонён в связи с тем, что молодежь не была непосредственно вовлечена в его планирование».

– По-моему, это отличная идея! Такой критерий вполне можно включить и в наши конкурсы проектов. Большинство заявок, которые к нам поступают, написаны взрослыми. Молодёжь их в глаза не видела!

– Поддерживаю! Сплошь и рядом встречаются проекты, которые заявлены, как молодежные, но по факту молодежь не играет в них никакой активной роли, а является лишь получателем услуг. К молодежным проектам можно и нужно применять принцип участия. Сразу станет понятно, востребован ли предлагаемый проект самой молодежью, или же он удовлетворяет лишь потребности взрослых. При этом, согласно Лестнице Харта, роль молодежи в проекте может быть различной. Любопытно поинтересоваться у заявителей молодежных проектов: будет ли сама молодежь выполнять какую-то работу в качестве волонтеров проекта? консультировались ли авторы с молодежью при разработке проекта и планируют ли консультироваться с ней при его выполнении? будет ли включена молодежь в управление проектом на условиях равноправного сотрудничества с взрослыми?

– И особенно будут интересовать верхние ступеньки лестницы: принадлежит ли инициатива проекта самой молодежи и будет ли она играть заметную роль в его выполнении?

– Верно. В мире принято выделять среди молодежных проектов те, которыми управляет сама молодежь. Такие проекты по-английски называются кратко: youth-led projects. Перевести на русский язык столь же лаконично, увы, не получается. Дословно это «проекты, возглавляемые молодежью».

– Таким проектам по критерию молодежного участия можно давать высшие баллы. Причем, чтобы это начало работать, критерий участия должен быть весомым, а не затеряться среди прочих многочисленных критериев оценки, таких как актуальность или социальная значимость.

– Вот, кстати, об актуальности и социальной значимости хотелось бы поговорить отдельно. Эти два критерия, похоже, начинают у европейцев уходить за скобки. Например, финская версия участия молодежи в проектировании вызывает у меня только умиление.

– Что же тебя так умиляет?

– Программа «Молодёжь в действии» породила огромное количество молодежных работников по всей Европе, которые мыслят в категориях молодежных обменов. Не так-то много нужно для того, чтобы люди выучили терминологию, заговорили на одном языке и нашли партнёров – всего лишь запустить стабильную программу, которая финансирует совместные проекты.

– Это ведь замечательно! Тоже превосходный урок от европейцев!

– Вопрос только в той схеме молодежных обменов, под которую программа была «заточена».

– Расскажи-ка о ней на конкретном примере!

– Пожалуйста! Группа девочек из небольшого финского города захотела узнать больше о кулинарных традициях других стран Европы. Вместе с молодежными работниками они решили: почему бы не провести молодежный обмен на эту тему? Молодежные работники помогли найти партнеров для этого проекта, и в результате в нём участвовало 8 стран. 40 молодых людей собрались вместе в Финляндии и в течение нескольких дней готовили блюда, которые являются типичными в их странах. Цель проекта была сформулирована примерно так: собрать молодежь Европы, чтобы не только готовить еду, но и заводить друзей. Блюда всем понравились, новые друзья были заведены. А еще издали красочный буклетик – с фотографиями и рецептами блюд из разных стран.

– Вообще мне это нравится. Но только я не понимаю, где социальная проблема, которую решает проект? Каких изменений в обществе они этим добились?

– Ну вот, ты сам сформулировал то, что меня во всём этом умиляет. О каких-либо целях речи не идет в принципе. Радоваться тому, как славно молодёжь общается друг с другом, становится для молодёжных работников чуть ли не сверхидеей. А что касается результатов проектов, то они оцениваются по отзывам самой молодёжи. Чему они научились, какие компетенции приобрели и получили ли удовольствие.

– Ну да, я думаю, что после кулинарного проекта трудностей в заполнении Молодежного сертификата не возникло бы: научились готовить еду, повысили свою межкультурную осведомленность, улучшили языковые навыки. А кто-то, наверное, приобрёл и новые математические компетенции – научился составлять пропорции, пока превращал муку в тесто. Но может быть, в результате таких проектов возникают хотя бы связи между организациями, из которых приезжает молодёжь?

– Дружище, ты опять лезешь в Европу со своими представлениями о жизни! На подобные обмены, как правило, набирают молодёжь индивидуально. Представь: несколько молодежных центров из разных стран подписались быть партнерами в проекте. Если участвует восемь стран и сорок человек, то от каждой страны должно приехать по пять. И вот руководитель – скажем, из Греции – спрашивает молодых людей, которые посещают его клуб: «А не хотите ли поехать в Финляндию, в молодежный лагерь по теме кухни разных стран? Всё бесплатно, вам нужно только оплатить 30% стоимости транспортных расходов». Предположим, согласились двое. А нужно – пятеро. Тогда молодежный работник ищет оставшихся троих в других местах: рассылает информацию по клубам, школам, публикует объявление на сайте. Так в итоге формируется группа участников. С некоторыми из ребят молодежный работник впервые познакомится непосредственно перед поездкой.

– И, естественно, после лагеря они с таким же успехом вернутся туда, откуда пришли.

– Конечно. Ну, разве что добавятся друг к другу в Фейсбуке.

– Я понял! У них основная идея – это мобильность! Чтобы молодые люди ездили друг к другу почаще и привыкали жить в единой Европе. Чувствовали себя европейцами.

– Именно эта задача и выполняется. А молодежные работники, обученные получению денег на лагеря из программы «Молодёжь в действии», серьёзно обсуждают на своих встречах методы оценки «проектов». То есть как узнать, довольны ли участники и считают ли они, что поездка в лагерь принесла им пользу.

– Да, проект проекту рознь. Из твоего рассказа следует, что главный смысл написания подобных проектов – это заявить тему, которая была бы интересна молодежи для встречи и приятного общения.

– Поэтому когда наши европейские коллеги говорят: «Мы в рамках программы «Молодёжь в действии» реализовали проект «Кухня разных стран» с участием восьми партнёрских организаций из Европы,» – не нужно искать там никакого проекта. Просто замените в своей голове слово «проект» на слово «лагерь». И не вздумайте убеждать европейцев, что это не проект – у них есть проектная заявка, номер проекта и деньги на его реализацию от молодежной программы ЕС. Поэтому они имеют полное право именовать свои лагеря проектами.

– Вернёмся к этапу планирования. Предположим, группа девочек захотела, чтобы прошёл лагерь по кулинарии. Но это ведь не так просто организовать! Нужно найти партнеров из разных стран, написать заявку, дождаться её рассмотрения. И только потом, в случае одобрения заявки, начинать подготовку. Сколько времени на это уходит?

– Наши финские коллеги говорят, что нужно собирать молодёжь и начинать вместе с ней планировать проект за год до его реализации.

– Целый год? У нас бы они уже через месяц обо всем забыли и занялись чем-то более осязаемым! А если бы и не забыли, то у половины к моменту лагеря изменились планы. Ведь жизнь не стоит на месте!

– Финские специалисты говорят, что у них тоже так бывает. Например, группа молодежи стояла у истока проекта, а затем, когда проект был одобрен, группа куда-то растворилась. В этом случае молодежному работнику приходится набирать в лагерь других молодых людей.

– И в чем же тогда смысл требования о том, чтобы молодёжь участвовала в планировании с самого начала? С таким же успехом молодежный работник спланировал бы все сам, а потом набрал молодёжь.

– Для группы, которая ведет какую-то деятельность постоянно, планирование лагеря на следующее лето не составило бы никакой проблемы. Но в условиях, когда таких групп у финнов практически нет, это требование выглядит удивительным. Переиначивая классика, по сути всё верно, а по форме – издевательство над здравым смыслом. Кстати говоря, довести молодежную группу от этапа планирования до этапа реализации проекта более или менее реально в условиях школы. Школа в Финляндии превращается в место, где инициативы учеников более заметны, чем в домах молодежи.

– С чем это связано?

– В школу дети ходить обязаны, а в молодежный центр их никто заставить ходить не вправе. При этом в школе обычно всегда что-нибудь есть: или ученическое самоуправление, или экологическая программа «Зеленый флаг», или модная ныне программа «Подвижная школа». Все эти инициативы основаны на том, что ими управляют комитеты учеников во главе с преподавателями. Вот тебе и группа, у которой уже есть своя деятельность и определенные интересы. С ней вполне можно помечтать о проектах на год вперед.

– Если так, то школы скоро перетянут молодежное одеяло на себя.

– Именно это и происходит! Если раньше в программе «Молодёжь в действии» слова «школа» и «образование» были черными метками для проектной заявки, то в новой программе «Эразмус плюс» произошел поворот на 180 градусов. Раньше школьные группы подавали свои заявки от имени молодежных центров, стараясь себя не афишировать. Теперь же, в новой программе, двери для школ широко распахнуты.

– Судя по всему, европейские молодежные боссы видят кризис структур молодежной работы, а поэтому начинают опираться на школы, которые традиционно проходили «по чужому ведомству».

– Еще они решили вдарить по спорту. В программе «Эразмус плюс» это направление, в отличие от всех остальных, является новым.

– Это тоже понятно: спорт – беспроигрышная тема. Гонять мячик молодёжь вряд ли перестанет.

– Поэтому развивать «участие молодежи в спорте» – весьма удачная идея! Тем более что малоподвижный образ жизни действительно признан серьезной проблемой. Программа «Эразмус плюс» будет действовать до 2020 года. Что произойдет к тому времени с системой молодежной работы – никому не известно. Но возникает впечатление, что риски, связанные с кризисом молодежной работы, в программе уже учтены. А вот финская модель привлечения молодежи к разработке проектов, похоже, начинает уходить в прошлое.

– Почему?

– Программа «Эразмус плюс» сместила акценты с разовых молодежных лагерей на более долгосрочные и системные проекты. Например, желательно подавать заявку не на отдельный молодежный обмен, а на серию молодежных обменов в рамках единой идеи. С

точки зрения молодежных работников, это рационально – зачем писать пять-семь заявок, если есть возможность заполнить одну? Получат финансирование и проекты, в которых никаких молодежных обменов не будет вообще. Зато будет возможность делиться опытом и внедрять новые подходы в сфере молодежной политики. В том числе – продвигать те установки, которые обозначены в молодежной стратегии Евросоюза.

- Молодежным работникам пора переучиваться?
- Не сомневаюсь, что они с этим успешно справятся!

Вам и не снилось

Кажется, что юность была еще вчера. Но почему-то люди вокруг тебя становятся моложе и моложе. И ты всё чаще начинаешь диалог с ними фразой старших поколений всех времен и народов: «А вот мы в ваши годы...»

Каждое следующее поколение убеждено в том, что оно было «ого-го», а те, кто идёт за ним – вовсе не нюхали пороху. Не исключено, что ты еще раз убедишься в этой истине, прочитав следующие несколько страниц. Не обессудь! Я попытаюсь объяснить, почему в нашей стране было «такое молодёжное участие, которое в мире никому даже и не снилось».

Почему я заговорил об этом именно сейчас? Причин – две. Во-первых, после этого ты поймешь, чем вызвана моя ирония по поводу современных форм молодёжного участия. А во-вторых, я убежден в том, что оглядываясь назад, в СССР, нам нужно видеть не комсомольские стройки и пионерские галстуки, а мощное педагогическое новаторство, которое сумело пробиться не благодаря, а вопреки официальной линии. Многие идеи, которые появились в те времена, успешно работают до сих пор и дают ответы на современные молодёжные проблемы. Жаль, что свой собственный опыт мы знаем только понаслышке!

– Ну так давай, делись!

– Как и обещал, начну с мемуаров. Середина 1980-х, я заканчиваю восьмой класс – это всё равно, что нынешний девятый – и готовлюсь ехать комиссарить в школьный лагерь актива.

– Что ты готовишься делать – комиссарить?

– В лагерях актива, которые работали в традициях полузапретного коммунарского движения, не было вожатых и воспитателей – там были комиссары. Я готовился ехать комиссаром отряда. Лагерь пионерского актива нашей школы должен был пройти в одном из карельских совхозов. В первой половине дня в таких лагерях работали на совхозных полях, и этим трудом обеспечивали себе пропитание. А после обеда – школа актива, творческие дела, диспуты и всё остальное.

– Восьмой класс – это 15 лет. И в этом возрасте ты руководил отрядом.

– У нас это называлось «стоять на отряде». Да, я стоял на отряде!

– До Гайдара, который командовал полком в 16 лет, ты, конечно, не дотянул. Но что-то героическое всё-таки в этом есть!

– Погоди, история только начинается. Пока я только готовлюсь к лагерю. И в этот момент старший пионервожатый нашей школы получает приглашение от обкома комсомола поехать в Польшу – познакомиться с опытом польских харцеров.

– Это, кажется, что-то вроде скаутов?

– Ну да, харцеры появились 100 лет назад как польский вариант скаутинга, но продолжали существовать и в социалистической Польше. Конечно, в это время они были вынуждены стать более похожими на советских пионеров.

– И вот твой пионервожатый собрался ехать с ними знакомиться.

– Да, но сроки поездки совпали со сроками лагеря. И он спрашивает у меня: «Что делать? Ехать или не ехать?»

– О, консультации с молодежью!

– Друг, только не смей меня! Если бы мы фиксировали каждый наш разговор, в котором мы вместе решали, что будем делать, то никакого «журнала консультаций» не хватило бы!

– Я смотрю, вы находились на одной из верхних ступенек Лестницы Харта – вы совместно принимали решения!

– Всё, перестань изображать прилежного ученика! Так вот, как ты понимаешь, об отмене лагеря актива не могло быть и речи. И я сказал своему старшему товарищу: «Конечно, езжай, а лагерь мы проведём сами».

– Получается, что ты готовился стоять на отряде, а в итоге стоял на лагере?

– Да, так и получилось. Перед отъездом в Польшу вожатый сказал мне: если вдруг будет проблема с совхозом, иди в обком комсомола.

– Какая могла быть проблема с совхозом? Ведь о лагере уже договорились?

– Понимаешь, работа школьников заключалась в прополке турнепса. Ты знаешь, что такое турнепс?

– Не-а!

– Это такая репка, которую выращивали, чтобы кормить скот. Турнепс нужно было пропалывать от сорняков. Но он ведь мог к сроку лагеря и не вырасти. Что, естественно, и произошло.

– Не вырос турнепс? Это же катастрофа!

– Об этой катастрофе мне поведал ныне легендарный Павел Оскарович Корган – директор нашей школы. Сейчас школе присвоено его имя.

– Он вызвал тебя и сказал, что лагеря не будет?

– Павел Оскарович сказал: звонил совхоз, сообщил, что турнепс не вырос, лагерь принять не могут. И спросил: что будем делать? А до начала лагеря оставалось около недели.

– И тут ты рассказал про обком комсомола.

– Да. Директор сказал: ну что ж, сходи, попробуй. Я пошел в обком, нашел человека, который отвечал за сельскую молодежь. Передал привет от своего вожатого и попросил найти для лагеря новый совхоз. Дня через три-четыре новый совхоз был найден, и мы поехали в лагерь.

– А как же другие оргвопросы? Заключение СЭС, согласование с ГИБДД, трудовые книжки?

– Ничего этого было не нужно! Да, СЭС могла приехать в лагерь, но это была проблема совхоза, а не наша. Автобус за нами тоже присылал совхоз, и никаких согласований с ГАИ ему не требовалось. Автоматически вслед за приездом школьного лагеря совхоз получал дотацию на питание, которая покрывала 50% расходов. Остальное

зарабатывали на полях. Продукты на кухню тоже поставлял совхоз, списывая с суммы зарплаты их стоимость.

– А как же трудовые книжки?

– Какие там книжки! Никто даже не проверял возраст детей! У нас в лагере работали на полях дети 11-13 лет, и никому бы в голову не пришло защищать их от эксплуатации! Мы были счастливы, что растём без этого бреда!

– Ну а всё-таки, взрослые у вас в лагере были?

– Конечно, директор школы не мог отправить группу без педагога. Но педагог был запланирован с самого начала. Ведь кто-то должен был готовить еду! В качестве повара с нами должна была поехать учительница английского языка. А к ней впридачу – две студентки, которым нужно было пройти летнюю практику. Так что взрослые в лагере были, и они провели эти 10 дней в основном возле кухни.

– И что, всё прошло гладко?

– Пионервожатый оставил мне несколько запечатанных конвертов. На каждом из них была инструкция – когда его следует вскрыть. Первый конверт нужно было прочитать на СК после первого полного дня.

– На СК?

– СК – это совет комиссаров. После того, как день закончен, дети ложатся спать, а комиссары собираются на совет. Проговаривают педагогические итоги дня и расставляют акценты на завтра. Как ты понимаешь, комиссарили на отрядах у нас ребята, которым было по 14-15 лет.

– И вот, вы вскрыли конверт. И что же вы прочитали?

– Это было очень смешное послание. По указанию пионервожатого, я должен был его читать и выдерживать паузы там, где это было обозначено. Он приветствовал каждого из нас, при этом точно предугадав те реакции, которые последуют во время паузы. Кто-то во время паузы прореагирует на обращенное к нему приветствие, а письмо отвечает на это следующей строчкой. Он вёл через это письмо шуточный диалог так, будто находился с нами в одной комнате. Мы буквально катались по полу!

– Да, уважаю! Но были и еще конверты. Что оказалось в них?

– Я уже не помню. Хотя, возможно, они до сих пор хранятся в моём архиве. Помню точно, что мы не вскрыли один-единственный конверт – с надписью «Если всё совсем плохо».

– Какова его судьба?

– Я отдал его пионервожатому, когда он вернулся из Польши. На моих глазах он этот конверт порвал. Так что его содержимое осталось тайной.

– Неужели во время лагеря не возникло никаких загвоздок?

– Они, конечно, были. Причем самые смешные. Например, мы забыли взять удлинители и кипятильники. Не в чем было вскипятить чай на СК. Пришлось импровизировать: отрезали шнур от радиоточки и сделали самодельный кипятильник. Но после этого возникла вторая проблема. Выяснилось, что забыли и будильник. Радиоточка, оставшаяся без шнура, конечно, не работала, и гимн Советского союза разбудить нас в шесть утра уже не мог. Поэтому почти каждый день в лагере начинался с крика «проспали!» Опаздывать было нельзя, поскольку за нами приезжал совхозный автобус и отвозил нас на поле.

- В общем, у тебя была отличная возможность набить свои шишки.
- Во всяком случае, кипятильники и удлинители я больше не забывал никогда!
- Ну, хорошо. Твой самостоятельный лагерь после восьмого класса наверняка не был последним подвигом Геракла?

– Дружище, это не подвиги Геракла, а нормально работающая система. Через неё прошли очень многие, и у каждого есть об этом свои истории. Расскажу еще одну. Когда я учился в девятом классе, мы планировали провести коммунарский лагерь на весенних каникулах. Так получилось, что к нам собрались приехать гости из других регионов, и мы поняли, что нас будет слишком много. И тогда всё тот же пионервожатый предложил: проведем параллельно два лагеря! В итоге я поехал комиссарить в один лагерь, а он – в другой. Мой лагерь проходил в школе города Кондопога. Там было 80 человек. А мой старший товарищ поехал в небольшую сельскую школу – у него в лагере было 40 человек.

– А почему он не поехал туда, где больше участников? Больше людей – больше забот.

– Да потому что он понимал, что я с этим справлюсь. И осознавал, что для роста человеку нужно давать возможность реализовывать всё более сложные задачи. Вот он и предоставил мне этот фронт работы.

– Да, это хорошая школа. Похоже, твой вожатый был грамотным лидером. Кстати, как прошла его поездка в Польшу?

– Знакомство с харцерами пригодилось ему очень скоро. С начала 1990-х скаутинг стал делом его жизни. Он создал городскую скаутскую организацию, а затем и региональную. А сейчас – еще и координирует скаутскую организацию российского уровня. И самое интересное: наши пути с ним не разошлись до сих пор. Он работает директором Детско-юношеского центра, а я тружусь у него заместителем. Зовут его Сергей Воздвиженский.

– Да, интересная история. И все-таки вернемся к вашим пионерским временам. Откуда у молодого вожатого Воздвиженского был этот опыт? Он ведь не знал таких слов, как молодежное участие?

– Опыт он получил в коммунарстве. В школьные годы он входил клуб старшекласников «Товарищ» при газете «Комсомолец». Этот клуб вёл на общественных началах журналист Евгений Давыдов – один из отцов-основателей коммунарского движения Карелии. Пионервожатому Воздвиженскому не пришлось ничего изобретать с нуля – главному он научился в «Товарище». Это была основа, без которой его собственная педагогическая линия была бы невозможна.

– Да, жалко, что эта школа осталась в прошлом.

– То, что она осталась в прошлом – с этим, конечно, можно согласиться. Но можно и поспорить. Многие методы, которые были рождены в коммунарстве, унаследовали современные организации. Например, именно коммунарство ввело систему вечерних «огоньков» – обсуждения итогов дня во время лагеря. Во время огонька каждый человек высказывается по кругу, и все стараются услышать его мнение. На вечернем огоньке можно поднять любой вопрос, любую проблему, и все вместе принимают решения. Вечерний огонёк обладает высшей властью – руководитель оставляет за собой только вопросы безопасности. На огоньке участники лагеря могут изменить план следующего дня или, например, объявить кому-то предупреждение за недоброжелательность. Решения принимаются голосованием.

– По-моему, это называется демократия!

– Не исключено! Но всё-таки главное на огоньке – это не процедура принятия решений. Во время огоньков группа сама себя регулирует: ребята лучше осознают общие проблемы, фиксируют удачные моменты, разрешают конфликты, ставят цели на следующий день. Происходит рост и всего коллектива, и каждого ребенка. Хороший комиссар готовится к огоньку в течение всего дня: подмечает какие-то моменты и откладывает на полочку – для огонька. Огонёк очень важен для формирования доверия в группе. Здесь учатся говорить о своих ошибках, критиковать, принимать критику, благодарить, поддерживать...

– Пора проводить курсы повышения квалификации на тему «Как проводить огоньк».

– Да, не помешало бы! Одним из самых больших удивлений для меня было то, что у наших финских коллег вечерние огоньки не проводятся вообще! Завершается последнее мероприятие, – а затем сауна и свободное общение. Ты понимаешь, что это прямое следствие того, что коммунарства в Финляндии не было?

– Да, не удалось им пожить в СССР!

– Вот поэтому правильным я считаю такой путь: берем современные концепции, принятые во всем мире, и наполняем их нашим отечественным опытом. Как опытом прошлых лет, так и современным. Вот тогда у нас будет чему поучиться!

Текст и контекст

После длинного экскурса в теорию молодежного участия и глубокого погружения в историю вопроса самое время вновь пошуршать листочками нашего европейского дерева. Почитаем, какие установки дает европейская стратегия 2010-2018 в сфере молодежного участия.

Цель: обеспечить поддержку участия молодых людей в системе представительной демократии и структурах гражданского общества на всех уровнях, а также в жизни общества в целом.

Инициативы государств-членов ЕС и Еврокомиссии согласно их компетенции:

Развивать механизмы диалога с молодежью по вопросам национальных молодежных политик и участия молодежи в их реализации;

Поддерживать использование уже существующих или разработку новых руководств по молодежному участию, информирование и консультирование с целью обеспечения качества этой деятельности;

Поддерживать политически и финансово молодёжные организации, равно как и местные и национальные молодежные советы, содействовать признанию их важной роли в демократической системе;

Поддерживать участие большего количества и более широкого спектра молодежи в системе представительной демократии, в деятельности молодежных организаций и других общественных объединений;

Эффективно использовать информационные и коммуникационные технологии для расширения и углубления участия молодых людей;

Поддерживать различные формы обучения участию с ранних лет через формальное и неформальное образование;

Продолжить расширение возможностей для дебатов между государственными институтами и молодежью.

Ну что, коллега, какие соображения по этому поводу?

– По-моему, они не считают, что у них кризис. «Продолжить, расширить, углубить...» Такое впечатление, что всё и так хорошо, остается разве что плыть намеченным курсом.

– Ну да – корабль тонет, сделаем-ка погромче музыку на палубе. Интересно, что кризис традиционных молодежных организаций официально признали на европейском уровне еще в 2001 году, в Белой книге ЕС по молодёжной политике.

– А что это за книга? Не читал!

– Это что-то вроде методички, которая отражает официальную позицию Евросоюза тех лет о том, как нужно работать с молодежью – внутри стран и на европейском уровне. В этом документе – около 70 листов.

– Солидный труд!

– Он не имел обязательной силы, но служил неким ориентиром. Надо сказать, что со времени издания «Белой книги» никаких шараханий в молодёжной политике ЕС не было – только планомерное развитие в обозначенном направлении.

– И что же там было сказано про кризис?

– Было сказано, что прежние стандартные модели взросления молодых людей ушли в прошлое, и пришло время индивидуализации. Раньше все поднимались по одним и тем же ступенькам: сначала получали образование, затем – работу, потом начинали самостоятельную жизнь, создавали семью, обзаводились детьми, строили карьеру и уверенно шагали к заслуженной пенсии. Теперь все этапы и роли перемешаны: можно вечно учиться, попутно работать то тут, то там, экспериментировать с личной жизнью, и в итоге к 30 годам так и не знать ответ на вопрос «кто я?» В общем, у каждого теперь свой индивидуальный путь, учит нас Белая книга. И в силу этой индивидуализации молодежь чурается прежних форм коллективной жизни: партий, профсоюзов и молодежных организаций. База молодежных организаций сужается, объясняет книга, и организации всё больше чувствуют необходимость «изобрести себя заново».

– Похоже, так и не изобрели.

– Белая книга к этому не слишком-то и призывала. В ней ясно прослеживалась логика: если традиционные молодежные организации становятся невостребованными, будем развивать некие другие, индивидуальные формы участия молодежи.

– Ага, легко сказать! Судя по всему, за 10 лет с хвостиком их так и не придумали.

– Но курс держат прежний. Обрати внимание: признания того, что кризис традиционных форм участия касается не только молодежных организаций, но и всей системы работы с молодежью, так и не прозвучало. А ведь суть вопроса именно в этом! Молодёжь перестаёт ходить не только в организации, но и в молодежные центры, которые построены специально для неё. Признания кризиса молодежной работы нет, но рецепты лечения предлагаются похожие. По той же формуле, что и с молодежными организациями: «Не работает? Попробуем что-то другое!» Не идёт молодежь в центры? Пойдем к молодежи сами и будем работать с ней там, где она находится – на улицах, в торговых центрах и особенно... в Интернете. Очень, кстати, модная тема – Интернет-участие.

– Неужели оно и вправду срабатывает?

– Ну конечно нет! Ты же понимаешь, что молодые люди смотрят в Интернете только то, что касается их лично. Друзья, фильмы, музыка и игры. А если что-то не про них – какой бы распрекрасный портал ни придумали, они туда не пойдут, пока кто-нибудь туда их не затащит. Точно так же, как и в молодежный клуб. От того, что возможность высказать своё мнение находится не в соседнем районе, а на расстоянии двух кликов, желания его высказать не прибавится. Спрашивается, с чего молодой человек станет это делать?

– Но всё-таки, хоть в чём-то есть успехи?

– Если разложить систему молодежного участия по направлениям, то их три: информирование молодежи, консультации с молодежью и поддержка молодежных инициатив. Естественно, лучше всего у европейцев получается второе – слушать молодежь. Информирование местами тоже можно наблюдать, но в основном в виде буклетов и сайтов. А с инициативами, реальной молодежной активностью, дела обстоят хуже всего.

– Но европейское молодежное дерево шуршит листвой, как ни в чём не бывало...

– Если почитать направления развития молодежного участия, которые обозначены в европейской стратегии – все они верные, с ними не поспоришь. Но этот текст живёт вне контекста. Словно нет никакого кризиса, никакого вызова, и не нужно искать на него новые ответы. Просто погромче музыку на палубе.

– А ты считаешь, что новые ответы возможны?

– Еще как возможны! Я не вижу никаких необратимых изменений, которые якобы произошли с молодежью за последние 20 лет. Молодёжь всё та же – меняется только среда её обитания. А значит, и потребности у неё – те же.

– Но ведь кризис возник не на пустом месте? Как ты его объясняешь?

– Современная система работы с молодежью – это продукт индустриальной эпохи. Чуть больше ста лет назад, с развитием технологий, неквалифицированный детский труд стал не нужен. Появился феномен свободного времени подростков. А вслед за ним – и необходимость чем-то их занять. Тогда-то и стали возникать скауты, всевозможные детские общества и клубы. Но индустриальное общество уже ушло в прошлое. Мы живем в постиндустриальной эпохе и одной ногой стоим в информационном обществе. Есть версия, что системе молодежной работы, как порождению индустриальной эпохи,

суждено кануть в лету. Если так, то сейчас мы наблюдаем закат системы работы с молодежью.

– погоди! Ты говорил о том, что молодежная работа появилась как ответ на проблему свободного времени подростков. Но разве у современных детей нет свободного времени?

– В том-то и дело, что есть! Но только конкуренция многократно возросла! Представь себе ребенка, который сидит летом в городе сто с лишним лет назад. Ни телевизора, ни телефона, ни тем паче Интернета. Только и остается, что бегать по окрестностям с приятелями. И тут приходит дяденька, зовут Баден-Пауль: «А поехали-ка, мальчик, жить на острове и в разведчиков играть?» Вот тебе и скаутинг!

– представляю эту же сценку в наши дни! Современный ребенок тут же взял бы телефон, позвонил маме и сказал: «Мама, ко мне какой-то странный дядька пристаёт, хочет меня на остров забрать. Спасай!» Вот и докажи после этого, гражданин Баден-Пауль, что ты вовсе не нехороший дядя, а вполне себе даже лорд!

– Но обрати внимание: это не означает, что мальчику с телефоном не нужен опыт жизни в детской организации. Изменился не мальчик, а среда, в которой он находится. Теперь он вполне в состоянии интересно провести своё свободное время и без молодежного работника. Раньше у системы молодежной работы почти не было конкурентов. А теперь с ней конкурирует вся среда обитания подростков. И эту конкуренцию молодежная работа проигрывает. Потому что не может найти к современному ребенку адекватный подход.

– Получается, вопрос в профессионализме?

– В первую очередь – именно в нём. С чего к тебе в клуб пойдут дети, если ты просто сидишь там, как вахтёр – открываешь и закрываешь двери? Ну а, кроме профессионализма, дело, конечно же, в ресурсах. С этим всё понятно: если в клубе есть только столы и стулья, то ему трудно конкурировать с современной индустрией развлечений. Кстати, о конкуренции. Хочу заметить, что в России она еще выше, чем в европейских странах.

– Это почему же?

– Да потому, что только у нас есть столь мощная система дополнительного образования детей.

– Неужели наши коллеги живут без Дворцов пионеров? У них вообще нет кружков?

– Отдельные кружки местами встречаются, но по своим масштабам это не идёт ни в какое сравнение с нашим дообразованием. Однажды в Германии я видел, как используется здание бывшего ГДРовского Дома пионеров. После объединения Германии его отдали образовательному центру – круглогодичной базе для проведения молодежных лагерей и семинаров. После того, как мы посмотрели все другие помещения образовательного центра, нас повели на лужайку в некотором отдалении, где и стоял тот самый дом пионеров. Он был закрыт. Сотрудница центра достала ключ, открыла двери, и мы вошли в абсолютно пустое здание. В огромном холле ровными рядами были расставлены стульчики. Оказалось, через неделю здесь будет конференция, и решили подготовить зал заблаговременно.

– Представляю, что думают бывшие пионеры, которые когда-то занимались там в кружках и секциях.

– Так вот, у нас молодежные организации и центры конкурируют не только с Интернетом, но и с несколькими кружками, в которые ходит любой мало-мальски продвинутый ребенок.

– Предлагаешь позакрывать дворцы творчества, как в Германии?

– Боже упаси! Допобразование – это наше конкурентное преимущество! Это отличный ресурс! Только нужно научиться лучше использовать его в интересах развития молодежи. Кстати, идея позитивного развития молодежи – это признанный во всем мире подход. Но об этом мы поговорим в следующий раз. И сделаем это, не упуская из виду контекст.

Подпись Брежнева

К разговору о позитивном развитии молодежи мы подойдем постепенно. А начнем издали: с погружения в послевоенную историю Германии.

Как известно, после войны на месте американской, английской и французской оккупационных зон возникла Западная Германия (ФРГ), а на месте советской оккупационной зоны – Восточная Германия (ГДР). Американцы, англичане и французы строили в ФРГ демократию, а мы в ГДР – социализм. Соответственно, в ГДР транслировались советские подходы к работе с молодежью, а в ФРГ – западные.

Попробуйте представить себя на месте западных союзников. Еще недавно немецкая молодежь поголовно состояла в гитлерюгенде и выросла со свастикой, торчащей из ушей. Нужно было каким-то образом проникнуть в головы немецких юношей и девушек, и добиться того, чтобы они стали людьми с демократическими убеждениями. Причем не когда-нибудь, через три поколения, а сегодня. Надежды на то, что с этой задачей справится школа, не было никакой: в ней преподавали те же самые учителя, которые работали при нацистах.

И тогда американцы стали создавать образовательные центры – круглогодичные лагеря, в которых молодежь проходила обучение основам демократии. Группы молодежи приезжали в такие центры на семинары, которые длились несколько дней. Постепенно образовательные центры стали популярными. После ухода американцев они были оформлены как НКО, и в этом статусе сохранились в Германии до сих пор.

В начале 1950-х годов в ФРГ было принято решение о том, что в стране должна развиваться система «политического образования». Политическое образование – это немецкий вариант гражданского образования, с акцентом на изучение уроков собственной истории и знакомство с политической системой государства. Цель политического образования – не только воспитание гражданской активности, но также и поддержка участия граждан в политической жизни. Политическое образование ориентирует молодежь в непонятном для неё мире политики. Оно учит в нём разбираться, но не агитирует. Политическое образование – это не пропаганда. Это – необходимая основа для того, чтобы человек сам принял осознанные решения: за что он выступает, кого он поддерживает, за кого он голосует и как лично он будет влиять на политическую жизнь.

Договорившись вскоре после войны о том, что такое «политическое образование», немцы методично развивали его все последующие десятилетия. Для координации системы политического образования созданы специальные государственные агентства – как на уровне федерации, так и на уровне федеральных земель. Занимаются политическим образованием и фонды политических партий, и школы, и НКО. И конечно же – образовательные центры, для которых политическое образование осталось одним из приоритетов вплоть до наших дней.

После объединения Германии в 1990 году система образовательных центров начала выстраиваться и на территории бывшей ГДР. Сейчас в Ассоциацию образовательных организаций Германии AdV входит 170 центров. Они проводят семинары для всех категорий населения – не только для молодежи, но и для взрослых.

– Видимо, тот самый дом пионеров, о котором ты рассказывал, отдали как раз одному из подобных центров?

– Совершенно верно! Центр появился в городе Веймаре в конце 1990-х годов. Для него построили современное административное здание со столовой и залами для семинаров, три спальных корпуса, а также отдали центру еще одно здание. Плюс бывший

дом пионеров. Власти передали всё это имущество НКО и освободили образовательный центр от налогов. Кроме одного – культурного налога, который взимается за каждого гостя в размере 2 евро в сутки. Эта сумма поступает в городской бюджет Веймара.

– Я думаю, никто из наших НКО не отказался бы получить пять домов на таких условиях!

– Ну а наши немецкие коллеги не вполне довольны: они считают, что взимать культурный налог – несправедливо. Ведь центр привлекает в город туристов, которые и так оставляют в нём свои деньги.

– То есть на семинары в образовательный центр приезжают группы из других городов?

– Не только из других городов, но и из других стран. Когда мы приехали в этот центр, первой загадкой для нас стала деревянная решетка вдоль фасада главного корпуса. Представь: здание из стекла и бетона, а примерно в двух метрах от стены висит что-то вроде горизонтальных жалюзи из деревянных брусков. Сразу возник спор: для чего это?

– Наверное, защита от солнца?

– Была такая версия. Еще предполагали, что это основа для вьющихся растений, которые можно пустить по стене здания. Но верной оказалась догадка о том, что эта решетка не несет никакой функциональной нагрузки – просто элемент дизайна. Оказывается, неподалёку когда-то находился деревянный дачный домик немецкого классика Шиллера. И для того, чтобы молодежь чувствовала свою причастность к культуре, решили сделать бетонные корпуса будто бы деревянными.

– Это сильно! Сколько мест в этом центре?

– Примерно 130.

– Их ведь нужно заполнять? Это не так-то просто. Как они это делают?

– У каждого педагога образовательного центра есть своя специализация. Кто-то проводит семинары по теме уроков фашизма. неподалёку находится бывший концлагерь, посещение которого обязательно входит в программу таких семинаров.

Другой педагог специализируется на веймарском классицизме – рассказывает о дружбе Шиллера и Гёте, которая принесла городу Веймару славу интеллектуального центра Германии. Третий их коллега занимается вопросами европейской интеграции и прав человека. Есть и те, кто специализируется на творчестве: это рисование, фотография, видеосъемка, театр – всё то, что помогает молодежи из разных стран находить общий язык.

– Трудно поверить, что на семинары по этим темам стремятся попасть толпы людей.

– Это верно. Каждый педагог должен провести в течение года несколько семинаров. И на каждый семинар он должен привлечь не только участников, но и финансирование. Например, найти партнёра из другой европейской страны и подать вместе с ним проектную заявку в программу «Эразмус плюс». Или получить деньги на семинар от местных властей. Либо так заинтересовать участников, чтобы они приехали за свой счет.

– Да, это уже пахнет профессионализмом. Это тебе не двери в подростковом клубе открывать!

– Конечно, семинары, которые проводятся в образовательных центрах – это не скучные лекции, а творческая работа в группах. Это то самое неформальное образование, которое в итоге оказывается гораздо более эффективным, чем формальное. Но для начала молодежь нужно на эти семинары затащить. Как правило, педагоги центров связываются со школами и организациями, заинтересованными в семинаре на определенную тему. И просят их помочь привлечь молодежь.

– На самом деле, для ребят это отличная возможность: пообщаться со своими друзьями во время поездки, познакомиться с молодежью из других стран, побывать в новом для себя городе. По-моему, стимулов вполне достаточно!

– В Германии мы видели самые разные образовательные центры. Некоторые находятся в исторических зданиях – например, в замках. Государство даже выделяет центрам деньги на то, чтобы они поддерживали их в приличном виде. А один образовательный центр появился на месте бывшего ГДРовского спортивного лагеря. В этом центре есть база для водных видов спорта – дети плавают по озеру на каяках и катамаранах. Часто приезжают школьные классы и живут в центре целую неделю. Одноклассники проходят различные командные тренинги, общаются, весело проводят время. Это позитивно влияет на атмосферу в классе, когда дети возвращаются обратно в школу.

– А образовательный центр привлечением классов решает проблему своей загрузки.

– Безусловно! Но в этом выгодное отличие системы образовательных центров от обычных молодёжных клубов. Руководители клубов могут себе позволить сидеть в пустом здании и сокрушаться о том, что молодежь к ним почему-то не заходит. А педагоги образовательных центров понимают, что молодежь сама не придет – тем более, если она должна за это заплатить, пусть и не столь большую сумму. Конечно, германские образовательные центры тоже сталкиваются с трудностями. Некоторые из них даже закрываются. А те, что продолжают работать, опасаются того, что государство заставит их платить те же налоги, что платят обычные турбазы – тогда, говорят, мы выжить не сможем.

– Я думаю, им и при нормальных налогах живётся не просто. Такая работа – это конвейер. Её трудно долго выдержать.

– Это точно! Сотрудники образовательных центров не работают с постоянными группами – на каждый семинар приезжают новые участники. Это, безусловно, педагогов выматывает. Через пять лет после нашего первого знакомства с немецкими образовательными центрами мы обнаружили, что из преподавателей, с которыми мы тогда общались, остался работать лишь один человек.

– Да, не мы одни страдаем от текучки!

– Но вот у финских коллег ситуация выглядит более стабильной. В Финляндии работает 10 молодёжных центров, которые схожи с образовательными центрами

Германии. Они также объединены в сеть и получают поддержку от Министерства культуры и образования, которое отвечает в том числе за молодежную политику. За счет этого финансирования они имеют возможность принимать молодежные группы по сниженным ценам. Ведут и коммерческую деятельность: принимают группы туристов и проводят мероприятия, которые не связаны с молодежью.

– Думаю, никакая коммерция не позволила бы выжить ни немецким, ни финским центрам без поддержки со стороны государства.

– Финансовая ситуация центров, конечно, во многом зависит от отношений, которые у них сложились на региональном и местном уровнях. Например, в образовательном центре Веймара нам рассказывали о том, что около 40% средств центр получает от региональных и местных властей, а остальные деньги привлекает сам. Еще один потрясающий пример – финский молодежный центр «Хювярила», который расположен на окраине небольшого городка Нурмес. В этом городе проживает девять тысяч человек.

– По нашим меркам – посёлок.

– Так вот, город Нурмес недавно построил рядом с центром «Хювярила» современный спортивный комплекс стоимостью 4 миллиона евро. Жители Нурмеса могут заниматься в нём по минимальным ценам. Город не только бесплатно передал спорткомплекс центру «Хювярила», но и дотирует 70% расходов на его содержание. Остальные 30% центр должен заработать сам. Сотрудники центра говорят, что это не так-то просто.

– Но это наверняка подталкивает их к тому, чтобы что-то придумывать – проводить в спорткомплексе выставки, ярмарки, турниры и зарабатывать на этом. А иначе сидели бы и радовались, что пол блестит, как новенький...

– В финском опыте нам многое может показаться удивительным. Например то, что центр «Хювярила» оформлен не как НКО, а как ООО – общество с ограниченной ответственностью, то есть коммерческая структура. У нас это было бы поводом для серьезных ограничений в его поддержке, а у финнов этот факт – не более чем административный вопрос, никак не влияющий на суть дела.

– Ага, попробовал бы у нас какой-нибудь город подарить спортивный комплекс коммерческой фирме! Мэр бы уже давно на нарах куковал!

– Еще одно непривычное для нас явление. В 40 километрах от центра «Хювярила» находится аналогичный молодежный центр – «Метсакартано». Он специализируется на молодежных программах на фоне природы – находится в живописном финском лесу. Казалось бы, «Хювярила» и «Метсакартано» – прямые конкуренты. Должны соревноваться, кто кого съест. Но вместо этого они создали общий на два центра международный отдел! Два специалиста отдела пишут заявки на финансирование международных лагерей для обоих центров. А иногда проводят семинары в двух центрах сразу: начинают в одном, а заканчивают в другом.

– Да, нам такой уровень сотрудничества не светит еще очень долго.

– Финские молодежные центры, в сравнении с немецкими, относительно молоды. Они стали появляться в начале 1980-х годов. И между прочим, тоже под влиянием большой политики. Идея создать такие центры появилась в Финляндии после знаменитого Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года. В Заключительном акте, который, кроме европейских лидеров, подписали и руководители СССР и США, имелся отдельный раздел о поощрении молодежных обменов. Вот финны и выполнили свои обязательства – создали для молодежных обменов все условия.

– Все бы так отвечали за то, под чем подписываются!

– Я думаю, финские молодежные центры прошли лишь первый этап своего становления. И всё идёт к тому, что их роль будет усиливаться. Они постепенно вырастают из своих прежних рамок – становятся не только организаторами лагерей, но и ресурсными центрами, поддерживающими развитие системы работы с молодежью.

– Ну не знаю, что они там могут развить! А вот попробовать встроить модель финских и немецких образовательных центров в нашу систему дополнительного образования было бы весьма интересно!

– Тем более что подпись Брежнева под Хельсинкскими соглашениями никто не отзывал!

Прощай, Вася!

Часто талантливые молодежные лидеры, которые много делают для развития своих воспитанников, впадают в растерянность, услышав вопрос: «А для чего нужна ваша

организация?» И отвечают примерно так: «Чтобы дети были заняты и на улице не болтались. Ведь если они будут болтаться на улице – начнут употреблять наркотики, совершать правонарушения и в итоге окажутся за решеткой».

Особенно забавно при этом наблюдать за самими детьми, о которых руководитель рассказывает подобные ужасы. Требуется очень большая фантазия, чтобы представить этих вполне смыслённых ребяташек людьми, жизнь которых вот-вот покатится под откос. Как говорил в подобных случаях Станиславский, – не верю!

– Но ведь в словах нашего коллеги есть и доля правды. Наверняка среди его ребят попадаются и такие, кто оказался бы в дурной компании, если бы не стал ходить в организацию.

– Кто ж с этим спорит! Только зачем же эту самую «долю правды» объявлять главной целью своей работы?

– Ну, наверное, потому, что так убедительнее. Если ты будешь рассказывать, что твоя организация воспитывает детей равнодушными людьми – увидишь в ответ перекошенные лица. А если скажешь «чтоб не пили и не курили» – никаких вопросов!

– Вот давай-ка мы с этим и поразбираемся. Такие формулировки – это зеркало отношения к работе с молодежью. Они отражают представление общества о том, для чего молодёжка нужна. Как бы ты охарактеризовал этот подход?

– Люди говорят о том, что система работы с молодежью должна уберечь ребят от проблем. Сделать так, чтобы они выросли благополучными. То есть цель работы – профилактика негативных явлений.

– Именно такой подход и преобладал во всем мире вплоть до 80-х годов XX века. Его можно назвать профилактическим, или медицинским. Суть его проста: неважно, чем занимается молодежь, главное, чтобы она держалась подальше от проблем. Система молодежной работы рассматривалась как альтернатива курению, наркомании, правонарушениям, беспорядочным связям, ранней беременности... А основной метод работы – предложить молодежи что-то более интересное. Можно назвать это досугом, можно – полезной занятостью, не суть важно. Главное – чтобы подросток вырос «хорошим», не имеющим явных проблем, и тогда цель можно считать достигнутой.

– Идея молодежных клубов в этой логике вполне понятна: пусть не на улице болтаются, а находятся под присмотром молодежного работника. Хотя бы в то время, когда они в клубе, они ничего плохого не совершат. А может, и втянутся в какое-нибудь полезное занятие – в шахматы начнут играть, например.

– Самое интересное, что в 1970-х годах в СССР были энтузиасты, которые занимались «дворовой педагогикой» вполне успешно. Самый известный из них – Ричард Соколов, основатель московского «Форпоста культуры». Соколов и его команда сумели поставить работу настолько сильно, что более или менее благополучной становилась подростковая среда целого микрорайона. Даже если рассматривать их работу с позиции эффективности профилактики, она заслужила бы высшей оценки.

– Такие энтузиасты – это всегда исключение из общего правила.

– И это тоже верно. В середине 90-х, когда я начал свой трудовой путь с работы в подростковом клубе, неофициальным девизом клубов были слова, сказанные тогдашним заместителем мэра города. На одном из совещаний он произнёс примерно следующее: «Чем подростки будут сидеть по подъездам и плевать там на стены, пусть лучше они сидят и плюют в подростковых клубах!»

– Ну да, под присмотром молодежного работника. Оригинальный подход к воспитанию.

– Как ты думаешь, что было главным средством воспитания в подростковом клубе?

– Швабра?

– Если бы! Теннисный стол! Подростков ведь нужно было чем-то заманить с улицы в клуб. Теннис подходил как нельзя лучше. Потом его популярность затмили электронные приставки.

– Вряд ли это можно назвать эффективной профилактикой.

– А с этого места история становится еще интереснее. Логика развития профилактического, или медицинского, подхода, привела к мысли о том, что победить «молодежные болезни» в состоянии только специалисты. Ведь не теннисный стол же будет спасать детей от наркомании! На каждую новую молодежную проблему появлялся ответ в виде очередных узких специалистов по её «лечению». Курит? Ведем к специалисту по профилактике курения. Бросил табак, но перешел на наркотики? Ведем к наркологу. Начал грубо приставать к девушкам? Ведем к сексопатологу! Сказал, что надоели мы ему и ушел из дома? Хватаем психиатра и догоняем его, пока он еще не успел унести ноги. Вот примерно к такому развитию событий привел профилактический подход. Обычные люди должны были отойти от молодежи подальше и доверить её «лечение» профессионалам.

– погоди! Разве все эти специалисты не нужны?

– Конечно же, нужны! И без них просто не обойтись! Но вот только не стоит обобщать частные случаи необходимости в таких специалистах. Нельзя превращать это в универсальный подход к работе с молодежью.

– Переведи!

– Идея о том, что молодежные проблемы – это что-то вроде медицинских заболеваний, лечение которых нужно поручить узким специалистам, является заблуждением. Большинство этих проблем не возникает, когда есть нормальная система работы с молодежью, основанная не на профилактике, а на позитиве. Но вместо того, чтобы налаживать жизнь детского сообщества, мы запускаем к ребятам «докторов». А они, в целях профилактики, руководствуются известным принципом: «прийти к ребенку раньше, чем к нему пришла проблема». Спрашивается, с чего вдруг мы возмущаемся, когда третьеклассникам раздают презервативы в рамках профилактики СПИДа? Они сделали то, чему их учили: пришли к ребенку раньше, чем СПИД!

– Они бы еще в детский садик пришли, презервативами своими размахивать!

– Не удивительно, что однажды в мире поняли: что-то пошло не так. И пришли к выводу о том, что главную идею работы с молодежью нужно изменить. Необходимость этого изменения объясняли на примере мальчика Васи.

– Васи???

– Ну, может быть, Джона. Но для нас он пусть будет Васей. Вот представьте: мы работали с Васей с целью профилактики возможных проблем. И мы преуспели: он умудрился вырасти, ни во что не вляпавшись. Он не курит, не пьёт, не употребляет наркотики. Не сидит за решеткой, не состоит на учете в полиции. Не болеет СПИДом и не стал раньше положенного времени отцом. Вас, молодежного работника, можно поздравить с успехом! Но вот Вы приводите Васю к знакомому бизнесмену и рекомендуете принять его на работу. А бизнесмен Вам отвечает... Как ты думаешь, что он отвечает?

– Ну, наверное, хвалит Васю за то, что он такой положительный юноша. А потом, конечно, интересуется, что же этот Вася умеет.

– Вот именно! А ответить-то на этот вопрос Васе нечего, и Вы ему в этом не помощник. Ведь Вы только оберегали его от проблем, но не готовили к самостоятельной жизни. Ничего Ваш Вася не умеет, а значит – кому он такой нужен?! И молодёжка с этим условным Васей решила попрощаться.

«Медицинский подход»: иллюстрация

*- Познакомьтесь, это Вася.
Он не наркоман. Он не
правонарушитель. Его не
исключали из школы. Он не
малолетний отец.
Пожалуйста, возьмите его
на работу!*

**- Это, конечно, замечательно.
Но что же он умеет делать?**

**Не имеющий проблем – еще не значит хорошо
подготовленный**

В 80-е годы на смену идее профилактики пришла идея качественной подготовки. Смысл молодежной работы стали видеть уже не только в том, чтобы выросло здоровое поколение, но в первую очередь в том, чтобы это было поколение с хорошо сформированными жизненными навыками. Ключевой стала идея подготовки к будущей успешной учебе, карьере, работе, созданию семьи – в общем, ко всему, что ожидает тебя в жизни.

– Мне это напоминает скаутский девиз «Будь готов!», который в более точном переводе звучит как «Будь подготовлен!».

– Абсолютно верное наблюдение! Идею подготовки к самостоятельной жизни, которую Баден-Пауль заложил как основу скаутского движения в начале XX века, система молодежной работы смогла принять в качестве своей главной цели лишь 80 лет спустя! Возьмём это на заметку.

– И, кстати, этот поворот от негатива к позитиву удачно совпал с созданием финских молодежных центров. Восьмидесятые годы – мир ставит перед молодежкой задачу развивать жизненные навыки подрастающего поколения, и финны тут же создают молодежные центры, то есть инфраструктуру неформального образования.

– Действительно, удачное совпадение! Ключевой фразой для развития работы с молодежью в эти годы стало: «Не имеющий проблем – еще не значит хорошо подготовленный». Ориентация на позитивные результаты привела прежде всего к отказу от деления молодежи на категории. Если раньше считали, что трудным нужна реабилитация, а талантливым – самореализация, то теперь этот подход признали неэффективным. И стали исходить из того, что возможность приобрести навыки для успешной жизни нужна всем молодым людям, в том числе и «трудным». А «талантливые» тоже нередко нуждаются в помощи. В общем, договорились о том, что и поддержка, и возможности нужны каждому молодому человеку.

Эволюция подходов к работе с молодежью

- 1980-е – начало 1990-х: идея развития жизненных навыков

– Ну а у нас как всегда – всё наоборот! Лет пять назад стратегия «трудные и талантливые» была объявлена главным приоритетом молодежной политики. И вдруг выясняется, что во всем мире от этого подхода отказались ещё 30 лет назад. Забавно!

– Дело здесь, конечно, не только в низкой осведомленности наших молодежных правителей. Есть и исторические причины. Наша страна полностью открылась для сотрудничества с миром в 1990-х. И в Россию потоком хлынули именно технологии профилактики.

– Потому, что стали менее востребованными у себя на родине?

– Не исключено. Но при этом объективно нашей стране такие технологии были действительно нужны, поскольку социальные проблемы резко обострились. Появились бездомные дети, пошла вверх наркомания... В общем, понятно, что с этим нужно было работать профессионально. Наши новоиспеченные НКО учились этому у опытных западных коллег, которые пришли в Россию вслед за хлынувшим потоком денег разнообразных зарубежных фондов.

– Ну и в итоге получилось, что пока в остальном мире уходили от идеи профилактики к идее развития молодежи, у нас произошел резкий крен в сторону медицинского подхода.

– Тем более, что пионерскую организацию распустили и объявили о деидеологизации школы – а фактически это означало её самоустранение от воспитания. Из школы исчезли старшие пионервожатые, зато появились социальные педагоги, психологи и педагоги-организаторы.

– Ага, была одна штатная единица, а стало три. При этом результат работы явно не улучшился.

– На этом фоне многие молодежные лидеры, которые блестяще работали с детскими клубами в советские годы, опустили руки. Они увидели, что их работа не нужна ни детям, ни родителям, ни обществу в целом. Некоторые из них нашли себя именно в системе профилактики – ушли «спасать детей» в реабилитационные центры и приюты, которые тогда только-только начали появляться.

– А некоторые из этих энтузиастов, как известно, нашли себя в школе – она в те годы была площадкой для педагогических экспериментов.

– В общем, учитывая то, как глубоко мы нырнули в профилактику в 90-х, неудивительно, что некоторые деятели не нашли ничего лучшего, как выдвинуть лозунг «трудные и талантливые» в качестве главного принципа молодежной политики.

– Ссылка на тяжёлые 90-е годы – это, конечно, смягчающее обстоятельство. Но всё-таки высокие кресла обязывают к тому, чтобы хоть немного разбираться в том, чем ты руководишь. Не правда ли?

– Это доброе пожелание относится и к нынешним начальникам. Когда они называют свой программный документ «стратегией развития молодежи до 2025 года», они тем самым демонстрируют отказ от устаревшего медицинского подхода. Слова «развитие молодежи» означают ориентацию на позитив. Загвоздка только в одном. Сказав в своё время «прощай, Вася!», в мире на этом не остановились.

– Неужели идея позитивного развития молодежи тоже успела устареть?

– В том-то и дело! Стремление хорошо подготовить молодежь к взрослой жизни, безусловно, осталось важной установкой для молодежной работы. Как и идея профилактики. Но сейчас обе идеи уже вновь не являются главной целью, поскольку за последние два десятилетия произошло очередное переосмысление подходов. Поэтому все стратегии, в которых говорится о том, как прекрасно мы будем вкладывать в развитие молодежи – это уже вчерашний день. Но об этом – в следующий раз.

Про белого бычка

Основатель скаутинга сэр Роберт Баден-Пауль был не единственным гением, идеи которого молодежка пропустила мимо ушей. За 40 лет до появления скаутского движения, в середине XIX века, русский педагог Ушинский произнёс примерно следующее: «Ребенок не готовится к жизни, а уже живёт». Чтобы молодежка это услышала, понадобилось всего лишь полтора века.

Долгие годы молодежка отвлекала подростков от соблазнов и опасностей, скрашивая их досуг. Затем, согласившись с Баден-Паулем, начала было готовить подрастающее поколение к будущей самостоятельной жизни. Но вскоре неожиданно для себя подошла к Ушинскому, уразумев, что молодые люди не начнут жить когда-нибудь потом, став взрослыми, а живут уже сегодня.

За этим открытием последовал новый поворот в понимании целей молодежной работы.

– *Насколько я понимаю, речь идёт о конце 1990-х годов.*

– Да, можно сказать, что этот поворот происходил на рубеже XX и XXI веков.

– Неужели до этого в мире никогда не слышали о том, что ребенок не готовится к жизни, а живёт уже сейчас? Это всё равно, что открыть для себя истину о том, что «ребенок – тоже человек». По-моему, всё это старо, как мир.

– Конечно, это слышали не раз. Да только вот почему-то смысл этих прописных истин никак не мог пробиться в головы молодежных стратегов. Видимо, там стояли какие-то фильтры, которые отсекали весь «абстрактный гуманизм».

– Но в итоге они всё-таки согласились с тем, что молодежь – это тоже люди.

– Если конкретнее, то они поняли, что молодежь – это важная часть общества. Раньше к молодым людям относились как *будущим* членам общества, которые пока еще только готовятся к полноценной взрослой жизни. А теперь признали, что молодые люди

являются членами общества уже сейчас. А следовательно, молодежка должна заниматься не их будущим, а их настоящим.

– Сначала считали, что молодежь нужно оберегать. Затем решили, что её нужно развивать. А теперь?

– А теперь поняли, что её нужно вовлекать. Или, если хочешь слово посолиднее, – интегрировать. Главной задачей стало преодоление отчужденности молодежи от всего остального общества.

– Ну так ведь это ни что иное, как молодежное участие!

– Совершенно верно! Идея молодежного участия получила признание и заняла почетное первое место.

– А как же профилактика и развитие? Они отошли в сторону?

– Я бы не сказал, что они отошли в сторону. Скорее – на второй план. То, как изменяются подходы к работе с молодежью, можно сравнить со сказкой про белого бычка.

– То есть?

– Смотри. Сначала целью было вырастить молодых людей свободными от проблем. Через какое-то время уточнили: «Не имеющий проблем – еще не значит хорошо подготовленный». И признали основной целью формирование жизненных навыков молодежи, то есть её развитие. Но вот прошло еще какое-то время, и сказочка была продолжена. Теперь она звучит так:

Не имеющий проблем – еще не значит хорошо подготовленный,
а хорошо подготовленный – еще не значит полностью вовлеченный.

– Видимо, через какое-то время эту «сказку про белого бычка» продолжают в том же духе. Заменяют точку на запятую и скажут: «А полностью вовлеченный – еще не значит...» – и дальше будет что-то новое. Лет через двести список растянется на три листа!

– Согласись, в этом подходе есть большой плюс: происходит не отрицание предыдущего этапа, а расширение его рамок. Предыдущие цели остаются, но становятся частью новой, более широкой картины. Давай для закрепления всего сказанного сформулируем то, как сейчас в мире понимается главная цель работы с молодежью.

Цель системы работы с молодежью –
обеспечить полномасштабную вовлеченность молодежи в жизнь общества.

– По-моему, мы вернулись к разговору о целях молодежной политики. Мы уже говорили о том, что она должна встраивать молодежь в общество.

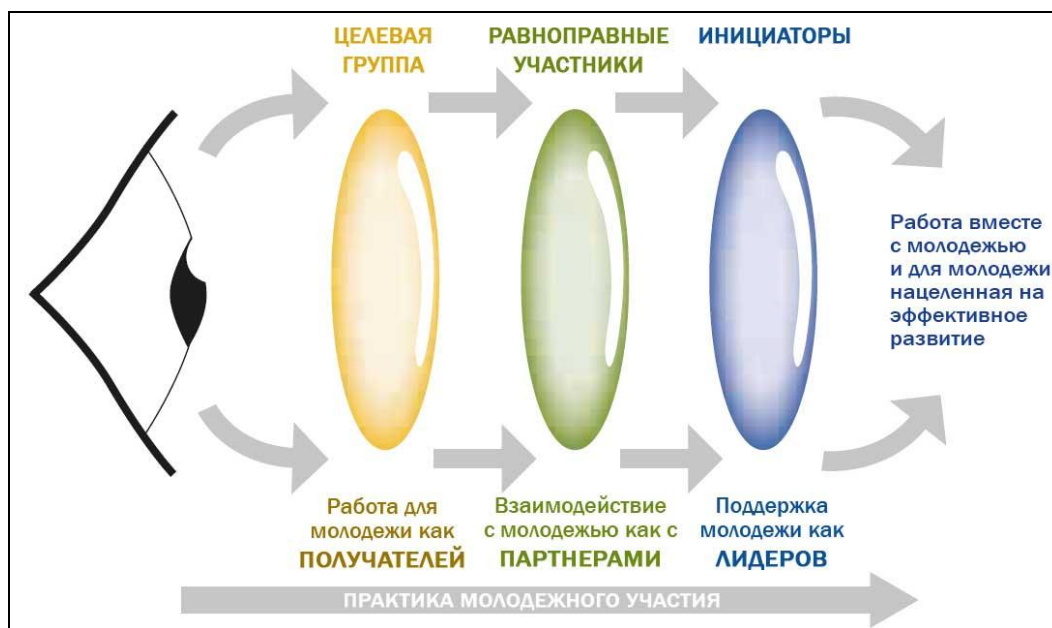
– Совершенно верно! Мы прошли большой круг и вернулись к исходной точке. И теперь мы можем посмотреть на окружающий нас пейзаж другими глазами. Например, если раньше могло показаться, что встраивание молодежи в общество должно происходить в тот момент, когда она начинает взрослую жизнь, то теперь мы точно знаем, что этим нужно заниматься задолго до того. Ведь молодежь не готовится к будущей жизни, а живёт уже сейчас.

– Возникает резонный вопрос: каким образом нужно вовлекать молодежь в жизнь общества? Что конкретно нужно делать?

– На этот вопрос сейчас дают такой ответ: это могут быть любые формы, но главное – чтобы они предполагали партнерские отношения между молодежью и взрослыми. Идея партнёрства молодежи и взрослых выходит на передний план.

– Лестница Харта?

– Да, она вполне годится. Хотя уже появились и другие схемы, в которых отношение к молодежи как к партнерам взрослых сформулировано более отчетливо. Вот одна из них:

Овалы на схеме – это линзы, сквозь которые молодежный работник должен смотреть на свою деятельность. Пафос схемы в том, что молодежи хоть и необходимо, но всё же недостаточно находиться только в роли получателей услуг. Можно придумывать сколько угодно образовательных форумов, семинаров и тренингов, но нельзя сводить к этому смысл работы с молодежью. Ведь наша главная цель – не подготовить молодых людей к будущей жизни, а вовлечь их в сегодняшнюю реальную жизнь. А для этого молодым людям нужно предоставить возможность стать партнерами взрослых, делать с ними что-то совместно.

– Волонтерство, молодежные проекты, участие в работе общественных организаций, диалог с властями... Что-то из этой серии?

– Да, это вполне подходящие примеры. На самом деле, партнерство молодежи и взрослых должно быть везде, например в школе или семье. Ведь принцип партнерства нужно продвигать во всех сферах жизни общества.

– Следовательно, молодежка должна налаживать каналы молодежного участия – развивать такие способы взаимодействия, в рамках которых молодежь и взрослые станут партнерами. Верно?

– Да, это именно то, о чём нужно думать при разработке молодежных стратегий. Не о том, как бы нам получше развивать молодежь, – это вспомогательная задача, – а о том, как сделать её активным участником окружающей жизни, равноправным партнёром взрослых. Интеграция молодежи – это задача номер один, а задача её развития выполняет вспомогательную роль.

– На схеме есть и еще одна линза – про лидеров. Что ты скажешь о ней?

– Эта линза напоминает нам, что у молодежи должна быть возможность не только приобрести опыт партнерских отношений с взрослыми, но и стать инициатором изменений в обществе. Самый простой вариант – реализовать собственные идеи и проекты.

– Это то же самое, о чём говорит верхняя ступень Лестницы Харта – инициатива молодежи и совместная реализация проекта вместе с взрослыми.

– Примерно так. Авторы схемы подчеркивают, что побывать в роли лидеров способны немногие, однако этот путь для молодежи должен быть открыт.

– Ну хорошо. Давай вернемся к общей картине. Как ты объясняешь то, что идея вовлеченности молодежи в общество вышла на передний план? Чем вызван этот поворот?

– Я думаю, что молодежь начала играть более заметную роль объективно, поэтому к ней и стали более серьезно относиться. В прежние, индустриальные десятилетия общество было устроено по принципу лестницы. Старшее поколение находилось на верхних ступенях и заведомо являлось более компетентным, опытным, могучим. А молодежи следовало постепенно перенимать его опыт и подниматься вверх. Теперь же картина резко изменилась – «ступени роста» исчезли. Мир стал мобильным, и молодежь во многом соответствует ему лучше, чем взрослые. За взрослыми остались опыт, связи, ресурсы, но им гораздо труднее изменяться и поспевать за новыми технологиями. Молодежь же схватывает всё новое буквально на лету. Возникла очень интересная ситуация: многим вещам молодежь по-прежнему учится у взрослых, но в то же время и взрослые теперь всё чаще учатся чему-то у молодежи.

– Ну да, школьники учат своих родителей, как пользоваться смартфонами и планшетами.

– А бабушек и дедушек «подсаживают» на соцсети. В общем, способность молодежи быстро схватывать стала её важным преимуществом. А это значит, что во многих сферах деятельности без участия молодежи уже не обойтись.

– В самом деле, трудно представить IT-компанию, в которой обошлись бы без молодежи.

– Сейчас становится всё более заметно, что молодежь – это дефицитный ресурс. Молодых людей рождается не так много, как хотелось бы. Традиционные общества начинают стареть. А дефицит молодежи – это дефицит трудовых ресурсов, который рано или поздно приводит к серьёзным экономическим и социальным проблемам. Накопившееся понимание того, что молодёжь – это не проблема общества, а его важный ресурс, привело к усилению внимания к ней. Вовлеченность молодёжи в общество стали воспринимать как условие успешного развития самого общества, а не только молодежи.

– И поэтому начали прислушиваться к молодежи и стремиться создать для неё хорошие условия жизни.

– У идеи максимального вовлечения молодежи в жизнь общества есть два главных основания – экономическое и правовое. Экономическое – это значимость молодежи в структуре трудовых ресурсов. А правовое основание исходит из признания самоценности жизни молодого человека. Жизнь молодежи имеет такую же ценность, как и жизнь взрослых, и поэтому они имеют право на то, чтобы их интересы и мнения учитывали – то есть право влиять на общество, быть его полноправными участниками. А поскольку прав и возможностей у молодежи меньше, то нужно предоставить ей дополнительные рычаги влияния.

– В общем, идея вовлечения молодежи в общество обосновывается, с одной стороны, потребностями экономики, а с другой – правом молодых людей на участие в жизни общества.

– Всё это верно – в теории. Только не будем забывать, что практика молодежного участия находится в глубоком кризисе. Если оглянуться назад, то можно заметить забавное совпадение: пока традиционные молодежные организации еще справлялись с

задачей вовлечения молодежи в активную деятельность, молодежка занималась профилактикой. Как только молодежные организации начали отмирать, она заговорила о важности участия.

– Ага, спохватилась!

– Вот и возникает вопрос: за счет чего молодежка будет решать новые задачи? Ведь никакой адекватной замены традиционным молодежным движениям не предложено. Спрашивается, какие структуры будут отвечать за развитие партнёрских отношений между молодежью и взрослыми?

– По идее, этим должны заниматься все.

– А в реальности это означает, что этим не занимается никто. И в результате – на примере всё той же Финляндии – мы видим, как молодежные работники идут на второй круг: всё чаще и чаще возвращаются к профилактике как к главному смыслу своего труда. А вместо роли партнёров молодежь всё чаще оказывается в позиции клиентов.

– В общем, наметилось явное противоречие между новыми задачами и сложившейся практикой. Пока возможностей молодежке явно не хватает.

– Я думаю, не хватает ей не возможностей, а той самой молодежной мобильности. Вместо того, чтобы быстро сориентироваться в новой ситуации и измениться, система демонстрирует инстинкт самосохранения – пытается продержаться еще какое-то время в устаревшем виде. А ведь выбор ясен – либо молодежка изменится и найдет своё место, либо она за ненадобностью будет закрыта.

– Судя по тому, что молодежь стала для общества столь важна, заказ на молодежку есть.

– Уже появились и первые признаки конкуренции за молодежь. Даже наши губернаторы заговорили о том, что нужно удержать молодежь в регионах, пока вся она не уехала в столичные города и за границу.

– Ну что ж, самое время учиться у Северной Европы, которая ставит перед собой задачу стать лучшим в мире местом для проживания молодежи, несмотря на свой суровый климат. Я думаю, там тоже едва ли в восторге от европейской идеи стимулировать молодежную мобильность.

– С этим ничего не поделаешь. Современный мир мобилен, и люди будут всё меньше привязаны к одному и тому же месту жительства. Молодежь будет ехать туда, где она нужна и где ей лучше. Но если власть превращает свою страну, свой регион в привлекательное место для молодежи, то вместо уехавших будут приезжать другие.

– Но согласись: привлекательность территории зависит не от молодежи. Она вряд ли играет здесь роль первой скрипки.

– Да, соглашусь, но только отчасти. Конечно, если регион загибается, производство останавливается, работы нет, жильё разваливается – его не спасет даже самая эффективная молодежная политика. Да её в таких регионах обычно и не встретишь, поскольку денег на неё нет.

– И в данном случае будет справедливо развивать мобильность молодежи – нужно показать ей, что нет смысла сидеть без работы, если ты можешь реализовать себя в другом регионе или другой стране.

– Верно. Но если не брать крайние случаи, когда молодежи остается только уезжать, грамотная молодежная политика может добиться многого. Давай представим себе это на примере нашего старого знакомого – Васи.

– Надеюсь, на этот раз он уже не только не имеющий проблем, но и хорошо подготовленный?

– Но пока еще не вовлеченный. У него есть множество сертификатов об обучении на разного рода курсах и тренингах, из которых следует, что Вася много чего умеет. Но ни в какой реальной деятельности Вася не участвовал – только учился, учился и учился. В результате его в городе никто не знает, взрослые не здороваются с ним на улице за руку, и нигде его не ждут. Как ты думаешь, где Васе лучше начинать свою карьеру – в родном городе или в столице?

– Видимо, его со своим городом ничего не связывает. Поэтому его стартовые возможности «здесь» ровно такие же, как и «там».

– Следовательно, он имеет больше шансов на успех, уехав в столицу или за рубеж. Вот тебе и ответ на вопрос о том, какой вклад молодежка может внести в копилку привлекательности своей территории. Сделайте молодежь вовлеченной в жизнь своего города. Добейтесь того, чтобы молодых людей здесь держало какое-то дело. Чтобы они знали свой город не только по витринам супермаркетов. Будьте для молодёжи партнерами, и она увидит, что нужна именно здесь. И что где-то там ей придется зарабатывать свою репутацию с нуля, а здесь ей уже доверяют.

– Слушай, это несколько напоминает проповедь. Может быть, спустимся с небес на землю? Мне кажется, что просто молодежи должно быть интересно жить в своём городе.

– Поддерживаю! Молодежная политика должна думать и об этом. Культурная афиша, да и вся городская среда в целом, традиционно была адресована взрослым. Встречаются города, в которых вообще нет мест, где молодежь могла бы проводить своё свободное время. Признав, что молодежь – это важная часть общества уже сейчас, нужно сделать второй шаг: изменять всю среду обитания, сделав её более дружественной к молодежи.

– В общем, работы у молодёжки впереди – хоть отбавляй!

– Если она пойдет этой дорогой, то сидеть без дела ей точно не придется!

В маленьком городе II

Сила системы

Коллеги из других регионов, которые знакомы с Петрозаводском по молодежной линии, очень удивляются тому, что население нашего города составляет не миллион-другой, а всего лишь 280 тысяч. Масштаб города в их сознании совершенно не вяжется с уровнем активности молодежных организаций.

«Петрозаводская аномалия» ведёт свою историю с 60-х годов прошлого века. Началось всё, казалось бы, случайно: комсомольская активистка школы № 11 побывала во всероссийском лагере «Орлёнок», который был рассадником коммунарства по всей стране. Пожив в отряде, которым руководил будущий мэтр отечественной педагогики Анатолий Мудрик, она решила, что обязательно превратит в подобие «Орлёнка» собственную школу. И ей это удалось. Вскоре на коммунарских сборах, которые

проходили в школе каждую неделю, присутствовало большинство комсомольцев. А, следовательно, сбор коммунаров обладал полномочиями общешкольного собрания комсомольской организации, со всеми вытекающими последствиями.

Опыт 11-й школы оказался заразительным. Он положил начало появлению новых коммунарских объединений. Самым знаменитым из них, безусловно, был клуб «Товарищ». Основанный Евгением Давыдовым в 1960-х, «Товарищ» прожил под его бессменным руководством до 1990-х. Клуб выпускал страничку для старшеклассников в областной газете «Комсомолец», и из него вышло немало профессиональных журналистов. Кому, как не им, описывать свою незабываемую молодость! Они с успехом делают это и поныне.

На фото: 1985 год, 20-летие клуба "Товарищ". Источник: Клуб "Товарищ" в Контакте

Прочим коммунарским объединениям повезло с известностью несколько меньше. А рассказать о них можно много интересного. В 1980-е годы, будучи старшеклассником, я близко наблюдал два коммунарских объединения – городской пионерский штаб «Беспокойные сердца» и городской комсомольский штаб «Юнком». Во Дворце пионеров эти штабы располагались в соседних кабинетах, а летние лагеря актива обоих штабов назывались одинаково – «Молодая гвардия». И проходили они, вдобавок, в одни и те же сроки. Говорят, бывали случаи, когда кто-то из детей садился не в тот автобус, и вместо лагеря пионерского актива оказывался в комсомольском, или наоборот.

«Товарищем», «Юнкомом» и Городским пионерским штабом список петрозаводских коммунарских объединений 80-х годов не заканчивается. Был еще «Форпост имени Макаренко» на базе подросткового клуба, а в моей родной 17-й школе появилась коммуна «Костёр». В общем, как минимум пять коммунарских объединений. И это – в городе с населением меньше трехсот тысяч.

– Получается, что Петрозаводск – это город энтузиастов работы с молодежью?

– Без энтузиастов, конечно, ничего бы не вышло. Но я собираюсь доказать тебе, что главное было всё-таки в системе.

– Любопытно!

– Ну вот представь. Я учусь в пятом классе. Как председатель совета отряда своего класса иногда захоживаю в пионерскую комнату. И однажды старшая вожатая Лена Куликова приглашает меня пойти в поход вместе с советом дружины. В походе мы жуём

бутерброды и играем в игру «Кто из вас осёл?» В результате я прихожу к умозаключению о том, что в следующем году мне обязательно нужно стать членом совета дружины.

– В общем, по пионерской линии ты пошел вслед за ослом!

– Это факт! Каждый класс выбирал в совет дружины по одному человеку. А поскольку при голосовании действовал принцип «только бы не меня», то оказаться в совете дружины не составляло труда. И вот, в шестом классе я уже там. Но тут выяснилось, что вожатая Лена Куликова нашу школу покинула.

– Накрылись твои походы...

– Поначалу всё к тому и шло. На место вожатой прислали новую девушку. Она переставила стол в пионерской комнате по диагонали и на этом закончила свою вожатскую карьеру – уволилась. Но затишье продолжалось недолго. Пришла новая вожатая – Наталья Федосеева, и совет дружины вернулся к нормальной работе. И вот однажды меня послали во Дворец пионеров, на учебу председателей советов дружин.

– С чего это вдруг? Ты ж еще не был председателем!

– Председателем была девушка-старшеклассница, которой то ли некогда было ходить на эти учебы, то ли не очень интересно. Вот она и попросила её подменить. Благодаря этому, я впервые встретился с легендарной Татьяной Владимировной Давыдовой – руководителем городского пионерского штаба.

– «Товарищем» руководил Давыдов, пионерским штабом – Давыдова... Простое совпадение?

– Какое там! Давыдова – родная сестра Давыдова, с опытом «Орлёнка» за плечами. Но это выяснится позже. А пока Татьяна Владимировна ведёт учебу председателей Советов дружин и для знакомства просит рассказать их – какая у них мечта? И одна девочка говорит: «Я мечтаю попасть в лагерь «Молодая гвардия», потому что не смогла поехать туда в этом году». А вслед за ней другая девочка произносит: «А мне повезло побывать в лагере «Молодая гвардия» этим летом, и я мечтаю оказаться там снова». На эти реплики Татьяна Владимировна весело отвечала: «Записываю!» – и действительно записывала фамилии детей в свою пухлую тетрадь. Так я узнал о лагере «Молодая гвардия» и понял, что хорошо бы тоже туда попасть.

– И, конечно, попал?

– Да, и это была настоящая школа. К исходу шестого класса я стал председателем совета дружины. Летом меня ожидало две поездки – во всесоюзный «Артек» в июле и в «Молодую гвардию» в августе. Могу сказать: сколько я потом ни видел коммунарских сборов и клубов, до уровня «Молодой гвардии» в моих глазах не дотянул ни один из них.

– И в чем же заключался секрет «Молодой гвардии»?

– Там всё было по-настоящему. Это была жизнь, честная в квадрате. Позже теоретики будут описывать коммунарские сборы с помощью термина «ситуация-образец». Жизнь на коммунарском сборе становилась для ребят образцом более высокого уровня отношений, поднимала для них планку. А дальше – твой выбор: либо возвращайся обратно, в обычную жизнь, либо пытайся изменить пространство вокруг себя, ориентируясь на этот самый «образец». Так вот «Молодая гвардия» была идеальным образцом, а Нюра выполняла в нём роль камертона, который не допускает ни малейшей фальши.

– Нюра???

– Ах, да... В «Молодой гвардии» Давыдову чаще называли не Татьяна Владимировна, а «товарищ Нюра». Говорят, когда-то на одном из коммунарских сборов она сыграла в сценке роль пионерки Нюрки, вот с тех пор она и стала для всех Нюрой. Лагерь «Молодая гвардия» был трудовым и строился по стандартной схеме: с утра – работа на совхозных полях, днём – пионерские учебы, вечером – творческие дела и огоньки. Честное отношение к жизни начиналось с работы. Если это была прополка – то до последнего сорняка. А если сбор картошки... Ты знаешь, что такое «пахать ногами»?

– Ума не приложу!

– Проходит трактор, перепахивает картофельную грядку. Картошка оказывается на поверхности. Четыре ведра картошки – это один мешок. Норма на человека за четыре часа – сорок вёдер. Чтобы было удобнее пересыпать картофель из вёдер в мешки, работали парами. Пара берет участок борозды и идёт друг другу навстречу. Когда картофель с поверхности участка собран, пара начинает «пахать ногами»: сгребает сапогами вспаханную землю к краям борозды, чтобы достать те картошины, которые остались под землёй. Ведь мы не можем допустить, чтобы урожай остался гнить на полях и не попал в закрома родины!

"Молодая гвардия", 1990 год. Уборка картошки. Источник: группа ГПШ в Контакте

– Да, такого фанатизма я еще не встречал...

– Признаюсь, физически для меня это было очень тяжело. А учитывая, что лагерь шел 24 дня, это было неслабой школой преодоления. Но это не главное. «Молодая гвардия» была школой настоящих отношений. Штабисты были людьми, по которым можно было сверять самого себя. В первый рабочий день мы оказались на прополке сорняков. На соседней грядке трудился штабист Олег Макаров. Как я теперь понимаю, он взял надо мной ненавязчивое шефство – разговаривал о чем-то и то и дело незаметно выдергивал сорняки не только со своей, но и с моей грядки. Поэтому я от него и не отставал.

– В общем, пионерских активистов выращивали не на политинформациях.

– Я думаю, что «Молодая гвардия» учила нас трём главным вещам. Первое – это работать, честно выкладываться до конца. Грядка – это ведь частный случай. Честное отношение к работе, которое сформировано у человека, переносится потом на любое дело. Второе, чему учила «Молодая гвардия» – быть настоящими, чувствовать свой нравственный стержень. И третье – уметь думать.

– Интеллектуальное развитие? Тренинги, семинары?..

– Огорчу: коммунарные лагеря были начисто лишены новомодной инновационной шелухи. «Молодая гвардия» не страдала маниловщиной, а учила тщательному, осмысленному отношению к каждому моменту происходящей жизни. Представь, отрядные огоньки шли целый час! Каждый по кругу анализировал весь день, обращая внимание на то, что могло бы показаться мелочью. Дежком отряда записывал всё, что говорится: ему предстояло выступать от отряда на общем сборе. Пионерских активистов приучали записывать всё, всегда и в любых условиях. Нет стола, а тетрадка тонкая? Переверни стул, поставь себе на колени и пиши!

– Не мешало бы вернуться к этому опыту на современном уровне. Это ведь базовые навыки работы с информацией.

"Молодая гвардия", 1990 год. Ньюра и участники лагеря. Источник: группа ГПШ в Контакте

– Жизнь в «Молодой гвардии» приучала ребят удерживать логику всего, что они делают: для чего мы это делаем? почему мы делаем это именно так? получили ли мы нужный результат? что следовало бы исправить и почему? какими в этом процессе были мы сами?

– Сейчас это можно было бы назвать менеджментом.

– Вполне! После «Молодой гвардии» мне не составляло труда написать программу школьного лагеря актива или методичку о том, как провести сбор отряда. Это означает, что в лагере ставили структуру мышления, благодаря чему пионерский активист мог справляться с самостоятельными задачами.

– И как, справлялся?

– Надо сказать, что после возвращения из «Молодой гвардии» в школу начиналась «ломка». Из «живого коммунизма» ты попадал в обычные серые будни. Помню, я впал в депрессию недели на две, пока меня не вывел оттуда пионервожатый Воздвиженский.

– Погоди... А где он был до этого? Ты всё время рассказывал о вожатых-девушках.

– Я ведь объясняю тебе: это была система! Пионервожатый Воздвиженский в моей жизни только-только начал появляться. Он не так давно вернулся из армии и еще входил в курс дела. Вся история с ослом, советом дружины, знакомством с Нюрой происходила до того, как Сергей начал командовать пионерами 17-й школы.

– Теперь я начинаю понимать. Личности менялись, а система работала.

– Если уж говорить о личностях, добавлю еще пару слов о моих первых пионервожатых. Лену Куликову теперь знают в городе как Елену Вячеславовну Кузнецову, педагога-эколога и краеведа. Сейчас она работает в региональном информационно-туристическом центре. Вторая пионервожатая, Наталья Федосеева, сразу во мне что-то разглядела. Видимо, не случайно я стал регулярно «подменять» старшеклассницу-председателя на городских учёбах. Наталья могла поручить мне, шестикласснику, зайти в кинотеатр «Победа», найти там нужную тётеньку и договориться о том, что мы такого-то числа проведем в кинотеатре сбор дружины. А потом мне предстояло быть ведущим этого сбора и получить всю гамму ощущений человека, который стоит у микрофона перед полным залом человек на 400. До того, как стать пионервожатой, Наталья прошла через «Юнком». Теперь она – Наталья Борисовна Аполлонова, известная в городе личность. Работала в отделе по делам молодежи Петрозаводска, Министерстве образования, а ныне трудится консультантом в Законодательном собрании Карелии.

– По-моему, это мафия!

– Об этой «мафии» можно рассказывать бесконечно. Когда мне было лет пять от роду, я познакомился с мальчиком Сёмой. Мы жили в одном дворе. И вот представь: мы учимся в разных школах, но он шагает примерно той же дорожкой по пионерским ступенькам и в итоге становится членом Городского пионерского штаба. И мы вместе с ним попадаем в «Молодую гвардию». А еще лет через 15 мой старый товарищ Семён Либман становится начальником отдела по делам молодежи Петрозаводска. Это и есть – система.

– Система выращивания управленцев?

– Я бы сказал, что управленцы были скорее исключением из правил. Конечно, есть примеры, когда из коммунаров старших поколений выросла пара-тройка региональных министров. Но в целом выпускники коммунарства пополняли ряды интеллигенции – людей думающих и умеющих найти собственный подход к любому делу. Мой первый молодоговардейский комиссар Светлана Жульникова и её муж Александр, у которого я проходил археологическую практику, создали уникальную программу для детей по экспериментальной археологии и этнографии. Елена Белоусова, которая была комиссаром на старшем отряде в «Молодой гвардии», нашла себя на телевидении. Несколько лет она делала еженедельную телепрограмму новостей для школьников «Сорока». Программы нет

в эфире уже пять лет, но её помнят до сих пор. Я думаю, что «Сорока» – это лучший детский проект за всю историю карельского телевидения. Сейчас Лена делает авторские сюжеты для итогового выпуска региональных новостей. А её муж Александр Белоусов – тоже молодоговардейский комиссар – работает директором детской художественной школы. Штабисты Ванда Солодкина и Алексей Дмитренко создали на базе одной из городских школ систему кадетских классов – готовят будущих спасателей.

– Я вижу, этот спрут запустил свои щупальца везде!

– Теперь давай посмотрим на руководителей детских и молодежных организаций Петрозаводска. Сергей Воздвиженский, руководитель скаутов – выпускник коммунарского клуба «Товарищ». Через «Товарищ» прошла и Ирина Рынкевич, руководитель педагогического отряда «Параллели» – организации, которая востребована как методический центр не только в Карелии, но и в Мурманской области. Моя школа в коммунарстве – «Молодая гвардия» и коммуна «Костёр». Среди представителей более молодого поколения лидеров можно назвать руководителя спортивно-экологического клуба «Пилигрим» Илью Тимина, который успел побывать практически во всех коммунарских объединениях начала 1990-х годов. А руководитель подростково-молодежного клуба «Богатырская застава» Борис Мазаев – сын коммунарских родителей. Можно сказать, что он впитал коммунарские традиции с молоком матери.

– Да, примеров более чем достаточно. То, что это действительно система, можно считать доказанным!

– Вот только было бы неверно думать, что всё дело – в инерции того импульса, который исходил от коммунарства. Мы знаем многие регионы, в которых у коммунарства были столь же сильные позиции, как в Карелии, но всё благополучно сошло на нет в начале 1990-х.

– Выходит, было сделано что-то еще, и система смогла развиваться дальше?

– Вот об этом и поговорим в следующий раз!

Ставки решают всё

Петрозаводску повезло: в нашем городе работают с молодежью очень разные и при этом очень талантливые люди. Как и в прежние времена, современные молодежные и детские организации напоминают отдельные миры. Некоторые из них пересекаются, а иные находятся словно бы в параллельных пространствах. И это совершенно нормально, даже в городе с населением в 280 тысяч человек.

Лет пятнадцать назад в Петрозаводске встречались молодежные деятели, которые любили затевать публичные склоки с коллегами из «параллельных» организаций. «Это мы – самые молодёжные, самые активные, единственные и неповторимые, а вокруг нас – только бледные тени, жалкие пародии на наше совершенство», – старались они доказать своими регулярными повизгиваниями. Правда, лидеры этого толка очень быстро куда-то улетучились – их сдуло, словно пену. Всё-таки работа с молодёжью – это не лучшее прибежище для юных прохвостов.

Понаблюдав за нашими «болезнями роста», я сформулировал для себя простой принцип: «Профессионализм начинается с уважения к работе коллег». Возьмите этот принцип на заметку, и вам будет очень легко отличить профессионала от... ну, скажем, от любителя.

Итак, сейчас система работы с молодежью в Петрозаводске состоит из нескольких «миров». Или, если хотите, клубов. Тот «клуб», к которому принадлежу я, включает в

себя восемь официально зарегистрированных и реально работающих общественных организаций.

Первой официально зарегистрированной детской организацией стал союз скаутов «Товарищ». Это было делом рук неугомонного Сергея Воздвиженского: он начал заниматься скаутским движением, работая вожатым всё в той же 17-й школе. Скауты вошли в историю как одна из первых общественных организаций Карелии. Регистрацию организация получила в 1992 году.

Когда я начал создавать Юниорский союз «Дорога», мне оставалось пройти по пути, который уже был протоптан Воздвиженским. «Дорога» была зарегистрирована на три года позже скаутов, – в 1995 году.

– Как я понимаю, Воздвиженский назвал свою скаутскую организацию в честь клуба «Товарищ»? Подхватил знамя?

– Думаю, он просто не нашел более точного и ёмкого слова, которое бы отражало суть организации. Лучше всего подошло «товарищ».

– Погоди... А слово «скаут» разве не будет более точным и ёмким?

– Конечно, будет! Но период 90-х годов – это время прикольных названий организаций. Если ты встречаешь организацию с необычным названием, то она – явно из тех лет. Считалось, что в названии обязательно должен быть какой-нибудь «колокольчик» или «василёк».

– То есть?

– Какое-нибудь красивое слово в кавычках, например что-то из мира природы.

– Понятно! Мог бы быть, например, союз скаутов «Рассвет». Или «Закат»...

– Что-то вроде того. Один из лучших специалистов по работе с молодежью в нашей стране Юрий Майстровский из Самары в те времена назвал свою организацию так: педагогический клуб «Радуга». И успешно руководит ею до сих пор. Мог ли он тогда предполагать, что в наши дни название «Радуга» будет меньше всего подходить для клуба, который называет себя педагогическим! Такой вот бывает «эффект василька».

– Но ведь можно переименовать организацию! Это технический вопрос.

– Я об этом однажды подумывал. Надо сказать, что название «Дорога» мы собезьянничали у известного барда и педагога Владимира Ланцберга. Так назывался его клуб авторской песни в Саратове.

– Но всё-таки тебя что-то остановило от того, чтобы отказаться от этого своего «василька».

– Я понял, что оригинальный смысл слова, которое стало названием организации, уже не имеет значения. Люди давно знают нашу организацию, как «дорогу». И называют этим словом не асфальтовое покрытие, а нас. Они уже привыкли к таким диалогам, как: «Ты куда? – Я в Дорогу!», «Ты где? – Я в Дороге!». И переименовать организацию сейчас – значит запутать их обратно. Хотя, надо сказать, первое время такое название становилось причиной довольно смешных казусов.

– Интересно, каких?

– Однажды одному из наших лидеров, Наталье Никулиной, позвонила незнакомая учительница и пригласила на классный час – рассказать об организации. Наталья была приятно удивлена – ну надо же, какие продвинутые бывают классные руководители! И вот она стоит перед классом, а учительница говорит: «Дети! Это Наталья Владимировна.

Она из Юниорского союза «Дорога». И сейчас она расскажет вам о правилах дорожного движения!»

– Да, это сильно! И как Наталья из этого выпуталась?

– Ну, ей пришлось для начала сказать о том, что нельзя переходить дорогу на красный свет, а нужно переходить её на зеленый. И только потом она плавно свернула на работу организации.

– Это был не последний казус, верно?

– Верно! Не менее забавный случай произошел с моим участием. В небольшой карельский городок приехал автобус молодежных деятелей, чтобы разбудить местное сонное царство. Нам с Воздвиженским предстояло провести встречу с педагогами – рассказать им о возможностях детских и молодежных организаций. Нас приводят в кабинет местного дома творчества, и мы наблюдаем нетривиальное зрелище: с одной стороны стола сидят тётеньки, явно похожие на педагогов, а с другой – суровые карельские мужики. Ну где вы видели мужиков такой комплекции и с такими лицами в педагогике? Мы сказали пару слов о себе и попросили каждого представиться. Тётеньки стали представляться: я методист такая-то, я педагог-организатор такая-то... Слово дошло до первого мужика. Он молчал-молчал, но в итоге всё-таки поймал мысль и сказал: «А мы вообще – из ДРСУ! И чего нас на эту «Дорогу» послали?»

– Да, это будет даже покруче «правил дорожного движения»!

– Так вот, в 90-е годы лидеры придумывали все эти «васильки» и «ромашки» просто потому, что еще не знали, как должны называться солидные, уважающие себя организации. И еще – из-за того, что смутно представляли, чем их организации намерены заниматься. Такие названия, как «Центр развития добровольчества» – это уже продукт следующего десятилетия, 2000-х годов. Воздвиженский, кстати, переименовал свою организацию в 1997 году. Она стала называться «Скауты Карелии». Если бы мне довелось писать историю молодежных организаций Петрозаводска, то я бы назвал 1997 год отправной точкой современной системы работы с молодежью.

– Поясни!

– Дело в том, что в этом году Воздвиженскому предложили стать директором дома пионеров. И он согласился. Еще бы: ведь там было столько ставок! А они уже требовались расширяющейся скаутской организации.

– Но ставки в таких учреждениях обычно не пустуют.

– Это еще полбеды. Вопрос в том, как они используются. Приход Воздвиженского в дом пионеров проходил под девизом: «Сколько можно вязать носки?» Эту фразу он сказал в студии местного телевидения еще до того, как познакомился с коллективом. То, что он увидел в учреждении, напоминало прошлый век. Люди действительно считали, что смысл их работы в том, чтобы вести кружки, в которых дети учатся вязанию или вышиванию. С приходом Воздвиженского они впервые увидели компьютер. Поначалу очень напрягались, когда во время беседований он что-то туда записывал. А когда он задавал педагогам вопросы о смысле существования их кружков, они восклицали: «Вам что, моя работа не нужна?» И слышали в ответ от молодого директора: «Мне ваша работа – не нужна! Она должна быть нужна Вам самим и Вашим детям».

– Да, это жестко. Но честно!

– Встреча столь нешаблонной, порою сумбурной личности, как Воздвиженский, с основательно сидящим на стульях коллективом не могла пройти бесконфликтно. На него, естественно, стали строчить жалобы, призывая всевозможных начальников вмешаться и вернуть всё на круги своя. Не сработало. Тем временем при поддержке своего старого

товарища, одного из авторов петербургской системы воспитания Евгения Барышникова, Сергей разработал концепцию развития в доме пионеров воспитательных систем. Идея такова: неважно, чем вы занимаетесь во внешкольном объединении – главное, чтобы эта деятельность давала воспитательный результат. Воспитывать можно через любое дело, если оно значимо для ребенка. Даже через вязание носков. Но только педагог должен понимать, что воспитание – цель, а носки – средство. Не наоборот.

– Скауты, конечно, этому подходу отвечают несколько лучше, чем кружок вязания.

– Около полугода Воздвиженский терпеливо обсуждал новую концепцию с коллективом, пока не добился её утверждения голосованием на педсовете. Дом пионеров был переименован в Детско-юношеский центр и перевёл свой офис из центра города в отдаленный район, где на тот момент вообще не было учреждений дополнительного образования. Главными приоритетами для ДЮОЦ стали поддержка детских и молодежных общественных организаций и работа с трудными подростками.

– Не часто подобные учреждения ставят перед собой такие цели. Обычно у них другой бог – творчество, причем с большой буквы Т!

– Для прежнего дома пионеров эти цели тем более были в новинку. Я, кстати, имел возможность убедиться в этом лично. В своё время меня не захотели брать туда на работу.

– Видимо, из-за твоей недостаточной квалификации?

– Не иначе! Дело было так. На пятом курсе университета от нас потребовали бумагу о том, где мы собираемся работать после выпуска. А у меня была договоренность с отделом молодежи, что я пойду работать в подростковый клуб. И вот я отправился в мэрию за искомым подтверждением. Но специалисты отдела молодёжи дать мне нужную бумагу не смогли. Клубы принадлежали ЖЭУ, а не мэрии, да и моя ставка была к тому времени еще не открыта. А дом пионеров находился в соседнем здании. И мне говорят: давай-ка ты пойдешь туда и возьмешь бумагу от них. Какая разница, от кого бумага? Мы тебе дадим письмо, что рекомендуем взять тебя к ним на работу. Ты его в доме пионеров покажешь, и они тебе сразу обрадуются.

– Да, нестандартное решение!

– Ну, в общем, они перевели стрелки на дом пионеров. Прихожу в дом пионеров. Они меня спрашивают: «А какой кружок Вы хотите вести?» Я им объясняю, что буду создавать детскую организацию. «Нет, – говорят. – У нас тут кружки. Вот если бы у Вас был кружок вязания...»

– И остался ты без бумаги!

– Да, пришлось снова зайти в мэрию. Начальник отдела молодежи Наталья Александровна Вартанова славилась тем, что принимала решения очень быстро, не слишком оглядываясь на бюрократические формальности. Она вызвала секретаря, повелела напечатать искомую бумагу и принести ей на подпись. Логичные аргументы своих специалистов по поводу ЖЭУ и отсутствия ставки Вартанову не остановили.

– Ну хорошо. Вернемся к тому, что дом пионеров стал Детско-юношеским центром и начал поддерживать молодежные организации.

– Воздвиженский с самого начала говорил, что ДЮОЦ – это ресурс. Это не некий «особый мир детства», а система поддержки для тех, кто действительно способен работать с детьми. На примере детских и молодежных организаций это прекрасно видно. Сейчас при поддержке ДЮОЦ работают четыре крупных организации: скауты, «Дорога», Центр добровольчества и Республиканская объединённая лига КВН. Можно сказать совершенно точно: если бы не ДЮОЦ, то у города не было бы этих организаций. Во всяком случае, в таком виде и в том масштабе, как они работают сейчас. Простое управленческое решение

– назначение правильного директора учреждения допобразования – обеспечило возможность организациям расти и развиваться.

– А тебе не кажется, что поддерживать молодежные организации за счет системы образования – это не совсем верно? Ведь это должно быть делом молодёжки!

– Честное слово, когда я слушаю вас, чиновников, у меня иногда отказывает мозг. Объясни, с кем работают детские и молодежные организации – с инопланетянами? Или всё-таки с детьми, которые живут в этом городе? Среди которых порой попадаются и ваши дети?

– Ну, это вопрос риторический.

– А коли так, то учреждение дополнительного образования должно с радостью поддержать эту работу! Если скаутский руководитель поможет учреждению выполнить муниципальное задание лучше, чем бабушка, которая вяжет носки, то учреждение закономерно должно выбрать в качестве работника данного скаутского руководителя. Потому что его работа нужна детям больше. Верно с точки зрения управленческой логики?

– Верно-то верно. Но вот представь: скаутский руководитель принят педагогом дополнительного образования. Набрал группы, заполняет журналы, получает в учреждении зарплату. Кто в данном случае работает с детьми – организация скаутов или учреждение?

– В данном случае они работают с детьми вместе! Друг, я должен сообщить тебе важную новость: наступило время интеграции. В Петрозаводске перестали «делить детей» между образованием и молодёжкой еще 10 лет назад. И это было весьма кстати: сейчас становятся наиболее эффективными именно те модели, которые основаны на объединении ресурсов. И если у нас есть такой ресурс, как система дополнительного образования, то мы должны правильно его использовать, а не изобретать какой-то собственный, параллельный ресурс на новом месте. К тому же партнёрство с общественными организациями позволяет наращивать этот ресурс, развивать его. От такого партнёрства выигрывают все. Давай-ка мы поговорим об этом подробнее в следующий раз!

Один-ноль в пользу Наркомпроса

Отношения между молодёжкой и образованием всегда были сложными и запутанными. С одной стороны, система образования являлась той самой почвой, на которой произрастало всевозможное молодёжное новаторство. С другой стороны, эти необычные для себя ростки нового образования часто принимало за сорняки. И усердно выдирило их с корнем.

С нескрываемой неприязнью наркомпросовцы относились к гениальному педагогу Макаренко – человеку, которому удавалось невозможное: делать вполне приличных людей из молодых бандитов. В 1920-30-е годы, которые проходили под флагом борьбы с беспризорностью, Макаренко рассасывал один за другим бандитские гнойники, в которые превратились наркомпросовские колонии. В благодарность за это педагогические начальники изводили его проверками и объявляли его систему работы «не совсем советской».

В 1928 году Надежда Крупская, которая была в те времена не только вдовой Ленина, но и председателем Главполитпросвета при Наркомпросе, выступила против Макаренко на съезде комсомола. Это была команда «фас». В те дни Макаренко писал своей будущей жене: «Читали «Комсомольскую правду», как меня Крупская разделала? Я

начинаю приходить в восторг — шельмование во всесоюзном масштабе. Опять подняли безобразный крик по поводу моей колонии, грозили прокурором, междуведомственной комиссией, еще чем-то... Они добьются-таки того, что меня посадят так, за здорово живешь, только потому, что я не хочу кланяться всяким сумасшедшим».

Его бы и посадили, если бы не вмешательство Горького. Макаренко был вынужден покинуть систему Наркомпроса и перейти в систему НКВД. Там ему позволили работать еще несколько лет. В основанной на голом месте коммуне имени Дзержинского он взял новую планку – создал высокотехнологичное производство. Вчерашние беспризорники и уголовники стали производить фотоаппарат «ФЭД» – первый узкоплёночный фотоаппарат в стране. Аббревиатура «ФЭД» расшифровывается просто: Феликс Эдмундович Дзержинский. Коммуна имени Дзержинского была полностью самокупаемой – её никто не финансировал – и полностью самоуправляемой: должности воспитателей были упразднены за ненадобностью. Коммуна давала своим воспитанникам не только идеальное воспитание, но и передовое образование. А еще – немыслимые возможности для развития: кружки, собственный зоопарк и оркестр, летние походы по всей стране, стипендии для выпускников, продолжающих учёбу... В общем, жизни коммунаров можно было только завидовать.

То, что сейчас называют теорией позитивного развития молодежи, Антон Семёнович Макаренко воплотил в жизнь на таком уровне профессионализма, который никому до сих пор не удалось повторить. Макаренко – это азбука молодежной работы, а его «Педагогическая поэма» и «Марш тридцатого года» по праву должны занимать на книжных полках молодежных лидеров почетные места.

Несмотря на канонизацию Макаренко, которая последовала вскоре после его смерти, в сознании идейных наследников Наркомпроса он так и остался чудаконноватором, создающим угрозу для стабильной работы системы.

Восьмидесятые годы. Сергей Воздвиженский увлекается идеей разновозрастных отрядов и начинает создавать такой отряд в 17-й школе. Слух об этом проходит по городу. И вот однажды я становлюсь свидетелем случайной встречи моего пионервожатого с методистом, отвечавшим за пионерские дела. Методист вместо приветствия произносит:

– Ну что, *Макаренко?*

Слегка растерявшись, Воздвиженский отвечает:

– А что?

После этого диалог завершается жирной точкой:

– А то, что я – категорически против!

На том и разошлись.

– ***Получается, что система образования всё время давит новаторов. Таков твой вывод?***

– Я бы сказал, что она не очень склонна давать им зеленый свет. И в интересах молодёжки – быть противовесом в её стремлении отпустить кислород строго отмеренными порциями.

– А вот с этого места – поподробнее!

– Мы уже говорили с тобой о том, что система дополнительного образования – это идеальная среда для детских и молодежных организаций. Остаётся один вопрос – почему же такие организации не появились в этих учреждениях повсеместно, а встречаются лишь в виде исключения?

– Хочешь сказать, что им там перекрывают кислород?

– Либо просто не считают, что он им нужен. Но так было не всегда. Это вошло в практику в начале 1990-х, когда молодежка отдала дворцы и дома пионеров образованию на откуп.

– погоди! Они разве не всегда были в системе образования?

– Да, они были там всегда. Как и ставки старших вожатых в школах. Но ставки – в школах, а людей присылает райком комсомола. С домами пионеров и школьников ситуация была схожей.

– Туда тоже присылали людей из райкомов или горкомов?

– Нет, дело было не в кадрах. Ты, наверное, уже не помнишь, как называлась система внешкольных учреждений? Она официально называлась системой внешкольного воспитания. Понимаешь, воспитания! Дворцы пионеров и школьников тех лет – это не только кружки. Это еще и поддержка деятельности пионерской организации. Внешкольные учреждения должны были работать в тесном взаимодействии с комитетом комсомола, а по некоторым направлениям – и под его руководством. Они были обязаны проводить учебу пионерского и комсомольского активов школ, а также обучать старших пионервожатых. Организация городских массовых мероприятий пионерской организации также была их делом.

– То есть молодежка, в её советском варианте, использовала внешкольные учреждения системы образования в своих целях.

– Вот именно! И благодаря такому двойственному статусу внешкольных учреждений в нашем Дворце пионеров работали пионерский и комсомольский штабы, проводились «Молодые гвардии» и учебы советов дружин. Подобная деятельность для наркомпросовцев по духу является чуждой. Им гораздо ближе кружки: там есть учебная программа, занятия, группы и журналы – всё, как в обычном школьном классе. И если бы тогдашняя молодежка в лице комсомола не сдерживала естественное стремление образования свести всё к кружкам, то молодёжная активность во внешкольных учреждениях быстро сошла бы на нет.

– Что, видимо, и случилось в начале 1990-х.

– Внешкольные учреждения теперь стали учреждениями дополнительного образования детей. Раньше у Дворцов пионеров было три направления работы: кружковая деятельность, массовая работа и методическая работа. Именно массовая и методическая работа велись в интересах пионерской организации и комсомола. В рамках этих направлений Дворцы пионеров старались расшевелить школы. С переименованием внешкольных учреждений в учреждения дополнительного образования от этой работы отказались. Дворцы пионеров стали Дворцами творчества – они превратились в те самые «особые миры детства», в которых остались одни кружки. И это означает, что равновесие было нарушено. Борьба за внешкольные учреждения закончилась со счетом один-ноль в пользу Наркомпроса.

– Было ли назначение Воздвиженского директором ДЮЦ попыткой сравнять счет? Стал ли он один-один?

– На уровне отдельного учреждения – безусловно! Это назначение доказало, что можно успешно играть по правилам игры под названием «дополнительное образование» и

при этом поддерживать молодежные организации. Все убедились, что одно другому не только не мешает, но и помогает. А поскольку на всероссийском конкурсе учреждений дополнительного образования детей ДЮОЦ занял первое место среди подобных центров на Северо-западе и второе место по России, то опасения о том, что люди из молодежи придут и всё развалят, можно считать не оправдавшимися. Всё-таки профессиональная оценка такого уровня – это аргумент.

– Из всего этого следует, что молодёжка должна заявлять требование о своём возвращении в учреждения дополнительного образования в качестве их «совладельца».

– На примере ДЮОЦ можно убедительно показать, что это – в интересах самих учреждений. Когда Воздвиженский принимал дом пионеров, в нём не было даже компьютера. За исключением последних двух-трёх лет, ДЮОЦ получал от города только деньги на зарплату и коммуналку. Практически всё, что сейчас имеется у ДЮОЦ, появилось благодаря молодежным проектам. Компьютерный класс, скалодром, молодёжный цех, малый флот и даже собственная загородная база – все эти ресурсы учреждения создали молодёжные организации.

2007 год. На загородной базе ДЮОЦ построен дом в рамках проекта "Молодёжный дом Карелия"

Теперь ты понимаешь, почему нужно объединять ресурсы, а не разводить молодежку и образование по разным углам? С точки зрения учреждения дополнительного образования это просто выгодно!

– Но тогда возникает вопрос: если это и вправду выгодно, то почему это так редко встречается на практике? Почему мы эту выгоду упускаем?

– На мой взгляд, ответ прост: чиновники читают слишком много документов. Они зачитались. И им начинает казаться, что то, что написано в бумагах – это и есть реальная жизнь. Из-за этого они назначают таких директоров, которые умеют максимально приближать реальность к тому, что написано на бумаге. А этого делать как раз и не нужно.

– Поясни!

– Вот представь. Ты выходишь на лесную полянку и смотришь на карту. У тебя на карте нарисовано, что речка течет от полянки к западу. А на местности ты видишь, что речка на самом деле – от полянки к востоку. Ты что будешь делать – исправишь ручкой

ошибку в карте или возьмешь лопату и начнёшь прорывать к западу от поляны новое русло для речки?

– Ну конечно, я возьму лопату! Я – чиновник, и у меня жизнь должна строго совпадать с бумагой!

– Вот именно это твои коллеги и проделывают с системой дополнительного образования. Они прекрасно понимают, что жизнь в учреждениях не совпадает с бумагами как минимум на 50 процентов. Но вместо того, чтобы изменить бумаги, пытаются изменить местность. Надеюсь, ты согласишься, что это называется «наркомпросовский идиотизм»!

– Несовпадения, конечно, бывают всегда. Но разрыв в 50 процентов – это уже критично! В чём же главная проблема?

– Она в том, что по своей природе внешкольные центры – это пространство неформального образования. В лучших кружках дети прежде всего вовлекались в деятельность, в ходе которой они, незаметно для себя, еще и чему-то учились. Образование, которое «спрятано» в деятельности, которое не лежит на поверхности – это и есть неформальное образование. Оно, к сожалению, практически невозможно в школе, и именно оно должно быть основным во внешкольных центрах. Этот подход также можно назвать деятельностной педагогикой, проектным методом обучения. Главное в том, что ребенок учится не через занятия, а через реальное дело: фотографирует, ухаживает за лошадью, играет в спектакле, исследует, конструирует...

– И в чем же проблема?

– Когда дома пионеров стали учреждениями дополнительного образования, к ним начали абсолютно серьезно подходить с мерками формального образования. Это примерно то же самое, что рыть русло для речки к западу от поляны. Логика убийственная: если это – учреждение образования, то в кружке всё должно быть так же, как на уроке математики. Сегодня – тема «синус», а завтра – тема «косинус». Почему он у вас выгуливал лошадь вчера, а сегодня опять её выгуливает? Тема «Выгул лошади» уже пройдена, приступайте к изучению копыт!

– Понимаю, учебно-тематическое планирование.

– Дворцы творчества стали пытаться превратить в подобие школ, несмотря на то, что они в такие рамки не влезают. Директора, которые требуют, чтобы жизнь в их учреждениях строго соответствовала отчетным бумагам, на практике добиваются только одного: из внешкольных учреждений вытесняется неформальное образование. А значит – уходит реальная жизнь, ради которой они и были задуманы. Придется нам с тобой продолжить эту тему в следующий раз.

Не ради бумажки

За пятнадцать лет работы в ДЮОЦ мы пришли к твёрдому убеждению: размер зарплаты не имеет решающего значения. Доводить этот принцип до абсурда, конечно, не стоит – от хорошей зарплаты педагога не отказались бы. Но всё-таки мысль поставить у входа в ДЮОЦ турникет и пускать на работу за деньги, как в метро, у нас нет-нет да и возникает.

Итак, самое главное – не зарплата. Гораздо важнее, чтобы работа во внешкольном учреждении была для педагогов любимым делом. Для них это – мотивирующий фактор номер один. Мы только радуемся, когда педагоги успешно зарабатывают на жизнь в

других местах. И к детям в результате они приходят – как на праздник, а не как на ежедневную каторгу.

В ДЮЦ никому в голову не придёт заявить: «Я этого делать не буду, потому что мне это не оплачивают». Нашим педагогам действительно интересно работать, поэтому они с энтузиазмом встречают новые проекты.

На вопрос о том, почему в ДЮЦ работает аномально высокое количество педагогов-мужчин, директор Воздвиженский даёт простой ответ: «Если постоянно проедать им мозг всякой ерундой и относиться к ним, как к тётенькам – кто аккуратнее заполнил журнал, тот и молодец, – они сразу разбегутся. Главное – дать им возможность заниматься реальным делом, в котором они чувствуют себя настоящими мужиками».

Это не значит, что мы не заполняем журналы. Мимо кабинета методиста Лавровой, которая отвечает за то, чтобы все бумаги были сданы и сложены, не могут пройти незамеченными даже скауты. Периодически мы громко топаем на кого-то ногами и заставляем излишне увлеченных коллег взять себя в руки и заполнить-таки искомый журнал. Но при этом все понимают: это не цель и не содержание нашей работы, а всего лишь система отчетности.

– Как я понял, главное – это оценивать педагога за реальное дело, а не за красивые бумаги?

– Можно сказать так: администрация учреждения неизбежно добивается того, чего она хочет. Если её главная забота – это соответствие жизни бумагам, то она получает коллектив пунктуальных тётенок, которые ведут занятия ровно по 45 минут с перерывами по 5 минут между ними, как того требует СанПиН. Сказав «До свиданья, дети!», тётеньки сразу же аккуратно записывают пройденную тему в журнал. С отчетностью всё отлично – администрация своей цели добилась. Только знаешь, какие бывают побочные эффекты?

– Не хватает бумаги?

– Если бы! Детей не хватает! Кому интересно сидеть на таких занятиях, отсидев до этого в школе несколько уроков?

– Но ведь кто-то на них сидит?

– Это главный секрет дополнительного образования. Могу тебе его открыть: при стандартном размере учебной группы в 15 человек типичная картина – 4 человека. Если сидят все пятнадцать, то это сразу должно насторожить. Это значит, что либо детей привели во время продлёнки, либо заставляют приходиться каким-то другим нехорошим способом. А заставить ходить можно детей какого возраста?

– Явно не старшеклассников!

– Верно! Теперь бери статистику и смотри, сколько в учреждении занимается детей младшего школьного возраста, сколько среднего, сколько старшего. Сколько среди них мальчиков и сколько девочек. Картинка будет, как на ладони: резкий крен в сторону младшего возраста и явное преобладание девочек. Знаешь, с чего мы начинали в ДЮЦ?

– С отмены принудиловки?

– Нет, братец. Мы убрали педагогов из детских садики.

– Откуда???

– Да-да, из детских садики. Педагогам было проще приходиться в детский сад или в продленную группу – в общем, на готовых детей – и проводить там свои занятия. Если администрация учреждения думает только о бумагах, то всё просто отлично – дети присутствуют в полном составе, занятия строго соответствуют расписанию и программе,

образовательная услуга предоставлена. А еще можно отчитаться об успешной интеграции общего и дополнительного образования. При большом желании, можно упомянуть и об интеграции с дошкольным. Но если администрация учреждения думает о деле, то она задает вопрос – а зачем нам эти занятия в детском садике или продлёнке? Нужен ли нам педагог, который не способен собрать вокруг себя детей?

– Выходит, главное – это личность педагога?

– Даже не личность, а его профессионализм как педагога-внешкольника. Курс на «образовательные услуги» привёл к тому, что оказалось забытым самое важное: внешкольные учреждения должны собирать детей в их свободное время и вовлекать их в какое-то интересное дело. В этом их миссия! Система нужна обществу только в том случае, если она состоит из педагогов, к которым идут дети. Умеешь собирать и удерживать вокруг себя группу – значит, ты стал в этой системе профессионалом.

– Следовательно, сами учреждения можно оценивать по количеству таких профессионалов?

– Совершенно верно! Необходимость работать с постоянными группами реальных детей, которые собрались по собственному желанию – это главный плюс учреждений дополнительного образования. И этим они выгодно отличаются от тех же подростковых клубов, в которых педагоги могут позволить себе приходить на работу, открывать двери и глядеть в окошко – зайдёт кто-нибудь или нет. В учреждениях дополнительного образования – другой девиз: «Нет детей – нет зарплаты!»

– А ведь оторвать детей от компьютеров и заставить куда-то идти становится всё труднее.

– Вот именно! При этом минобразовцы словно живут на другой планете. Они упорно упражняются в изобретении всяких «ваучеров» и «персонифицированных обязательств». И делают это в целях «повышения доступности» услуг дополнительного образования! Будто дети ломаются во дворцы творчества, а педагоги плачут из-за того, что у них нет свободных мест.

– И кому же нужны эти персонифицированные обязательства? В чём фишка?

– Помнишь ваучеры? Советский Союз распался, и нужно было сделать так, чтобы у государственных предприятий появились частные собственники. Решили, что будет справедливо напечатать бумажки – ваучеры – и раздать всем гражданам как долю в госсобственности. Люди, само собой, начали эти ваучеры продавать, потому что не знали, что с ними делать. И те, кто их скупил, смогли легально получить кто нефтяной заводик, кто целлюлозный комбинатик...

– И что, теперь предлагают распродать по той же схеме дома творчества?

– Нет, минобразовцы – гораздо умнее Чубайса! Они делают ваучеры именными. Персонифицированными. Порою даже в виде электронных карточек. Такой ваучер дает ребенку право бесплатного обучения по одной программе дополнительного образования. Пришел ребенок, принес в учреждение ваучер, – зачислен в кружок. А учреждение получает за «отоваренный» ваучер от города деньги. Принес директор 5000 ваучеров – экономисты пощелкали на калькуляторе и посчитали фонд оплаты труда.

– погоди! А если ребенок хочет ходить не в один, а в два кружка?

– Тогда за второй кружок он должен платить сам! Ты понимаешь, к чему это приведет и какой тип пресловутых «программ дополнительного образования» будет процветать?

– Конечно! Классный руководитель соберет у всех ваучеры, и на классных часах дети будут слушать беседы педагога Дома творчества о чем-нибудь прекрасном. Или о том, что СПИД не спит. А за те кружки и секции, в которые дети реально ходят, будут платить их родители.

– Это и есть следствие того, что работу учреждений допобразования стали понимать как предоставление образовательных услуг. В логике чиновников, услугу нужно распределять среди получателей равномерно: то есть, по одной программе на каждого ребенка. А как известно, в кружки детей обычно приводят с ранних лет. Ну, например: некая девочка с первого класса занимается в спортивной школе. Она успешно плавает в бассейне, побеждает в разных соревнованиях и бросать спорт не собирается. И вдруг в десятом классе она узнаёт, что в городе есть волонтеры. Приходит она в Центр добровольчества, а там ей говорят: нашу образовательную программу финансирует ДЮОЦ, и если ты хочешь у нас заниматься, то нам нужен твой ваучер. Либо забирай его из спортшколы и отдавай нам, либо плати свои деньги.

– Платить за то, чтобы быть волонтером – это непревзойденный альтруизм!

– Понятно, что в случае, если весь этот персонифицированный бред начнут реально внедрять – а самые «продвинутые» чиновники в некоторых регионах это уже сделали, – то мы реально добьемся одного: мы еще раз ударим по развитию собственной молодежи. Мы лишим самых активных старшеклассников возможности раскрывать свои таланты в различных сферах и заниматься тем, что они любят.

– Видимо, наверху думают, что если раздать ваучеры, то учреждения дополнительного образования будут вынуждены вовлекать в свои программы ребят, которые нигде не занимаются?

– Да пусть оторвутся от своих бумаг и посмотрят на то, что происходит в жизни! По факту учреждения допобразования уже никаких ребят не способны вовлекать! Если сейчас педагоги не могут собрать и удержать группы свободного набора, пусть даже из детей, посещающих по пять кружков, то с чего вдруг они сумеют затащить к себе подростков из подворотни? Вместо этого они найдут альтернативное решение: будут встраивать свои занятия в школьное расписание, работать с классами, продленными группами – в общем, всё что угодно, кроме реальных внешкольных объединений. Все маниловские мечтания о том, чтобы довести охват «услугами дополнительного образования» до космических процентов, не имеют с реальностью ничего общего.

– И в чём же выход?

– Выход в том, чтобы признать, что концепция «учреждений дополнительного образования» оказалась нежизнеспособной. Этот статус нужно сохранить только у учреждений, которые в своём названии имеют слово «школа»: музыкальные школы,

художественные школы, спортивные школы. У них действительно есть формализованные образовательные программы. Это те самые ступеньки, по которым дети последовательно поднимаются вверх и в результате действительно получают дополнительное образование. Отучился, сколько положено, сдал экзамены – получи свидетельство о том, что ты окончил музыкальную школу. Во всех остальных нынешних внешкольных учреждениях присутствует лишь неформальное образование – то есть образование, которое приобретается через практику, через дело. Вот объясни мне, зачем нашему ДЮОЦ лицензия на образование?

– Ну, это, наверное, престижно?

– Это не престижно, а абсурдно! Теперь нас контролируют еще и на предмет «выполнения лицензионных требований», будто бы мы как минимум вуз. Хочешь открыть кружок на базе соседней школы? Нельзя! Ведь это образовательная деятельность, а места ведения образовательной деятельности должны быть указаны в лицензии. Собери кучу бумаг, принеси в Министерство образования, внеси изменения в лицензию – и только после этого можешь открывать искомый кружок!

– К тому времени у учеников этой школы уже появятся внуки...

– Поэтому я и спрашиваю: кому нужна эта лицензия??? Кто это придумал и где висит его портрет? Какая в Домах пионеров может быть «образовательная деятельность», какое «дополнительное образование»? Какие «услуги»? Напоминаю: это называлось раньше и остается по факту теперь – там, где еще что-то теплится – системой внешкольного воспитания! Вос-пи-та-ни-я!

– Представляю лицо Макаренко, если бы ему сообщили, что он занимается не воспитанием, а предоставлением детям образовательных услуг!

– Можно представить и лица наших современников – например, Крапивина. Попробуйте, сообщите ему, что высшее предназначение отряда «Каравелла», который он создал – в получении детьми образовательных услуг!

Писатель Владислав Крапивин на парусной практике отряда "Каравелла". Источник: сайт отряда.

То, что бумажки, которые мы выдаем нашим выпускникам, теперь называются свидетельствами об образовании, – просто смешно! Заберите у нас лицензию, и мы будем называть ту же самую бумажку сертификатом. Ценность бумажки останется прежней. Если кто не знает, дети к нам приходят не ради бумажки.

– Ну хорошо, предположим, лицензирование отменили. И как же нужно будет после этого называть учреждения дополнительного образования?

– О, судьбоносный вопрос! Эти учреждения по факту являются центрами неформального образования. Значит, на канцелярском языке ДЮЦ назывался бы так: МБОУ НО «Детско-юношеский центр».

– МБОУ НО? Забавно!

– А сейчас у нас – МБОУ ДОД. Я думаю, что «но» ничуть не хуже этого «удода». МБОУ же никого не смущает, всем всё ясно: муниципальное бюджетное образовательное учреждение. Родителям ломать языки на наших аббревиатурах уже не привыкать. Тем более, что раньше вообще было – МУДО!

– Что-о-о???

– МУДО – муниципальное учреждение дополнительного образования.

– Представляю диалог: «Ты где работаешь? – Я работаю в МУДО ДЮЦ. – ...Да, неважно, видать, идут дела у тебя на работе!»

– Шутки шутками, но есть одна проблема. Наркомпросовцы ведь не понимают, что такое неформальное образование. Для них всё, что называет себя образованием, подлежит лицензированию. Слово «образование» имеет для них сакральный характер, и без их благословения никто не может им, образованием, заниматься ни под каким предлогом.

– И что же делать?

– А здесь очень простая развилка. Первый вариант: они соглашаются с тем, что неформальное образование не требует никаких лицензий в силу своей специфики. То есть – по определению. И успешно развивают его под своим крылом. Вот, мол, у нас новые веяния. Забирают себе все лавры. Но если для них это неприемлемо, и они не могут поступаться принципами, то учреждения дополнительного образования нужно передать в молодёжку. Мы уже говорили о том, что неформальное образование во всем мире рассматривается как составная часть молодежной работы. А в нашей стране исторически развивалась и сохранена идеальная инфраструктура неформального образования молодежи.

– И тогда можно будет поднять и возрастную планку.

– Я убежден, что это нужно делать прямо сейчас, в нынешних учреждениях дополнительного образования. Вспомни наш разговор о том, что молодой человек не становится взрослым одномоментно, когда ему исполняется 18 лет. Поэтому планку необходимо поднимать как минимум на пять лет, до двадцати трёх. Если, конечно, мы действительно хотим, чтобы учреждения допобразования не просто развлекали детей в их свободное время, а работали для успешного встраивания молодежи в общество. К чему их, кстати, неустанно призывают.

– Если бы это было сделано, то можно было бы сказать: реальная молодежная политика государства заключается не только в том, что выпускники должны сдавать ЕГЭ, а юноши – служить в армии. Она – еще и в создании новых возможностей для неформального образования молодежи.

– Вот видишь: молодёжке есть за что побороться!

Десять лет, которые не прошли даром

Обычно, когда чиновника снимают с должности, вокруг него образуется зияющая пустота. Еще вчера был Сидор Иваныч незаменимым человеком, а сегодня – будто и не знал никто никогда никакого Сидора Иваныча. Телефон не звонит. Знакомые шарахаются, как от покойника. Такое впечатление, что перейти в мир простых смертных – гораздо страшнее, чем оказаться в загробном царстве.

Но встречаются и нетипичные чиновники, которым этих ужасов удалось избежать. Такие, как Светлана Начинова, которая 10 лет руководила управлением по делам молодежи администрации Петрозаводска – до той поры, пока очередной мэр нечаянно не слил молодёжь в спорт.

Должность Светланы в результате этого «слияния» упразднилась, и она решила уйти из мэрии по сокращению штатов. Объяснила, что не будет прикрывать своим именем развал системы, которую она создавала вместе с молодёжными организациями все эти годы. В последний рабочий день молодёжные лидеры предупредили её: «Не вздумай выйти из здания раньше, чем полагается!»

Когда Светлана вышла из мэрии, её встречала группа лидеров и молодёжи с букетами цветов.

Процессия спустилась от мэрии к набережной Онежского озера. Затем все обернулись, посмотрели на пятый этаж, где раньше был кабинет Начиновой, помахали мэрии ручкой и пошли в город. Больше назад никто не оглядывался.

Не было ни злости, ни подавленности – разве что лёгкая грусть. Это было что-то вроде школьного выпускного: хоть и жалко расставаться после десяти лет, которые провели вместе, но все смотрят вперед – туда, где их ожидает самое интересное. А значит, эти десять лет не прошли даром.

В молодёжку Светлана Начинова попала случайно. После того, как бывший мэр Петрозаводска Сергей Катанандов стал губернатором, он отправил её в Министерство образования Карелии – то самое, которое тогда стало «и поделом молодежи». Светлане достался отдел дополнительного образования, социального воспитания и молодёжной политики. Целый год её работа заключалась в том, что она сидела в кабинетике размером два на два метра, – без денег, без полномочий и без специалистов, – и непрерывно рыдала. Причина этого явления неясна, но молодёжные лидеры почему-то стали ей доверять.

Вскоре Светлане Начиновой было суждено Минобраз покинуть. Там ввели должность профильного замминистра и прислали человека, с которым Начинова работать отказалась. Она написала заявление и ушла. Её спрашивали: «А куда ты уходишь?», – имея в виду «Какую новую должность тебе предложили?» Но она уходила «в никуда».

Тем временем произошла, как говаривал Ельцин, неожиданная загогулина. Семена Либмана, который был начальником городского отдела молодежи, забрали в губернаторскую администрацию. Кресло освободилось, и тогдашний мэр молниеносно предложил его Начиновой. В должности начальника отдела, а затем и управления по делам молодежи Петрозаводска Светлана успела поработать с тремя мэрами.

– Можно считать её политическим долгожителем! С чего же она начала свою десятилетку?

– С чашечки кофе. Начинова позвала нас с Либманом к себе домой – поговорить о том, что нужно делать. В конце этого разговора я начертил схему на листочке А4 – о том, как я вижу систему работы с молодёжью в Петрозаводске.

– А до этого её не было, системы?

– До этого был план мероприятий – табличка с пунктами и суммами. У Отдела были деньги по статье «молодежная политика», и он их расписывал на то, что считал нужным. Это была типичная молодёжка девяностых, которая хваталась за всё подряд.

– И что же за схема была нарисована на твоём листочке?

– Во-первых, там была стрелочка, направленная от молодежи к обществу. Эта стрелочка показывала, на что должна быть нацелена молодёжная политика: не на решение

проблем молодежи, а на развитие общества – через активное вовлечение молодежи во все сферы жизни.

– Какой это был год?

– 1999-й.

– Интересно, вы знали, что в мире как раз начинали считать вовлеченность молодежи в общество главной идеей молодежной политики?

– Да мы вообще ничего не знали о том, что делается в мире! У меня даже загранпаспорта не было! Подсказки мы могли найти только в собственном опыте. Мы просто понимали, что если молодежка не будет работать на общество, то никому она не будет нужна. А идеи о том, что роль молодежи в современном мире многократно возрастает, уже носились в воздухе.

– Ну хорошо. Вы определились с общими подходами. А как насчет конкретных направлений работы?

– Они были на схеме немного ниже. Было нарисовано что-то вроде трёхмерной системы координат – это была модель пространства, в котором происходит развитие молодежи и её встраивание в общество. Оси координат – они же направления работы – назывались так: молодёжь и общество, молодёжь и экономика, молодёжь и социальная норма.

– Да, если бы это была не система координат, а дерево, то у него оказалось бы всего три веточки!

– Но, заметь, – принцип тот же: концепция должна быть понятной. Чуть позже все легко выучили эти три направления и знали, кто за что отвечает. В отделе по делам молодежи за каждым направлением было закреплено по специалисту. А затем под эти направления выстроили сеть учреждений: за направление «Молодёжь и общество» отвечал городской Центр молодежи, за направление «Молодёжь и экономика» – Центр содействия занятости молодёжи, за направление «Молодёжь и социальная норма» – Досугово-социальный центр «Подросток», который объединил все подростковые клубы.

– Ну а где же общественные организации?

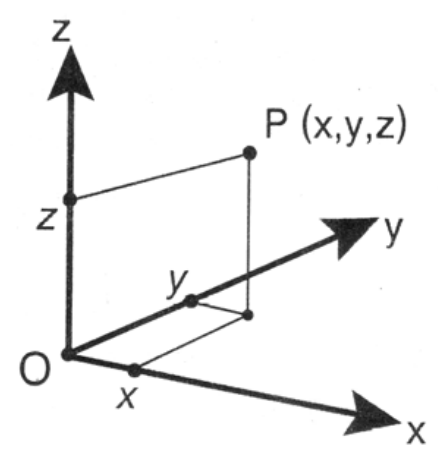
– Они – в каждом из этих трёх направлений. С самого начала мы договорились, что отдел по делам молодежи должен управлять не подведомственными учреждениями, а процессами в молодежной среде. И главное достижение отдела было именно в партнёрстве с НКО.

– Обычно используют термин «поддержка НКО».

– В том-то и дело, что поддержать НКО отдел молодежи мог лишь символически! Годовой бюджет петрозаводской молодежки поначалу составлял 500 тысяч рублей, затем дотянул до миллиона. Сейчас такой бюджет – это обычное дело для любой общественной организации, которая более или менее устойчиво стоит на ногах. Было понятно, что с таким уровнем финансирования город не сможет сделать ничего существенного. Поэтому мы исходили из того, что нам нужно объединять ресурсы города и НКО. А для этого необходимо партнерство, и прежде всего – в разработке самой молодежной политики.

– погоди! Ты ведь её уже нарисовал! Что там еще разрабатывать?

– Сначала мы сделали программу молодежной политики города всего лишь на один год. Я перевел схему в текст, специалисты отдела кое-что добавили, и программа была

утверждена постановлением мэра. Так в 2000 году в Петрозаводске появилась первая официально утвержденная программа молодежной политики. Но дальше мы стали продвигать идею о том, что программа должна быть общей договорённостью: что мы вместе собираемся сделать на ближайшую перспективу. Следующая программа уже была результатом серьезных обсуждений. В конечном итоге её утвердили на городской молодежной конференции, которая заодно избрала и общественный совет программы. В программе было прописано конкурсное распределение средств по каждому из трёх её направлений, а решения о судьбе проектных заявок принимал именно общественный совет. Обычно перед заседанием общественного совета проходила публичная защита проектов, которая была эффективнее любого образовательного семинара.

– Получается, что Отдел по делам молодежи не мог повлиять на распределение средств?

– Только в ходе обсуждений на общественном совете. А окончательное решение совета просто закреплялось приказом начальника отдела.

– Если бюджет молодежи был не так велик, то каков был размер грантов?

– Это были очень небольшие деньги. Иногда максимальной суммой было 15 тысяч рублей, иногда – 30 тысяч.

– И в чем же смысл этого «микрофинансирования»? Стоят ли эти деньги того, чтобы затевать ради них конкурсную процедуру?

– Ты удивишься, но эти гранты были высоко востребованными. Тогда Отдел по делам молодежи был единственным местом, где можно было получить финансы на конкурсной основе. Эти средства позволяли выполнить небольшие проекты – например, провести лагерь или акцию. А через несколько лет выяснилось, что эти мини-гранты помогли вырастить в Петрозаводске сеть молодежных НКО.

– Это был для них первый опыт?

– Примерно так! Представь, приходят в отдел молодежи ребята со своей идеей. Попросят помочь финансами. А им говорят: у нас есть конкурсы, но в них могут участвовать только официально зарегистрированные организации. Если вы хотите заниматься своим делом всерьез – регистрируйтесь!

– И как, регистрировались?

– К счастью для Минюста, туда бежали, сломя голову, только самые решительные. Зарегистрировав свою организацию, они получали деньги по конкурсу Отдела молодежи и начинали свою грантовую историю. Это, например, произошло с молодежной организацией «Педагогический отряд «Параллели»: уже через год после первого гранта от Отдела молодежи «Параллели» получили грант Общественной палаты. В итоге вокруг Отдела молодежи сформировалась сеть НКО, которые привлекали существенные финансы извне. Можно сказать, что город решал часть задач, которые были обозначены в программе молодежной политики Петрозаводска, не затрачивая на это бюджетных средств. При этом организации были не марионеточными, а вполне самостоятельными. Отдел молодежи вырастил для себя равноправных партнёров.

– Почему же организации не разбежались в разные стороны, как только встали на ноги?

– Я думаю, они увидели преимущества работы в единой системе. У каждой организации была собственная жизнь, самостоятельные проекты, но все чувствовали, что делают общее дело. Отдел по делам молодежи был координатором этой системы не только в силу своего формального статуса. В отношениях с вырастающими на глазах

молодежными организациями он сумел удержать эту роль во многом потому, что сотрудники Отдела заслужили доверие своими личными качествами.

– Втёрлись в доверие к молодежи?

– Моя коллега, руководитель Педагогического отряда «Параллели» Ирина Рынкевич, считает, что с сотрудниками отдела молодежи было легко находить общий язык потому, что они сами были лидерами общественных организаций.

– То есть как?

– Когда Светлана Начинова перешла из практиков в управленцы, – это было еще во времена её работы в культуре, – ей стало жаль двух своих режиссерских дипломов. Однажды городская поликлиника предложила ей попробовать создать театральный коллектив для детей-инвалидов – как способ их реабилитации. С тех пор еженедельно Светлана стала посвящать один выходной день занятиям с театральной студией «Росток». Затем она начала таскать «Росток» в походы и лагеря Юниорского союза «Дорога». В конечном итоге «Росток» вступил в «Дорогу» всем составом, где благополучно существует под руководством Начиновой и по сей день.

– Как я понимаю, для Светланы это – чистое добровольчество?

– Да, это её любимое дело, – примерно как работа с детьми для педагогов ДЮОЦ. Одна строгая тётушка-депутат как-то раз захотела вывести Начинову на чистую воду и громогласно пообещала ей найти зарплатные ведомости, по которым она якобы получает деньги за «Росток».

– Видимо, ищет до сих пор?

– Я думаю, уже давно отчаялась в своих поисках. Тем временем Светлана обнаружила для себя, что в лагерях «Дороги» можно замечательно проводить свои отпуска. Она резервировала для себя рабочее место на кухне и готовила детям еду. Некоторые уезжали из лагеря в полной уверенности, что тётя Света – повар «Дороги».

Кстати, именно помешивая поварёшкой борщ в одном из наших лагерей Светлана и получила ошеломляющее известие о том, что Управления по делам молодежи больше не существует. Её просто поставили перед фактом. Изменения в структуре мэрии провели в тот момент, когда она была в отпуске.

– Тоже мне, спецоперация!

– Да уж, интриги, достойные брежневского политбюро! Но нас с тобой всё-таки больше интересует позитивный опыт этих десяти лет. А рассказать еще есть о чём! Продолжим эту тему в следующий раз.

Поднимать планку

15 лет назад Сергей Воздвиженский и Семён Либман подсмотрели у финнов Ярмарку молодёжных инициатив. И решили: будем делать Ярмарку в Петрозаводске! Воплощать это решение в жизнь пришлось Светлане Начиновой. В 2000 году Ярмарка прошла впервые, и с тех пор стала ежегодной.

Ярмарка – это не только пиар молодежной активности. Её роль была куда более важной: она стала, пожалуй, главным системообразующим событием для молодежной политики города.

Есть проверенный закон: любая система работает продуктивно только тогда, когда она не стоит на месте, а развивается. Этот закон действует и в отношении системы работы с молодежью. Если рассматривать Ярмарку молодёжных инициатив вне контекста, то она будет выглядеть хоть и крупным, но разовым мероприятием. Сейчас подобные Ярмарки широко распространены во многих регионах. Однако в Петрозаводске сложилось так, что именно Ярмарка молодёжных инициатив поднимала планку для всей системы.

Каждая Ярмарка была либо началом какого-то нового этапа развития, либо его итогом. Она задавала для организаций ориентиры. Разумеется, бывали и провальные Ярмарки. Но это было недвусмысленным указанием на то, что система молодежной работы в городе стала топтаться на месте, и с этим нужно что-то делать. В общем, Ярмарка была весьма полезным индикатором.

В 2002 году третья по счету Ярмарка стала стартовой точкой нашего первого большого международного проекта, который назывался «Электронная сеть Карельской молодежи». Впервые Отдел по делам молодежи привлёк грант, который превосходил годовой бюджет молодежной политики города в несколько раз. Основным партнером проекта выступал отдел молодежи финского города Йёнсуу. Грант в 200 тысяч евро был выигран по программе Тасис, через которую ЕС финансировал проекты в бывших соцстранах Европы. А история создания проекта – весьма забавная.

В отделе молодежи Йёнсуу работали два энергичных сотрудника, находившихся в старшей возрастной категории. Звали их Раймо и Калеви. Это были молодёжные работники с большим стажем, но при этом с широкими взглядами. Так, однажды они получили от финского Минобраза грант на летний лагерь, который назывался «Сексикэмп». Идея лагеря заключалась в том, чтобы молодежь наблюдала, как в природе происходит процесс размножения. Финские дедушки ходили вместе с молодежью по лесу и наблюдали всё то, что бурно размножалось вокруг них. В основном, конечно, на глаза им попадались всякие гусеницы, превратившиеся в бабочек, а также разнообразные пестики и тычинки.

Одной из глобальных проблем финской молодежи Раймо и Калеви считали то, что она не умеет ловить рыбу. А поскольку в Карелии клюёт лучше, то они прилагали все усилия, чтобы получить какой-нибудь очередной грант и поехать с молодежью в Карелию на рыбалку. Сейчас таких молодёжных работников уже не встретишь. Раймо с Калеви тянуло к нам, будто магнитом.

Увидев их горячее желание сотрудничать, Либман и Воздвиженский сразу взяли быка за рога: давайте, говорят, не только вы будете к нам ездить, но и мы к вам! Партнёры согласились и сказали, что нужно писать проект. «Отлично! – чуть ли не хором ответили

Семён с Сергеем. – Мы пришлем вам наши идеи! И список снаряжения, который обязательно нужно включить в бюджет. А вы всё напишете и подадите! Вы это умеете – вам и карты в руки!»

Время шло, и в какой-то момент выяснилось, что финны так ничего и не написали. Оказалось, что написать подобный проект – это не так-то просто. «Надо подключать Рогаткина!» – снова хором сказали Либман и Воздвиженский. И подключили.

После этого мне пришлось вспомнить английский язык, чему я сейчас несказанно рад. К тому моменту прошло уже больше десяти лет после окончания школы, и за все эти годы английский мне ни разу не пригодился. Поэтому разбираться в англоязычной проектной документации, а тем более писать заявку на английском было очень непросто. Мы дружно работали над проектом вместе с моей финской коллегой Тиной Ояла два года. Подавали заявку на конкурс дважды или трижды, и в конце концов – победили!

И вот, на третьей Ярмарке молодежных инициатив мы дали проекту «Электронная сеть Карельской молодежи» официальный старт.

– И в чём же была главная идея этого проекта? В том, чтобы ездить с финнами на рыбалку?

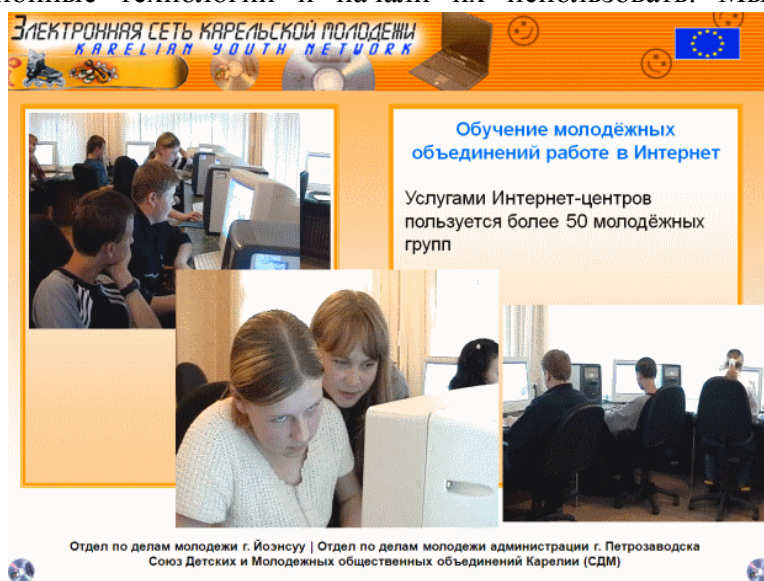
– Сама идея проекта сейчас уже не очень актуальна. Она заключалась в том, чтобы научить молодежные организации из Карелии и Финляндии пользоваться Интернетом. И использовать его для развития партнерских связей.

– Ты сказал «научить пользоваться Интернетом»? Вы бы еще телефоном научили пользоваться!

– Друг, ты забываешь, что мы, ветераны молодежной политики, работали еще в те времена, когда Интернета и мобильного не было и в помине! Проект «Электронная сеть» стартовал в 2002 году. Домашний Интернет тогда еще был роскошью. Доступ к сети был, в основном, по модемному соединению. Ты помнишь звук модема, который дозванивается до Интернета по телефонной линии?

– Дозваниваться до Интернета – это уже звучит как мрачная фантастика!

– Так вот, в те мрачные годы у подавляющего большинства организаций не было не только сайтов, но и элементарных навыков работы на компьютере – даже для создания презентаций, которые сейчас умеет делать любой пятиклассник. В проекте «Электронная сеть Карельской молодежи» было два прорыва. Один – информационный. Организации освоили современные информационные технологии и начали их использовать. Мы открыли бесплатный Интернет-центр и посадили туда специалистов. Группы молодежных организаций и подростковых клубов ходили туда толпами, по записи. Разумеется, не играть, а учиться и работать. Первые странички о себе организации открывали именно на сайте проекта. И кстати, в этом же Интернет-центре мы с «Дорогой» стали делать наши первые телепередачи. Работаем на том же месте и поныне.

– Ну, а в чём был второй прорыв проекта?

– Это был прорыв границы. До проекта «Электронная сеть Карельской молодёжи» связи с финскими организациями были только у скаутов. Остальные даже понятия не имели, что происходит у соседей-финнов. Некоторые, как я, вообще никогда не были за границей. Проект помог познакомить наших и финских молодежных работников друг с другом. Случай о том, как мы с «Дорогой» приехали на юбилей к бабушкам и дедушкам из «Молодых Орлов» – это один из эпизодов проекта. Главное в том, что организации сами договаривались о совместных лагерях и визитах, должны были самостоятельно их подготовить, и это было для них первым опытом международного сотрудничества. Всего прошло 10 совместных лагерей и 15 молодёжных поездок.

– Чем же всё это закончилось?

– В конце проекта, на молодежной Ярмарке в 2004 году, финны и наши уже подписывали соглашения о долгосрочном партнерстве. Ну а мы сразу же начали разрабатывать новый общий проект. И опять – серия неудач и препятствий, на преодоление которых ушло целых три года. В 2007 году новый проект стартовал.

– О чём он был на сей раз?

– Тему проекта выбирали так. Мы предлагали финнам вместе развивать молодёжное участие. Но они всегда тонко чувствуют, куда дует грантовый ветер. И ответили: «Давайте лучше возьмём тему экологии – это ведь такая актуальная тема!»

– Для вас это, надо полагать, был неожиданный поворот?

– Пораскинув мозгами, мы решили, что жизнь в наших летних палаточных лагерях – это не что иное, как экологическое воспитание. Большинство из наших организаций много времени проводили в лесах, поэтому не сказать, чтобы тема была нам чужой. Мы решили принять предложение финнов как данность и стали размышлять: а что нам требуется? Какие ресурсы мы можем вытащить из этого проекта? Палатки и прочее туристическое снаряжение – это понятно. Модернизировать и расширить Интернет-центры – тоже хорошая идея. Но главным пунктом плана стало создание загородного визит-центра. Этот тот самый дом, который мы открыли на базе ДЮОЦ в Лучевом. Не случайно проект получил название «Молодёжный дом Карелия».

– То есть вы написали в заявке, что постройте дом, в который организации будут приезжать для проведения экологических программ?

– Да, примерно так. Когда-то ДЮОЦ получил от города полуразвалившуюся загородную базу, которую педагоги и дети постепенно восстанавливали своими руками. Вот мы и заложили в проект деньги на ремонт одного из домиков. А фактически – построили его заново. Дом для молодёжных организаций, в котором зимой не обязательно мёрзнуть, в котором есть вода и канализация – это был важный технологический прорыв! Кстати, из общего бюджета проекта на ремонт ушло лишь 10%. На эти деньги закупили стройматериалы, а работы выполнили своими руками.

28 декабря 2007 г. Открытие молодёжного Визит-центра.

– И дом до сих пор стоит? Не развалился?

– Стоять ему, конечно, трудно, поскольку группы в нём бывают чуть ли не ежедневно. База оказалась очень востребованной. Она не пустует даже в учебные дни. Поэтому там постоянно что-то ломается и что-то чинится. Как-то раз приехал молодёжный парламент. Юношу, у которого нога была в гипсе, почему-то поселили на втором этаже. Он прыгал туда по лестнице на одной ноге. А на последнем, решающем прыжке перестарался и впечатался головой в гипсокартон. Потолок там наклонный, по скату крыши. Голова молодого парламентария оказалась твёрдой и не пострадала. А на место вмятины в потолке вставили овальную врезку. Теперь она выполняет роль памятника молодёжному парламентаризму и служит наглядной иллюстрацией для инструктажа по технике безопасности.

– Своя база – это, конечно, круто! Ну а было ли что-то интересное по основной теме проекта – экологии?

– Сейчас я понимаю, что, может быть, именно это и было самым интересным. Хотя тогда казалось – что это не более чем дань теме проекта. Мы увидели, насколько разными могут быть подходы к одной и той же теме. Готовясь к одному из совместных лагерей, мы договорились с нашими партнерами из школы Восточной Финляндии о том, что дети снимут видеоролики об экологии. При просмотре роликов удивлению не было предела: наши дети сняли все городские помойки, а финские – поездки в лифте и прогулки по торговым центрам.

– А при чём тут экология?

– В отличие от нас, они понимают окружающую среду не как природу, а гораздо шире – как среду обитания человека. Вот они и сняли, где они обитают.

– Забавно!

– А Ирина Рынкевич, руководитель педотряда «Параллели», любит рассказывать историю о другом лагере. Сначала Ирина и её ребята провели для финнов тренинг по чувственному восприятию природы: предложили выбрать себе дерево и пообщаться с ним. Так случилось, что вблизи находились кустики, и многие выбрали в качестве собеседников именно их. Успешно излив им душу, все отправились на обед. А после

обеда наступил черёд финнов. Теперь они должны были продемонстрировать свои методы экологического образования. Они подготовили практикум по ландшафтному дизайну. Детей научили пользоваться кусторезом и сказали: «Видите те кустики? Их нужно выстричь под самый корень! Таков дизайн!» И дети отправились резать под корень своих недавних собеседников. Тут же родилась шутка: «Всё дело в том, что они слишком много знали!»

– Вы пришли в природу, как в храм, с высокими мыслями. А финны учили вас, что человек – это царь зверей, хозяин леса!

Те самые кустики. Источник: сайт педотряда "Параллели".

– Сталкиваясь с подобными казусами, мы начали понимать весь диапазон подходов в современном экологическом образовании. С темой устойчивого развития мы в дальнейшем соприкасались практически постоянно. Финны были правы: экология оказалась более чем актуальной. Как выяснилось позже, это было неспроста. Через четыре года после проекта «Молодёжный дом Карелия» Светлане Начиновой, которая покинула мэрию, суждено было стать директором Республиканского детского эколого-биологического центра. Но до этого мы успели поднять планку петрозаводской молодежи еще на один уровень вверх. Об этом – в следующий раз!

Коридоры власти

Первые два года ты работаешь на свою зачётку, а оставшееся время – она работает на тебя. Этот студенческий закон вполне можно считать универсальным, то есть применимым везде и повсюду. Репутация в молодёжке зарабатывается долго и трудно. Но зато потом – даёт результат.

На излёте работы нашей команды с администрацией Петрозаводска стала наблюдаться интересная тенденция: если раньше мы предлагали себя грантодателям, то теперь уже они сами стали предлагать себя нам.

Первый звонок прозвучал из Фонда Аденауэра. Я получил от сотрудницы фонда, с которой мы познакомились во время поездки в Германию, примерно такое письмо: «У

наших коллег из дружественного фонда остались неизрасходованные деньги. Не ли у вас для них какого-нибудь интересного проекта?»

Так появился проект «Развитие молодёжного участия», грант на который выделило консульство Королевства Нидерланды. По объёму средств проект был небольшим, но тем не менее – очень важным. Идея проекта – познакомить специалистов с концепцией молодёжного участия и внедрить новые механизмы участия в Петрозаводске.

И, как всегда, к проекту была привязана очередная Ярмарка молодёжных инициатив. А может, и наоборот – к Ярмарке был привязан проект. Теперь разобраться, что к чему было привязано, уже сложно.

Так или иначе, мы начали придумывать новые формы участия молодёжи в жизни города. В результате на одном из сборов по подготовке к Ярмарке молодёжных инициатив родилась идея игры «Коридоры власти».

Потом специалисты из разных стран говорили нам, что нигде ничего подобного не встречали. А немцы даже хотели провести подобную игру в Бундестаге. Правда, так и не провели. Сколь бы ни была хороша идея, нужна еще и реальная возможность её осуществить.

– С нетерпением жду рассказа о правилах игры «Коридоры власти»!

– Правила таковы. Все желающие могут сформировать и заявить на игру свою команду. Подразделения администрации города тем временем готовят для команд вопросы. Причём это не вопросы на знание чего-либо, а скорее просьба о совете. Специалисты мэрии должны были сформулировать проблемные вопросы жизни города, по которым у них нет готового решения. Вопросы, по которым они хотели бы получить от молодёжи новые идеи. За неделю эти вопросы публиковались, и команды начинали готовиться. В день игры команды собирались в вестибюле мэрии, получали маршрутные листы и бежали по кабинетам, как по станциям.

– Ты хочешь сказать, что игра проходила прямо в мэрии, на рабочих местах специалистов?

– Безусловно! Десять станций – десять подразделений мэрии. На каждый кабинет – ровно по три минуты. За временем следят добровольцы, которые стоят у дверей кабинетов и запускают команды.

– И сколько у вас бегало команд?

– Двадцать девять.

– Я не понимаю, как вам это разрешили?

– Примерно такой же вопрос задавали молодежные работники, которые в те дни побывали у нас в гостях. На Ярмарку-2008 приехали специалисты по молодежи из 10 регионов. Они сразу же спросили, как долго нам пришлось согласовывать это мероприятие и через какое колесо мы ломали управляющего делами мэрии. У нас, говорят, о том, чтобы толпы молодежи бегали по администрации, не может быть и речи.

– И что же вы им ответили?

– Светлана Начинова пожала плечами и сказала: «Знаете, коллеги, никаких проблем у нас не было: просто включили в план и провели».

– То есть молодежные мероприятия в мэрии уже были обычным делом?

– Совершенно верно! Мы постепенно приучили руководство к тому, что мэрия – это в том числе и место для молодежных событий, от конкурсов проектов до ярмарок вакансий. Даже Бал молодых семей проводили в мэрии! Поэтому игру «Коридоры власти» воспринимали совершенно спокойно.

– Эта игра где-нибудь описана? Есть ли положение, примеры вопросов?

– Конечно! Всё это можно найти на портале «Молодёжь Петрозаводска». Его мы, кстати, тоже запустили в рамках проекта «Развитие молодежного участия». А по итогам проекта написали брошюру. Она опубликована на портале. Вот небольшой фрагмент об игре «Коридоры власти»:

Получив маршрутный лист, через каждые 3 минуты новая команда отправлялась в путешествие по коридорам власти. Чтобы никто не потерялся, на каждом этаже и у каждого нужного кабинета стояли добровольцы в футболках с логотипом Управления по делам молодежи. Они же следили за тем, чтобы команды уложились в отведенное время.

К игре молодые люди подошли творчески. Большинство команд продумали не только ответы на вопросы, но и собственный имидж. Студенты-медики пришли в белых халатах, ребята из техникума городского хозяйства – в синих спецовках, представители молодежных организаций – в футболках со своей символикой. Посетители и работники мэрии не могли не заметить, что происходит нечто нетривиальное.

Но самое интересное – это диалоги, которые происходили в кабинетах. Они дали богатую пищу для размышлений как молодежи, так и управленцам.

Сразу выяснилось, что молодежь оказалась зависимой от привычки давать «правильные ответы» – было высказано много верных, но абстрактных пожеланий, которые, однако, не являются управленческими решениями.

Пример

Вопрос Отдела экологии: Как бороться с несанкционированными свалками?

Ответ команды: Проводить субботники.

Отдел экологии: Но ведь субботники уже проводятся, а проблема остается. Как же все-таки её решить?

Команда: Надо, чтобы каждый осознал, что мусорить – нехорошо, тогда в городе будет чисто.

Отдел экологии: Да, но какое решение вы нам посоветуете принять? Ведь мы, администрация города, не можем ответить жителям, что чисто будет тогда, когда вы перестанете мусорить. Мы обязаны обеспечить чистоту в нашем городе. Как нам, отделу экологии, этого добиться?

После таких трёхминутных диалогов участникам игры стало гораздо более понятно, чем занимается городская власть и что такое управление.

Еще один диалог

Вопрос Управления культуры: Какого праздника не хватает в городе?

Ответ команды: Дня поэзии, чтобы можно было прийти и почитать стихи.

Управление культуры: У нас этот праздник проводится уже несколько лет. Дарим вам календарь культурных событий на память.

С одной стороны, много нового узнала молодежь. А с другой – чиновники получили живую «обратную связь», смогли увидеть, знают ли об их работе молодые люди, имеют ли они представление о тех городских проблемах, за которые отвечают управленцы.

Сами же ребята написали в своих отзывах: «Нам была предоставлена возможность высказаться, и нас слушали взрослые солидные люди! Отдельное спасибо им за доброжелательность, чувство юмора и приветливость. Надеемся, что подобные игры станут традицией. Давайте вместе делать наш город лучше!»

– Позитивные эмоции – это хорошо. Но, судя по всему, свежих идей от молодёжи не поступило?

– Трудно было бы их ожидать. Хотя попытка предложить свои решения, попытка самим разобраться в городских проблемах и поискать из них выход – это уже важный шаг на пути к вовлеченности молодёжи в жизнь города. Тем не менее, в игре были названы и

победители. На Ярмарке каждое подразделение администрации награждало ту команду, которая предложила самую интересную идею. Следующим шагом в развитии игры должно было стать воплощение этих идей в практику. Чтобы довести технологию до ума, нам не хватило двух лет.

– Совсем чуть-чуть не доиграли!

– Во-во! Но вернёмся к Ярмарке молодежных инициатив. Обычно на Ярмарку приходит от двух до пяти тысяч человек. Это тоже не испугало администрацию. Мы впервые решились провести Ярмарку прямо в здании мэрии. Снова почитаем брошюру:

В день Ярмарки два этажа Администрации были отданы молодежи в прямом смысле этого слова. Из большого зала заседаний были вынесены все кресла. Вдоль стен разместились модули с интерактивной выставкой молодежных проектов. В центре зала пели, танцевали, а байкеры демонстрировали прыжки на велосипедах. Малый зал был использован для проведения семинара, а кабинка, принадлежащая Горизбиркому – для голосования за лучший молодежный проект. В фойе на первом этаже выступал рок-клуб, на уличной площадке – любители экстремального спорта. Фотографии и видеофрагменты выкладывались в сеть в режиме онлайн – все желающие могли наблюдать за происходящим в Администрации через Интернет.

Через два часа после окончания Ярмарки мэрия вновь обрела прежний вид. Никаких разрушений – благодаря молодежной трудовой бригаде, следов проведения Ярмарки в залах Администрации не осталось, что в начале новой рабочей недели вызвало немалое удивление у сотрудников хозяйственного управления.

Открытость Администрации города для молодежи – это не что иное, как один из элементов развития молодежного участия. То, что молодые люди не просто видят мэрию издалека, но и бывают в ней, вступают в диалог с управленцами, чувствуют внимание к своим интересам, вносит немалый вклад в преодоление отчуждения между молодежью и местной властью. А если смотреть на вещи более широко, без подобных форм взаимодействия вряд ли возможно воспитать у молодежи ответственное отношение к своему городу. Только когда молодые люди увидят, что они в этом городе – не лишние, что в них заинтересованы, с их мнением считаются, их поддерживают и в них нуждаются, – только после этого можно ожидать от них ответного желания вносить вклад в жизнь своего города.

К этим размышлениям добавим одну важную деталь. Именно этой Ярмарке город обязан рождением одной из самых заметных молодежных организаций.

– Как произошло это знаменательное рождение?

– На Ярмарке мы впервые решили ввести Интернет-голосование за проекты, которые претендуют на финансирование. Предполагалось профинансировать три проекта на 20, 15 и 10 тысяч рублей. Заявиться могли не только официальные организации, но и инициативные группы молодёжи. Краткие описания проектов публиковались в Интернете, и начиналось голосование. В итоге самое большое количество голосов набрали петрозаводские велобайкеры с проектом строительства дёрт-трассы. Победа в конкурсе настолько вдохновила ребят, что они решили создать и зарегистрировать собственную

организацию. Организация «Велоекстрим» успешно работает и по сей день, а её председатель Евгений Андреев впоследствии стал специалистом, а затем и директором Городского центра молодежи.

– Кадры со своей грядки!

– Если система развивается, то будет появляться всё, в том числе и кадры. Можно долго перечислять, кто из сегодняшних лидеров делал первые шаги в проектах петрозаводской молодёжки. Показательной в этом плане была программа «Менеджмент НКО». Её запустил Павел Сандберг, который тогда был директором Центра содействия занятости молодежи и одновременно руководителем молодёжной НКО. Через свою организацию он вытащил пару грантов в интересах развития учреждения. В общем, объединял ресурсы по уже известной нам схеме. Идея программы «Менеджмент НКО» не оригинальна: обучить молодежь основам управления некоммерческими организациями.

– Да, это делалось много раз и во многих местах.

– Но вопрос в том, как это выстреливает! Ребята, которые слушали лекции специалистов, затем отправлялись на стажировки в организации. В те, которые они выбрали сами. К нам в «Дорогу» пришла студентка истфака университета Ирина Островская. Поездила с нами на выезды, пообщалась. И вскоре после этого пришла к нам работать. Через некоторое время привела за собой еще двух замечательных девушек. Таким способом проблема кадров для нашей городской программы «Первый шаг в общество» была решена.

– Почему же обучение менеджменту НКО попало в точку, а не промахнулось мимо цели?

– Всё потому же: работала единая система. И программа оказалась в эту систему удачно встроена. Это значит, что было откуда брать слушателей, которым это обучение действительно необходимо. И было где найти им применение. Как говорится, в коня был корм. Когда я перечитываю список слушателей, то вижу, что около половины ребят нашли себе применение в молодежных организациях или центрах. Обучался по этой программе, к примеру, тот же самый Женя Андреев из «Велоекстрима». Так что за один только «Менеджмент НКО» – низкий Сандбергу поклон!

– Вернёмся к Интернет-голосованию за проекты. Ты ведь понимаешь, что так оценивать проекты нельзя? Можно насобирать огромное количество голосов за очень плохой проект. Разве это будет правильно?

– Конечно, это будет неправильно! Но количество голосов – это очевидный показатель востребованности проекта. Раз команда проекта способна набрать много голосов, и люди реально голосуют за этот проект – значит, он нужен! Наверное, поэтому Лососинские дёрты, которые построили байкеры, стоят и до сих пор. Они регулярно их ремонтируют, совершенствуют. Тренируются там и проводят соревнования. Если бы такой проект оценивала комиссия, то она бы его наверняка завалила.

– Почему?

– Ну как же: где бумажка на земельный участок, где расчет крутизны уклона спуска, где техрегламент на подобные сооружения? А что, если какой-нибудь мальчик там вывихнет пальчик? В итоге на первое место вышел бы правильный, хорошо написанный проект, который в реальности нужен только тому, кто его писал. Или, скажешь, так не бывает?

– Конечно, бывает! Сплошь и рядом! Иначе после всех проектов наблюдались бы видимые результаты. А этим, увы, хвастаться не приходится. Люди получают деньги – и

будто уходят с ними под воду. Что они делают, зачем – с этого момента будто бы уже никого не волнует.

– Вот поэтому мы считали уровень поддержки проектов через Интернет-голосование важным критерием оценки, хотя и не единственным. И ввели эту процедуру для всех последующих конкурсов проектов. Это стало одной из форм Интернет-участия.

– А те, кто проголосовал, одновременно просвещаются: оказывается, есть какое-то управление по делам молодежи, которое финансирует проекты! Хороший способ информирования!

– И не только информирования. Накануне той самой Ярмарки-2008, когда началось Интернет-голосование, проектами заинтересовалась одна из местных фирм. И решила тоже что-нибудь профинансировать. В итоге на Ярмарке помимо трёх проектов-победителей получили поддержку еще два проекта, которые понравились этой фирме.

– То есть благодаря новым формам участия удалось вовлечь не только молодежь, но и бизнесменов.

– Друг, вывод очевиден: нельзя заниматься молодежной политикой, тихо посиживая в своём кабинете! Если не будет информационного потока, движухи, то не придут и ресурсы. Мы продолжим этот разговор в следующий раз.

Градусник для молодёжки

Одновременно с проектом по развитию молодёжного участия мы запускали трёхлетнюю программу повышения качества молодежной политики. По-английски она называлась программой формирования компетенций в сфере развития молодёжи, а на русский язык организаторы перевели её как программу поддержки молодежных инициатив. Видимо, чтобы люди не сразу попадали в обморок.

Это было, когда мы ударно заканчивали строительство визит-центра и проводили своё рабочее время, в основном, с шуруповёртами в руках. В один из таких дней мне позвонили из московского офиса фонда АЙРЕКС и сказали: «Здравствуйте, мы сейчас занимаемся разработкой межрегиональной программы поддержки молодежных инициатив. Нам будут нужны региональные координаторы. Есть ли у Вас интерес поучаствовать?»

«Конечно, есть интерес!» – ответил я, и начал ввинчивать в стену следующий шуруп. Через несколько месяцев пришло письмо о том, что начинается конкурсный отбор региональных координирующих организаций. В конкурсе предложили участвовать девяти регионам, из которых планировалось отобрать семь. Мы отослали все необходимые бумаги и через некоторое время вошли в эту счастливую семёрку. Это означало, что Карелия стала одной из семи пилотных территорий, в которые фонд АЙРЕКС в последующие три года вложит немало средств, идей и энергии для того, чтобы молодежная политика вышла на новый качественный уровень.

Вскоре я отправился на стартовый семинар, где познакомился со своими коллегами – другими региональными координаторами Программы. Среди них был и Сергей Авдеев из Челябинска. Тот самый, который позже станет чиновником и сделает заказ на книжку под названием «Молодёжная политика». Надеюсь, мне удалось его порадовать!

2010 год. Конференция Программы АЙРЕКС в Москве. Зажигательный танец под звуки молодежного ансамбля. Не удержались, решили поддержать ребят. Вместе со мной его исполняют Михаил Эпштейн (в центре), Сергей Авдеев (на заднем плане), Светлана Дремлюга (розовый рукав)

Если говорить о личностях, то программа АЙРЕКС объединила и перезнакомила между собой, наверное, самых мощных профессионалов из разных регионов. Среди них, помимо Сергея Авдеева, были Юрий Майстровский из Самары, Марина Михайлова из Архангельска, Михаил Эпштейн из Питера, Татьяна Деревягина из Тамбова, Наталья Киреченкова из Воронежа, Андрей Пуговкин из Оренбурга, Светлана Дремлюга из Тюмени, Ольга Зубкова из Перми и многие другие. Я бы назвал программу превосходной за одну лишь возможность поработать вместе с этими товарищами. Но программа была отнюдь не превосходной. Она была – практически гениальной!

Стандартный подход грантовых программ можно обрисовать так: «А попробуй-ка, изобрази велосипед!» Фонд даёт деньги под свои приоритетные направления, а организации, в свою очередь, должны придумать под них некие ноу-хау. Каждый проект непременно должен быть инновационным, предлагать свежие решения существующих проблем. А потом над заявками сидят эксперты и вздыхают: «Эх, читали мы уже что-то подобное тысячу раз. Да-а-а, не удивили!» – и отправляют проекты в корзину.

При этом ситуация в разных регионах очень похожа, и эффективное решение любой российской проблемы наверняка уже найдено в каком-нибудь из уголков нашей необъятной Родины. Да вот беда: во всех остальных уголках Родины об этом ничего не слышали. И продолжают безуспешно изобретать собственный велосипед. Почему-то никому не приходит в голову очевидная мысль о том, что эффективные решения можно тиражировать! Делать это – вполне реально, но только этим нужно серьезно заниматься.

Если тиражирование моделей у нас и происходило, то в основном по такой схеме: некая известная, раскрученная на западе модель переносилась на российскую почву. Почему это плохо работает – мы уже подробно поговорили. Слишком разный у нас контекст.

Так вот, программа АЙРЕКС сделала практически революционный ход. Она решила тиражировать модели, которые успешно работают не в других странах, а у нас – в российских регионах. И при этом – что очень важно! – соответствуют современным молодежным концепциям, признанным в мире. «У вас уже есть передовой опыт работы с молодежью, который не уступает мировым аналогам. Вам нужно только осмыслить его и

более уверенно двигаться вперед». Примерно так я бы сформулировал главную идею программы.

– Да, идея замечательная! Только ведь о современных подходах к работе с молодежью у нас мало кто знает. Как определить, где передовой опыт, а где – тупиковая ветвь?

– Это верно. Логичнее, наверное, было бы поступить так: пригласить американского эксперта, собрать людей из целевых регионов и рассказать им, что всю свою жизнь они работали неправильно. В общем, отстали. И начать учить их демократии – в нашем случае, современным молодежным концепциям. Скорее всего, реакция на это была бы негативной. АЙРЕКС поступил мудро: сначала – ваш собственный позитивный опыт, а уже потом мы будем разговаривать о том, что за ним стоит. Сначала – ваши собственные проекты, а уже затем – общая картина того, как они укладываются в современные концепции молодежной политики.

– В общем, они использовали скаутский принцип «обучение через практику».

– Совершенно верно! Теория позитивного развития молодежи пришла в Россию через тиражирование успешных инициатив из региона в регион.

– По идее, этим тиражированием должны заниматься наши любимые федералы.

– Европейцы называют это бенчмаркингом – то есть процессом отслеживания эффективных подходов для использования их в работе. Это – тот самый ботинок, который они держат в дверных проёмах молодежных политик европейских стран. В России молодежным бенчмаркингом пока успешно занимался только АЙРЕКС. Причём с таким горячим энтузиазмом, что было приятно смотреть. В этом – немалая заслуга Марины Кулинич, которая своей отчаянной решительностью и готовностью ринуться в бой напоминала мне Жанну д'Арк.

– А кстати: удалось ли тебе узнать, почему они пригласили в программу именно эти семь регионов, а не какие-нибудь другие? Почему, например, они выбрали вас?

– Некоторых координаторов пригласили, потому что знали их по предыдущим программам. Но таковых оказалось мало. Тогда стали рыться в Интернете. Смотреть: где есть НКО, которые способны выполнить роль региональных координаторов? В каких регионах что-то шевелится, и вложения, следовательно, дадут результат? А поскольку мы всегда освещали свою работу весьма активно, то и оказались в списке претендентов. Чуть позже, когда мы открыли портал «Молодёжь Петрозаводска», сотрудники программы АЙРЕКС говорили нам, что они видят то, что происходит у нас в молодёжке, как на ладони. Тогда как во многих других регионах было невозможно что-либо разглядеть в принципе.

– В общем, информационное поле сработало на вас. И что же было дальше?

– Сначала АЙРЕКС провел всероссийский конкурс инновационных моделей. Все желающие могли представить свой передовой опыт для тиражирования в других регионах. Было отобрано двадцать пять лучших моделей. Из них региональные координаторы могли выбрать около половины – те, которые действительно интересны для их региона. Дальше внутри региона формировались молодежные инициативные группы, желающие познакомиться с этими моделями и внедрить их. Затем все они встречались на Ярмарке. Инноваторы представляли свои модели, а молодежные инициативные группы, сокращенно – МИГи, их выбирали. И уже дистанционно они вместе готовили для АЙРЕКСа грантовые заявки. В Карелии в итоге стартовало семь проектов. МИГи получили гранты на проекты на два года, а инноваторы – гранты на методическое руководство МИГаами.

– Ну что ж, вполне логичная модель! Традиционный вопрос: это где-нибудь описано?

– Конечно! Если хочешь узнать о программе в Карелии, прочитай нашу [брошюру «Молодёжь и развитие»](#) – она опубликована на портале «Молодёжь Петрозаводска». Там можно найти и описание каждого проекта. А на [общем сайте](#) программы АЙРЕКС есть информация о том, что происходило во всех регионах. В том числе там опубликованы материалы тренингового курса по позитивному развитию молодежи.

– Это курс для специалистов?

– Да. На его основе мы разработали курс повышения квалификации молодёжных работников – это происходило на заключительной стадии программы. После двух лет работы её решили продлить еще на один год, но только для трёх регионов. Мы попали и в эту тройку. В этих трёх регионах вёлся предметный диалог о развитии молодёжной политики. Отработка курса повышения квалификации специалистов стала одним из мероприятий этого этапа. А мы в это время сделали еще один важный шаг: предложили свой ответ на вопрос о том, как можно измерять эффективность молодёжной политики.

– Любопытно!

– Один из проектов, который пришел в Карелию, назывался «Молодёжный голос». Его нам передали астраханские студенты-социологи, которые создали при университете собственную социологическую службу. У нас тоже были заинтересованные студенты-социологи. Их лидер Катя Прохорова была добровольцем у скаутов. Поэтому сферой их интересов было в первую очередь исследование молодёжной политики. После серии простых исследований, который провёл «Молодёжный голос», мы вместе сели за разработку методики оценки уровня молодёжного участия.

– В чём была главная идея?

– Идея была в том, чтобы собрать не разрозненные данные, а выстроить их в единую шкалу. На выходе мы получили Индекс молодёжного участия. Если проводить исследование каждые два-три года, то будет видно: растёт индекс или падает. Это – как градусник, который позволяет измерять температуру молодёжной политики. А значит, можно оценить, срабатывает ли то, что мы делаем, либо нужно искать новые решения.

– Итак, вы разработали эту методику. Удалось ли её применить?

– Мы успели провести это исследование один раз. Проводили бы и дальше, но после ухода Светланы Начиновой из мэрии это оказалось неактуальным.

– О чём же рассказало вам это исследование?

– О том, что нам еще работать, работать и работать. Исследование выдало результат по трём параметрам. По параметрам информированности молодежи и её вовлеченности в жизнь региона индексы составили 4,5 балла из десяти возможных. А вот индекс гражданской активности молодежи – только 1,8 балла!

– Во всяком случае, это близко к реальности.

– Мы к этому и стремились. Нам не нужны оптимистические цифры о том, что каждый второй причисляет себя к волонтерам, поскольку раз в году переводит бабушку через дорогу. Если мы исходим из того, что цель молодёжной политики – это максимальная интеграция молодежи в общество, то оценка уровня молодёжного участия должна быть также и оценкой эффективности молодёжной политики. А для такой оценки нам нужны корректные инструменты, которые не приукрашивают действительность, а показывают реальную картину.

– Теперь вы сами можете тиражировать эту методику в другие регионы. В рамках бенчмаркинга!

– А она доступна: заходишь на «Молодёжь Петрозаводска» и читаешь [брошюру](#), которую мы сделали по итогам этого исследования.

– Осталось только найти тех, кто не побоится честно оценить самих себя.

– Лично мне хотелось бы, чтобы именно таких лидеров в молодёжке становилось больше.

Не прощальные слова

Многие мои товарищи по молодёжке заслуживают того, чтобы рассказать о них отдельно. Некоторых из них я уже упомянул на страницах этой книжки. Но есть еще десяток-другой имён, без которых портрет петрозаводской молодёжки был бы неполным. Назову лишь некоторые.

Это Олег Кожин, который переехал к нам из Норильска, запускал вместе с нами портал «Молодёжь Петрозаводска», а затем поработал директором Городского центра молодёжи. Сейчас многие знают Олега как набирающего популярность писателя-фантаста. Это прирождённый педагог Маргарита Воздвиженская, которая заражает своей неуёмной энергией молодёжь на любом месте – когда-то в том же Центре молодёжи, затем в кресле главного специалиста Управления по делам молодёжи, а сейчас – в лицее №40. Это Галина Григорьевна Дятлова, которая была незаменимым заместителем у всех начальников Отдела по делам молодёжи Петрозаводска. Это Наталья Бушковская, которая пришла Дятловой на смену и столь же уверенно прикрыла Светлану Начинову на бюрократических фронтах.

2011 год. Празднование 20-летия Управления по делам молодёжи, накануне которого само Управление было упразднено

На фото присутствуют (слева направо): Галина Дятлова, Владимир Войнов, Семён Либман, Светлана Начинова, Галина Устюгова, Никита Филатов, Ирина Рынкевич, Евгений Андреев, Наталья Заболотских, Дарья Маковецкая, Олег Кожин и Денис Рогаткин.

Это Владимир Войнов, Сергей Кудряшов, Светлана Ключникова, Людмила Исаева, которые в разные годы были нашими союзниками в региональном комитете по делам молодёжи, как бы он ни назывался.

Это и те лидеры организаций, с которыми мы вместе работаем сейчас. Невозможно представить петрозаводскую молодёжку без Дарьи Маковецкой, благодаря которой добровольчество в Карелии набирает обороты и преподносит всё новые сюрпризы.

Вовремя подставил нам своё плечо Геннадий Сараев – благодаря Карельскому фонду развития образования мы окунулись в новый международный проект. Столь же надёжен мой финский товарищ Саку Пункари, вокруг которого всегда кипит жизнь в Школе Восточной Финляндии в городе Йозенсуу. Ну а с Галиной Ширшиной, которая сейчас работает мэром Петрозаводска, нас связывают добрые отношения с тех времён, когда она была студенческим лидером в педагогическом университете.

Команда «Дороги» – это особая история. В ней – Александр Блышко, который пришел к нам еще в третьем классе, а сейчас руководит городской программой «Мы и общество». Светлана Гладких, которая появилась в «Дороге» в десятом классе, а ныне ведет проект по развитию Служб примирения. Ирина Медведева, Инна Варламова и Наталья Яловицына – они пришли к нам студентами и взяли на себя работу по программе «Первый шаг в общество». Это и наши выпускники, которые всегда готовы помочь организации как добровольцы. Это и старшеклассники, с которыми мы делаем программу «После школы». Многие люди, которые были с нами в «Дороге» за эти двадцать лет, уже давно шагают своей собственной дорогой, но я их помню и благодарен им за то, что они вложили что-то своё в наше общее дело.

Как ни крути, работа в молодёжке – это одно из самых интересных занятий на этой земле. Приходите в молодёжку! И главное – оставайтесь в ней надолго!

Август 2014.

Д.В. Рогаткин. Молодежная политика. Настольная книга для тех, кто отвечает за молодежь. – Электронное издание. Режим доступа: Интернет-портал «Молодёжь Петрозаводска» <http://youth.karelia.ru> – Петрозаводск, Юниорский союз «Дорога», 2014.

Об авторе:

Денис Владимирович Рогаткин, координатор Юниорского союза «Дорога», председатель НКО «Союз детских и молодёжных общественных объединений Карелии», заместитель директора Детско-юношеского центра города Петрозаводска.

denis.rogatkin@yandex.ru

vk.com/denis.rogatkin

www.facebook.com/denis.rogatkin